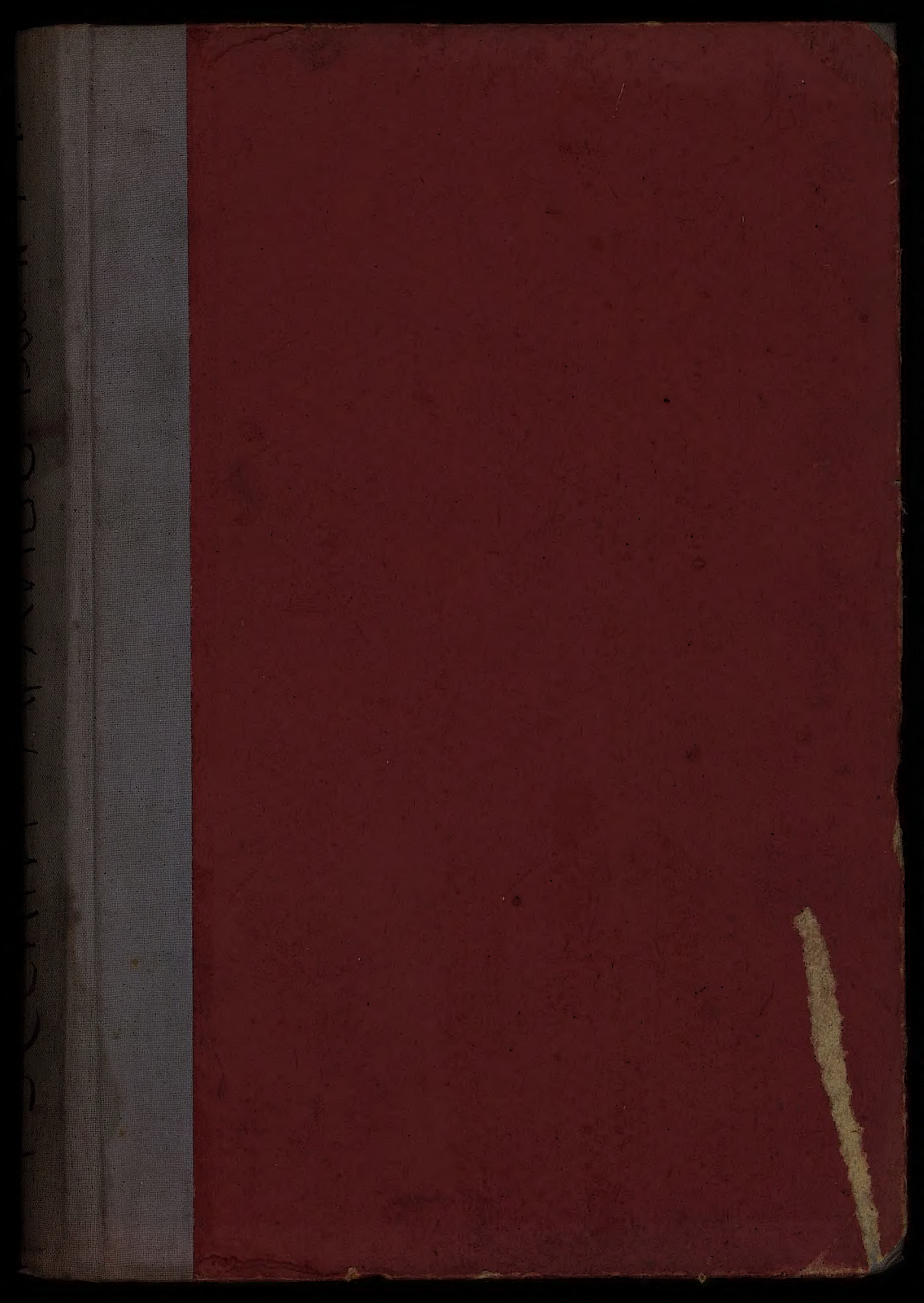
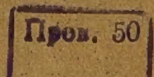

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

1.

Стр.
5. Фельдмаршалъ князь Ф. В. Сакенъ. Его біографія и памятныя записки.

42. Отъ Дуная до Царьграда. Воспоминанія **В. В. Воейкова.**

79. Изъ жизни каторжныхъ въ Восточной Сибири. Воспоминанія **И. В. Ефимова.**

108. Изъ писемъ **Н. С Сохакской (Кохановской)** къ М. В. Вальховской. (1876—1884).

141. Историко-критическія замѣтки. **Д. И. Иловайскаго.**

148. Стихи **П. А. Вяземскаго** къ князю А. М. Горчакову.

149. Пушкинъ на Бердахъ. 1833. **Н. П. Иванова.**

159. О книгѣ В. П. Горленка: „Украинскія были“. **Ю. Б.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

С. Θ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное Время). Спб. 1899 г. 8-ка, XIII+665. Съ приложеніемъ карты городовъ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ.

Изслѣдованіе это, докторская диссертація извѣстнаго уже своими работами по Смутному Времени профессора Петербургскаго университета, свидѣтельствуетъ о томъ, какіе успѣхи сдѣланы въ области Русской исторіи до-Петровскаго періода.

Авторъ обратилъ исключительное вниманіе на тѣ стороны, которыя до сихъ поръ оставлялись на второмъ планѣ у изслѣдователей: на дѣятельность кружковъ, руководившихъ общественною жизнью, и на то, какое участіе въ Смутѣ принимали разныя сословія. Сначала онъ изображаетъ обстановку, въ которой совершалась Смута. Въ первой главѣ мы находимъ сжатое описаніе областей Московскаго государства, во второй изображенъ тотъ переломъ, который испытывало Московское государство во второй половинѣ XVIв. Этотъ переломъ обусловленъ былъ внутренними противорѣчіями государственнаго и общественнаго порядка. Политическое состояло въ томъ, что „Московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ аристократической администраціи" (Ключевскій); общественное—въ томъ, что выгоды промышленнаго и земледѣльческаго класса приносились въ жертву выгодамъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Первое привело къ открытому столкновенію Московской власти съ родовитымъ боярствомъ; второе породило глубокое недовольство тягловаго люда противъ всего государственнаго порядка. Въ концѣ-концовъ получалось, что въ срединныхъ и южныхъ областяхъ не было ни одной общественной группы, которая была бы довольна ходомъ дѣлъ. „Здѣсь все было потрясено внутреннимъ кризисомъ и военными неудачами Грознаго, все потеряло устойчивость и бродило, бродило пока скрытымъ внутреннимъ броженіемъ, зловѣщіе признаки котораго могъ ловить глазъ внимательнаго наблюдателя". Уважаемый профессоръ скромно заявляетъ, что не можетъ считать первую часть своей работы за самостоятельное изслѣдованіе; однако, на нашъ взглядъ и въ распредѣленіи матеріала, и въ ходѣ доказательствъ онъ показалъ много самобытности.

Изслѣдованію Смуты въ Московскомъ государствѣ посвящены три главы: борьба за Московскій престолъ, разрушеніе государственнаго порядка, попытки возстановленія порядка.

Первоначально Смута появилась въ боярской средѣ, затѣмъ была перенесена въ войско, что и дало успѣхъ т. н. Самозванцу; переворотъ 17 Мая 1606 года положилъ начало открытой общественной борьбы, и государство раздѣлилось между Тушинской и Московской властью; „мужики" торгово-промышленнаго Сѣвера помогли сломить Тушинскаго вора, но самъ царь Василій скоро палъ, благодаря осложненій, созданныхъ Польскимъ и Шведскимъ вмѣшательствомъ, и взамѣнъ его власть въ Москвѣ захватили, именемъ Владислава, Поляки, возбудившіе противъ себя всѣ народныя группы, доселѣ взаимно враждовавшія; временное правительство, сгруппировавшееся возлѣ Ляпунова, пало, вслѣдствіе раздоровъ, и только въ 1611 г. патріархомъ объединенный землевладѣльческій служилый классъ и торгово-промышленные люди освободили Москву и побѣдили казаковъ.

Книга С. Θ. Платонова написана прекраснымъ языкомъ илегко читается.

Въ заключеніе укажемъ на ея отличіе отъ другихъ важныхъ работъ по исторіи Смуты, появившихся за послѣднее время. Говоримъ о пись-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

1900.

1.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ и Юріемъ Бартеневыми.

...Дорогія имена
Передаетъ народъ устами
И сохраняетъ письменами.

Случевскій.

1900.

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

Годовое изданіе „Русскаго Архива“ состоитъ изъ трехъ книгъ, каждая въ четыре выпуска.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ КНЯЗЬ САКЕНЪ.

I. Біографія.

Остенъ-Сакенъ, баронъ (потомъ графъ и князь) Фабіанъ Вильгельмовичъ, родился въ Ревелѣ 20 Октября 1752 года. Фамилія его съ XV столѣтія извѣстна въ Курляндіи. Отецъ, баронъ Вильгельмъ Фердинандъ Остенъ-Сакенъ, будучи капитаномъ, находился адъютантомъ фельдмаршала графа Миниха при его паденіи (1741 г.), переведенъ тогда въ Ревельскій гарнизонъ и тринадцать лѣтъ продолжалъ службу въ томъ же чинѣ по самую кончину свою (1754 г.). Подъ надзоромъ попечительной матери *), баронъ Остенъ-Сакенъ провелъ въ бѣдности первые года своего дѣтства. Она помѣстила его, потомъ, въ школу, находившуюся въ Дерптѣ; но здѣсь не могъ онъ получить блистательнаго образованія и самъ, впослѣдствіи, усовершенствовалъ себя въ наукахъ и языкахъ, посвящая все свободное время учебнымъ занятіямъ. Въ юномъ возрастѣ, опредѣлился онъ въ военнную службу (1766 г.) подпрапорщикомъ въ Копорскій мушкетерскій полкъ и, въ чинѣ сержанта (1767 г.), выступилъ (1769 г.) на поле чести: участвовалъ въ блокадѣ города Хотина генералъ-аншефомъ, княземъ Голицынымъ, въ сраженіяхъ 22 Іюня и 29 Августа, въ ночной атакѣ Турецкихъ войскъ 7 Сентября и *за отличіе* пожалованъ прапорщикомъ, на 18-мъ году отъ рожденія. Тогда онъ переведенъ въ Нашебургскій мушкетерскій полкъ, въ которомъ остался до капитанскаго чина (1777 г.), сражаясь (съ 1771 по 1772 годъ), подъ знаменами Суворова, съ Польскими конфедератами. Находясь въ Варшавѣ, баронъ Остенъ-Сакенъ поступилъ въ ординарцы къ нашему послу, графу Стакельбергу, *который* (по словамъ Сегюра) *царствовалъ въ Польшѣ именемъ Екатерины.* Онъ полюбилъ его за чрезвычайную расторопность и оставилъ при себѣ. Этотъ временный отдыхъ былъ весьма полезенъ молодому человѣку, наблюдавшему вблизи дѣйствія искуснаго дипломата: умная бесѣда и чтеніе усовершенствовали образованіе Остенъ-Сакена. Изъ Углицкаго мушкетерскаго полка онъ опредѣленъ (1785 г.) въ Кадетскій корпусъ, какъ отличный офицеръ, совершенно знающій порядокъ службы, дѣятельный,

---

*) Мать князя Остенъ-Сакена, урожденная Удомъ, была дочь Шведскаго маіора.

усердный. Здѣсь вскорѣ получилъ онъ чинъ маіора (1786 г.) и въ тотъ же день (13 Ноября) переименованъ въ подполковники съ помѣщеніемъ въ Московскій гренадерскій полкъ. Тогда Барклаи-де-Толли (опередившій его впослѣдствіи) находился еще поручикомъ. Въ 1789 году баронъ Остенъ-Сакенъ снова обнажилъ мечъ противъ враговъ Отечества и перешелъ съ Ростовскимъ мушкетерскимъ полкомъ (въ который былъ переведенъ 19 Іюля) подъ начальство Суворова, участвовалъ (20 ч.) въ сраженіи при рѣкѣ Путнѣ, при взятіи (21 ч.) Фокшанъ и овладѣніи Турецкими окопами, также крѣпкимъ монастыремъ Св. Самуила; получилъ, за оказанную храбрость, орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; содѣйствовалъ (5 Ноября) занятію Бендеръ княземъ Таврическимъ; обратилъ на себя (11 Дек. 1790 г.), во время Измаильскаго штурма, вниманіе Суворова, который отдалъ справедливость *мужеству его и благоразумію.* Новое поле открылось для барона Остенъ-Сакена въ 1794 году. Онъ отличился въ разныхъ битвахъ противъ Польскихъ мятежниковъ: при м. Липшнякахъ (16 Мая); Ошмянахъ (21 ч.); Салатахъ (Іюня 16); при штурмованіи (8 Іюля) непріятельскаго ретраншамента подъ Вильною; во время покушенія Поляковъ (9 ч.), подъ этимъ городомъ и (31 ч.) при завладѣніи онымъ; награжденъ золотою шпагою съ надписью *за храбрость*; сражался (20 Авг.) при м. Олитѣ; произведенъ за отличіе въ полковники; участвовалъ (28 ч.) во взятіи г. Ковны; переведенъ (11 Февр. 1795 г.) въ Черниговскій мушкетерскій полкъ.

Баронъ Остенъ-Сакенъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры императоромъ Павломъ 1-мъ, съ назначеніемъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка (28 Сент. 1797 г.) и вскорѣ произведенъ въ генералъ-лейтенанты (11 Іюля 1799 г.). Онъ находился въ Швейцаріи съ корпусомъ Римскаго-Корсакова, когда этотъ генералъ, окруженный въ Цирихѣ Массеною, принужденъ былъ вступить съ нимъ въ неровный бой 14 и 15 Сентября. Въ первый день непріятель пять разъ опрокинутъ и преслѣдованъ съ значительнымъ урономъ. Барону Остену-Сакену удалось удержать позицію впереди города. Ночь приближалась; Французы прекратили наступленіе. Въ Цирихѣ царствовалъ величайшій безпорядокъ. Сакенъ съ трудомъ могъ пробраться до квартиры Римскаго-Корсакова между войскъ, пушекъ, лошадей и экипажей, загромоздавшихъ улицы. У него былъ собранъ весь генералитетъ. «Не считаю положеніе наше столь критическимъ, какъ воображаютъ», сказалъ ему баронъ Остенъ-Сакенъ «уронъ нашъ не превышаетъ 800 человѣкъ: мы можемъ держаться при Цирихѣ нѣсколько дней; между тѣмъ долженъ прибыть князь Италійскій, и все поправится».—«Для этого», отвѣчалъ корпусный командиръ, «намъ нужны хлѣбъ и патроны».

На другой день (15 Сент.,) въ 4 часа утра, Сакенъ снова явился къ Римскому-Корсакову. «Что вы рѣшили?» былъ первый вопросъ его. «Овладѣть Цирихскою горою, сосредоточить тамъ весь корпусъ и тогда отступить къ Эглизау, смотря по обстоятельствамъ.» Между тѣмъ минута битвы наступала. «Я отправляюсь къ своему мѣсту», сказалъ Сакенъ, «и, удерживая непріятеля отъ города, буду ожидать дальнѣйшихъ распоряженій вашихъ.» Тогда онъ раздѣлилъ пяти-тысячный отрядъ свой на двѣ колонны и, безъ потери времени, двинулся противъ Массены. Французы были не только опрокинуты, но преслѣдованы на довольно значительномъ пространствѣ по дорогамъ ведущимъ, въ Эглизау и Баденъ. Обрадованный успѣхомъ, баронъ Остенъ-Сакенъ отправилъ своего адъютанта къ Римскому-Корсакову, съ просьбою приказать лѣвому флангу, располагавшемуся у Цирихской горы, примкнуть къ правому близъ Эглизауской дороги и тѣмъ дать выгодный оборотъ сраженію. Около двухъ часовъ прошло до возвращенія посланнаго. Въ это время баронъ Остенъ-Сакенъ принужденъ былъ отступить къ прежней своей позиціи. Наконецъ, адъютантъ прискакалъ съ отвѣтомъ корпусного командира, *что городъ договаривается о сдачѣ, что самъ онъ уже перешелъ за Цирихскую гору и что все бѣжитъ въ величайшемъ безпорядкѣ.* Баронъ Остенъ-Сакенъ немедленно обратилъ адъютанта къ Римскому-Корсакову съ требованіемъ оставить въ его распоряженіи, по крайней мѣрѣ, нѣсколько баталіоновъ; потому что Козловскій полкъ почти весь былъ разстроенъ, а Екатеринославскій гренадерскій только одинъ сражался. Но и это желаніе не было выполнено. Положеніе Остена-Сакена было самое отчаянное: онъ находился въ сильнѣйшемъ огнѣ, окруженный многочисленнымъ непріятелемъ, безъ всякой надежды имѣть подкрѣпленіе. Уже ограда корпуса, храбрые гренадеры, сражавшіеся какъ львы, не зная опасности, въ которой находились, начали колебаться. «Развѣ вы не тѣ Екатеринославцы, которые славились при императрицѣ Екатеринѣ?» вскричалъ тогда баронъ Остенъ-Сакенъ, схвативъ знамя и бросившись впередъ. Въ эту минуту герой былъ раненъ пулею въ голову; его отнесли въ городъ. «Едва оставилъ я поле сраженія», писалъ Сакенъ своему пріятелю изъ Нанси, «какъ солдаты устремились за мною, окружили меня на улицѣ, гдѣ перевязывали мнѣ рану, не хотѣли удалиться. Я утѣшалъ ихъ по возможности и указывалъ имъ дорогу, по которой слѣдовало отступать. Въ первомъ часу пополудни непріятельскія войска заняли городъ, проходили мимо моихъ оконъ съ радостными восклицаніями и безпрестанною стрѣльбой. Признаюсь, что минута эта была одна изъ горестнѣйшихъ моей жизни! Вечеромъ пришли въ мою квартиру нѣсколько офицеровъ штаба генерала Массены, въ томъ числѣ адъютантъ Рейнвальдъ и батальонный командиръ Баель.

Они напали на мои вещи, похитили у меня лошадей, экипажъ, деньги, платья, словомъ, все, что я имѣлъ; людей же моихъ (которыхъ принудили увезти эту добычу въ домъ Массены, гдѣ раздѣлили ее между собою) удержали плѣнными. Такимъ образомъ остался я безъ прислуги и безъ потребнѣйшихъ вещей. На другой день послалъ я къ генералу Массенѣ съ жалобою о подобномъ поступкѣ, неслыханномъ у просвѣщенныхъ народовъ; однакожъ ничего мнѣ не возвращено. Отнять послѣднюю рубашку у генерала, котораго, послѣ сраженія, находятъ раненымъ въ спокойномъ городѣ, есть дѣло почти неизвѣстное простѣйшимъ людямъ! Пребываніе мое въ Цирихѣ, и особенно откровенныя мои выраженія, не понравились Массенѣ, также его штабу: они требовали непремѣнно моего выѣзда. Кромѣ того, что здоровье мое этого не дозволяло, я самъ не имѣлъ охоты отправиться во внутренность Франціи. Замѣтивъ, что я противился ихъ волѣ, они старались дѣлать мнѣ всякаго рода непріятности. Я принужденъ былъ оставить Цирихъ и прибыть въ Нанси 3 (15) Октября. Здѣшнее правительство назначаетъ плѣннымъ нѣкоторое вспомоществованіе, но это едва достаточно для ихъ пропитанія. Оно предложило таковое пособіе и мнѣ; однакожъ, я никогда не жилъ на чужихъ издержкахъ, а тѣмъ менѣе могъ жить на счетъ враговъ моего отечества. Въ этомъ отношеніи несчастіе мое нѣсколько возвысило мою гордость».

Возвратясь изъ плѣна въ 1801 году, баронъ Остенъ-Сакенъ занялъ квартиры въ Ревелѣ съ ввѣреннымъ ему С.-Петербургскимъ гренадерскимъ полкомъ и, охраняя берега Эстляндіи, производилъ переговоры съ Англійскимъ адмираломъ Нельсономъ. Чрезъ три года потомъ (1804 г.) онъ пожалованъ, 22 Мая, при осмотрѣ полка императоромъ Александромъ, кавалеромъ ордена Св. Анны первой степени; командовалъ, въ 1805 году, корпусомъ, расположеннымъ въ Гродненской и, послѣ, резервнымъ въ Владимирской губерніяхъ.

Война съ Франціею снова вызвала его (1806 г.) на бранное поле. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ (Дек. 14) при г. Пултускѣ, у деревни Янковой (22 Янв. 1807 г.) и 26 и 27 ч. подъ Прейсишъ-Эйлау; награжденъ орденомъ Св. Владимира второй степени большого креста; получилъ отъ короля Прусскаго ленту Краснаго Орла. Вслѣдъ затѣмъ баронъ Остенъ-Сакенъ находился въ битвѣ (21 Февр.) при деревнѣ Лаунау, но вскорѣ постигло его несчастіе: онъ лишился команды, преданъ военному суду и пять лѣтъ влачилъ горестные дни въ Петербургѣ, претерпѣвая крайній недостатокъ. Беннигсенъ приписалъ ему неудачныя свои дѣйствія противъ Французовъ 24 и 25 Мая; баронъ Остенъ-Сакенъ слагалъ вину на Беннигсена, *отъ котораго получалъ противорѣчащія повелѣнія,* и военный писатель нашъ, Михайловскій-Дани-

левскій, оправдываетъ Сакена, говоря, «что Беннигсенъ обвинилъ его за неудачу, будучи во враждѣ съ нимъ, еще съ Польской войны 1794 года».

Наступилъ достопамятный 1812 годъ. Государь, уважая заслуги, храбрость и военное искусство барона Остенъ-Сакена, ввѣрилъ ему резервный корпусъ, расположенный на Волыни. 29 Сентября онъ поступилъ въ армію адмирала Чичагова и принялъ въ команду корпусъ генерала графа Каменскаго. Тогда флигель-адъютантъ Чернышевъ, съ отрядомъ легкихъ войскъ и ротою конной артиллеріи, перешедъ въ семь сутокъ болѣе пятисотъ верстъ, занялъ города Сѣдлецъ и Венгровъ, около двадцати мѣстечекъ, истребилъ десять значительныхъ магазиновъ, навелъ ужасъ на самую Варшаву. Для прекращенія этихъ опустошеній, фельдмаршалъ князь Шварценбергъ отрядилъ къ мѣстечку Бялѣ генерала Ренье, съ его корпусомъ. Барону Остенъ-Сакену, имѣвшему подъ своимъ начальствомъ 33 баталіона пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 3 казачьихъ полка и 4 роты артиллеріи, было поручено наблюдать у Бреста-Литовскаго за арміею Австрійскаго фельдмаршала и стараться прикрывать движеніе адмирала Чичагова къ рѣкѣ Березинѣ. Авангардомъ его командовалъ генералъ-маіоръ Гамперъ, боевымъ корпусомъ генералъ-маіоръ Булатовъ, резервомъ—генералъ-маіоръ графъ Ливенъ. Всѣхъ войскъ было у него не болѣе 18.000 человѣкъ, но вскорѣ главнокомандующій подкрѣпилъ его девятитысячнымъ корпусомъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го. Князь Шварценбергъ имѣлъ подъ ружьемъ до 50.000 человѣкъ. Онъ слѣдовалъ съ главными силами отъ береговъ рѣки Буга, чрезъ Волковискъ, къ Слониму, сталъ между корпусомъ барона Остенъ-Сакена и арміею Чичагова. Тогда въ Слонимѣ формировался изъ мятежныхъ Литовцевъ гвардейскій двухтысячный полкъ, подъ командою Конопки. Баронъ Остенъ-Сакенъ поручилъ генералу Чаплицу захватить его. Отрядъ нашъ, состоявшій изъ двухъ егерскихъ полковъ, Павлоградскаго гусарскаго, двухъ казачьихъ и конной роты Арнольди, подошелъ (8 Окт.) къ Слониму. Конопка обратился въ бѣгство, но былъ настигнутъ Чаплицомъ, разбитъ, раненъ пикою и взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ 13 офицерами и 235 нижними чинами; прочіе разбѣжались. Это пораженіе имѣло важныя послѣдствія на остальныя формированія въ Литвѣ. Узнавъ, что князь Шварценбергъ и Ренье устремились за арміею Чичагова, которая шла къ Слониму, баронъ Остенъ-Сакенъ выступилъ изъ Бреста къ Высоколитовску, въ намѣреніи атаковать, гдѣ можно, непріятельскій арріергардъ и по одиночкѣ корпуса, если къ тому представится случай, но отступать отъ превосходныхъ силъ. «Только симъ средствомъ», писалъ онъ, «надѣюсь я подать Чичагову возможность уйти впередъ и

принудить непріятеля прекратить преслѣдованіе Дунайской арміи. Если бы даже я и былъ разбитъ, до чего, однако, не дошло, то и самое пораженіе мое, остановивъ непріятеля, все бы способствовало Чичагову къ достиженію цѣли, отъ которой зависѣла участь войны». Въ сихъ словахъ заключается превосходный планъ дѣйствій, избранный знаменитымъ полководцемъ.

28 Октября баронъ Остенъ-Сакенъ прогналъ за рѣку Наревъ Французскій отрядъ, находившійся при деревнѣ Плоскахъ; вошелъ въ Бяловежскій лѣсъ, обратилъ въ бѣгство (29-го ч.) чрезъ Свислочь къ Великимъ Гринкамъ часть аррiергарда Ренье, сильно тѣснилъ его, въ намѣреніи воспрепятствовать князю Шварценбергу напасть съ тыла на адмирала Чичагова; сразился съ Ренье (1 Ноября) при селеніи Лапиницѣ, принудилъ его отступить къ Волковиску, ворвался (2-го числа) врасплохъ въ этотъ городъ, овладѣлъ обозомъ и канцеляріей корпуснаго Французскаго генерала, который спасся въ окно; продолжалъ сражаться съ нимъ во всю ночь; положилъ на мѣстѣ 500 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ столько же, отбилъ одно знамя; выступилъ изъ города (3 ч.), но принудилъ князя Шварценберга предпринять обратный путь изъ Слонима къ Волковиску, для подкрѣпленія генерала Ренье. Ложное показаніе плѣнныхъ Австрійцевъ, что князь Шварценбергъ снова обратился къ Слониму, заставило барона Остенъ-Сакена атаковать (4 Ноября) поутру лѣвое крыло непріятеля. Въ то время, какъ сильный огонь открылся съ обѣихъ сторонъ и начинало уже завязываться настоящее дѣло, два пушечные выстрѣла, произведенные отъ мѣстечка Изабелина, извѣстили о приближеніи Австрійскаго авангарда. Баронъ Остенъ-Сакенъ немедленно пріостановилъ нападеніе и, уклоняя корпусъ свой отъ двухъ огней многочисленнаго непріятеля, началъ отступать къ Бресту-Литовскому, тѣснимый Австрійскою кавалеріей. 16-го числа князь Шварценбергъ снова отдѣлился отъ Ренье и пошелъ къ городу Слониму. Нашъ генералъ, во все время отступленія, не позволилъ ему никогда себя разстроить и умѣлъ уничтожить покушеніе непріятеля зайти во флангъ предводимаго имъ корпуса. Между тѣмъ адмиралъ Чичаговъ выигралъ время и утвердился на рѣкѣ Березинѣ. По приказанію Чичагова, баронъ Остенъ-Сакенъ отправилъ къ Дунайской арміи 10.000 человѣкъ. Имѣя мало войскъ, онъ стоялъ между Ковелемъ и Любомлемъ и не могъ покуситься ни на какое предпріятіе противъ Ренье. Вскорѣ послѣдній, слѣдуя за движеніемъ князя Шварценберга, началъ отступать. «Побѣды вашей свѣтлости», писалъ къ князю Кутузову баронъ Остенъ-Сакенъ, «разстроили намѣренія Саксонцевъ. Да будетъ вамъ вѣчная слава! Вы рѣшили судьбу и независимость Сѣверныхъ державъ». Онъ старался настигнуть непріятеля. Генералъ-маіоръ

Булатовъ отбилъ у Австрійцевъ 1.200 чел. плѣнныхъ; графъ Ливенъ взялъ 400 человѣкъ изъ арріергарда генерала Ренье. 25 Декабря послѣднія войска непріятельскія перешли границу.

Баронъ Сакенъ участвовалъ въ покореніи (27 Янв. 1813 г.) Варшавы Милорадовичемъ; получилъ приказаніе отъ князя Кутузова, оставя для наблюденія за отступавшими къ Галиціи Австрійцами одинъ казачій полкъ, идти съ корпусомъ къ Ченстохову. Подступивъ къ этой крѣпости 10 Марта, онъ немедленно очистилъ отъ непріятеля предмѣстія и ближнія селенія; сначала держалъ крѣпость въ тѣсной блокадѣ, потомъ (23 ч.) началъ бомбардировать и заставилъ (25 ч.) коменданта сдаться на капитуляцію. Весь гарнизонъ, состоявшій изъ 54 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1.026 нижнихъ чиновъ, взятъ въ плѣнъ. Въ числѣ трофеевъ находились: 2 знамя, 24 мѣдныя пушки, одна мортира, 2.740 ружей и множество военныхъ снарядовъ и провіанта. Вслѣдъ затѣмъ баронъ Остенъ-Сакенъ двинулся къ Кракову, гдѣ стоялъ князь Понятовскій съ десятитысячнымъ корпусомъ; принудилъ его удалиться въ Галицію, заключилъ съ Австрійскимъ генераломъ Фримономъ условіе, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «что корпуса обоихъ генераловъ, бывъ наблюдательными, не должны напрасно проливать кровь»; награжденъ (16 Мая) орденомъ Св. Александра Невскаго; присоединился къ главной арміи. Постановленное перемиріе (20 Мая) прекратило только на два мѣсяца съ небольшимъ военныя дѣйствія. Баронъ Остенъ-Сакенъ поступилъ въ составъ Силезской арміи, находившейся подъ предводительствомъ Прусскаго фельдмаршала Блюхера. Корпусъ его состоялъ изъ 52.000 человѣкъ. Онъ участвовалъ въ изгнаніи (6 Авг.) непріятеля изъ г. Лигница, взялъ въ плѣнъ 6 офицеровъ и 200 рядовыхъ; сразился съ Французами при с. Штейдницъ, очистилъ отъ нихъ (7 числа) Кейзервальдъ, занялъ (9 ч.) г. Бунцлау. Но когда Наполеонъ, желая отдалить Блюхера отъ театра войны, двинулъ противъ него главныя силы свои, баронъ Остенъ-Сакенъ отступилъ, вмѣстѣ съ Пруссаками, до Яуера. Въ это время императоръ Французовъ, узнавъ, что союзники угрожали Дрездену, возвратился туда, оставя въ Силезіи часть войскъ подъ начальствомъ Макдональда. Французскій маршалъ, слишкомъ самонадѣянный, продолжалъ съ меньшими силами преслѣдовать Блюхера; но послѣдній, воспользовавшись отсутствіемъ Наполеона, напалъ на Макдональда (14 Авг.) при рѣкѣ Кацбахѣ, совершенно разбилъ его, положилъ на мѣстѣ до 18.000 человѣкъ, взялъ болѣе ста пушекъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ, начальствовавшій правымъ крыломъ Силезской арміи, содѣйствовалъ побѣдѣ: овладѣлъ ключемъ позиціи непріятельской, высотами у Эйхгольца, привелъ въ совершенное разстройство лѣвое крыло Макдо-

нальда, уничтожилъ покушенія двухъ Французскихъ дивизій напасть на флангъ союзниковъ. Передъ сраженіемъ Блюхеръ отправилъ къ нему слѣдующую записку: «Herr General! Ich attaquire; was werden Sie machen?» [1]).—«*Ура! Сакенъ*», отвѣчалъ онъ главнокомандующему, и съ этимъ побѣдоноснымъ восклицаніемъ ударилъ на непріятеля въ штыки [2]), опрокинулъ его съ крутыхъ береговъ въ быстрыя рѣки, Нейсу и Кацбахъ, взялъ 42 орудія и въ плѣнъ 1511 человѣкъ, въ томъ числѣ одного генерала и 10 офицеровъ. «Я обязанъ важною побѣдой подъ Кацбахомъ особенно Сакену», писалъ Государю Блюхеръ: «быстро, и безъ приказаній моихъ, занялъ онъ 12-пушечною батареей высоты между Бельсгофа и Эйхгольца, посредствомъ чего былъ я поставленъ въ возможность тотчасъ обратить нападеніе на правое крыло непріятелей».

Императоръ Александръ произвелъ барона Остенъ-Сакена (14 ч.) въ генералы-отъ инфантеріи; король Прусскій пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла. Непріятель отброшенъ былъ за рѣку Квейсу. Наполеонъ поспѣшилъ къ Макдональду Блюхеръ снова отступилъ, но императоръ Французовъ не рѣшился преслѣдовать его, желая отомстить Богемской арміи за Кульмскую битву. Тогда Прусскій фельдмаршалъ возобновилъ свои наступательныя дѣйствія: переправясь (27 Августа) черезъ Нейсу, вступилъ въ Бауценъ, преслѣдовалъ непріятеля до рѣки Эльбы, нанесъ ему страшное пораженіе у Мейсена, при с. Кельнѣ, по переправѣ чрезъ Эльбу (21 Сентября), при Шварцъ-Эльстерѣ, вблизи главной арміи Наполеона, разбилъ на-голову у Вартенберга Французскаго генерала Бертрана, взялъ 11 орудій; соединился у Цербига съ Сѣверною арміей и, вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ, двинулся къ Лейпцигу. Во всѣхъ этихъ битвахъ баронъ Остенъ-Сакенъ принялъ дѣятельное участіе. 4-го Октября Блюхеръ, не ожидая содѣйствія наслѣднаго принца, находившагося при Галле, выступилъ изъ Шкейдица, встрѣтилъ непріятеля въ четырехъ верстахъ отъ Лейпцига, у селенія Мекерна, разбилъ его и принудилъ отступить, частію за рѣку Парту, а частію къ самымъ предмѣстіямъ Лейпцига, при чемъ взялъ 43 орудія. 5-го числа произведена была въ Силезской арміи только одна удачная кавалерійская атака Русскими гусарами. 6-го числа баронъ Остенъ-Сакенъ сталъ съ двадцатитысячнымъ корпусомъ на сѣверной сторонѣ Лейпцига, противъ Галльскихъ воротъ, у деревни Голиса. Нѣсколько редутовъ защищали ихъ. 7-го, въ день назначенный для приступа, онъ атаковалъ Галльское

---

[1]) „Господинъ генералъ! Я атакую. Что вы сдѣлаете?"

[2]) Въ тотъ день, по причинѣ безпрерывнаго дождя, нельзя было стрѣлять изъ ружей.

предмѣстіе, два раза былъ отраженъ съ значительною потерей, но ворвался въ него; получилъ (8 Окт.) за оказанное мужество военный орденъ Св. Георгія второй степени. Потомъ баронъ Остенъ-Сакенъ преслѣдовалъ непріятеля, чрезъ Мерзебургъ и Эйзенахъ, къ Рейну, перешелъ эту рѣку близъ города Мангейма, ночью съ 19 на 20 Декабря. Двадцатишеститысячный корпусъ его, при которомъ находился король Прусскій, сосредоточился на томъ мѣстѣ, гдѣ Некаръ впадаетъ въ Рейнъ.

На противоположномъ берегу былъ редутъ съ 6-ю орудіями, которыя господствовали надъ устьемъ Некара и Мангеймомъ; надлежало овладѣть этимъ укрѣпленіемъ. Въ 4-мъ часу поутру посадили на лодки и плоты Русскихъ егерей, которыхъ, за темнотою, Французы примѣтили уже тогда, когда они были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣваго берега Рейна. Непріятель открылъ по нимъ пушечную и ружейную пальбу, продолжавшуюся три четверти часа. Егери три раза безуспѣшно ходили на приступъ, но въ четвертый ворвались въ редутъ и взяли всѣ шесть орудій и триста человѣкъ, ихъ защищавшихъ. Король подъѣхалъ къ побѣдителямъ, благодарилъ ихъ и былъ привѣтствуемъ восклицаніемъ *ура!* Все это происходило во мракѣ зимней ночи. Взошедшее солнце освѣтило Русскихъ, уже ставшихъ твердою ногой во Франціи. Окрестность огласилась воинскою музыкой, гремѣвшею во всѣхъ полкахъ, а Рейнъ покрытъ былъ судами, перевозившими войска. Къ шести часамъ вечера поспѣлъ понтонный мостъ, по которому прошелъ весь корпусъ. За эту переправу баронъ Остенъ-Сакенъ получилъ отъ Государя въ награду пятьдесятъ тысячъ рублей. Переправясь чрезъ Рейнъ, Блюхеръ раздѣлилъ армію на двѣ части. Одну изъ нихъ, состоявшую изъ корпусовъ графа Сенъ-При и Капцевича, подъ начальствомъ графа Ланжерона, оставилъ онъ для блокады Майнца и Касселя; съ другою, то-есть съ корпусами Іорка и барона Остенъ-Сакена, пошелъ впередъ. Маршалъ Мармонъ, сосредоточившій силы свои у Тюркгейма, отступилъ къ Мецу. Блюхеръ двинулся къ Нанси, занялъ этотъ городъ, открылъ сообщеніе съ главною арміей и потомъ, чрезъ Туль и Жуанвиль, продолжалъ движеніе къ Бріенну, куда вступилъ 14 Января (1814 г.). Съ нимъ были тогда одни Русскія войска, подъ командою барона Остенъ-Сакена и Олсуфьева. Іоркъ наблюдалъ за Мецомъ, Тіонвилемъ и Люксенбургомъ, а Клейстъ только-что переправлялся чрезъ Рейнъ. Главная квартира императора Французовъ находилась въ Шалонѣ. Вскорѣ Наполеонъ открылъ наступательныя дѣйствія: атаковалъ (15 Янв.) отрядъ генерала Лапскаго, оставленнаго Блюхеромъ въ Сенъ-Дизье, для содержанія сообщенія къ сторонѣ Баръ-де-Дюка съ передовыми войсками Іорка; принудилъ его отступить къ Васси, отрѣзалъ отъ Прусскаго фельдмаршала корпусъ Іорка, двинулся

противъ Блюхера; напалъ (17 числа), между Мезьеромъ и Бріенномъ, на авангардъ Русскій, предводимый графомъ Паленомъ (который не могъ удержать возраставшихъ силъ непріятельскихъ и отступилъ къ Бріенну), превратилъ въ пепелъ городъ, въ которомъ воспитывался; но поставленными генераломъ Никитинымъ (по приказанію барона Остенъ-Сакена) 24 батарейными орудіями въ лѣвый флангъ Французской арміи принужденъ былъ отступить съ урономъ, бросивъ взятыя пушки 15-й роты. Тогда графъ Паленъ, сдѣлавъ атаку па лѣвое крыло Французовъ, овладѣлъ 8 орудіями. Городъ остался за нами. Наступила ночь; непріятели начали раскладывать огни передъ бивакам; Блюхеръ покоился въ Бріенскомъ за́мкѣ, лежащемъ на горѣ. Вдругъ нѣсколько эскадроновъ Французскихъ скрытно подошли къ городу и промчались по улицѣ, гдѣ баронъ Остенъ-Сакенъ распоряжался. Онъ прислонилъ лошадь къ близъ стоявшему дому и хладнокровно выждалъ, пока мимо его пронеслись Французы, немедленно очистилъ отъ нихъ городъ и провелъ въ немъ ночь, но непріятель удержался въ за́мкѣ. Въ два часа утра Блюхеръ приказалъ барону Остенъ-Сакену отступить на позицію при Траннѣ, по дорогѣ на Баръ-Сюръ-Объ, и присоединиться къ главной арміи. Взятыя 8 орудій были имъ увезены. Потеря убитыми и ранеными простиралась съ каждой стороны до трехъ тысячъ человѣкъ.

Въ сраженіи (20 Янв.) подъ Бріенномъ, гдѣ Наполеонъ лишился 73 орудій, баронъ Остенъ-Сакенъ, главный виновникъ успѣха, командовалъ центромъ, овладѣлъ Ла-Ротьеромъ, ключомъ непріятельской позиціи, и удержалъ за собою это селеніе, не смотря на усилія императора Французовъ исторгнуть оное изъ рукъ его. Во время битвы шелъ снѣгъ; сильная вьюга нѣсколько разъ прекращала огонь, потому что сражавшіеся не могли видѣть другъ друга. «Въ сей великолѣпный и достопамятный день», упомянулъ баронъ Остенъ-Сакенъ въ своемъ донесеніи, «Наполеонъ перестал быть врагомъ человѣческаго рода, и Александръ можетъ сказать: *Я даю вселенной миръ!*» Выхваляя дѣйствія барона Остенъ-Сакена, обратившаго въ бѣгство гвардію Наполеона, Государь произнесъ: «Сколь чувствую я себя виноватымъ предъ нимъ, чему причиною Беннигсенъ, который оклеветалъ его. Надѣюсь, однакожъ, что теперь Сакенъ будетъ доволенъ мною». Онъ возложилъ па него (20 ч.) собственные знаки ордена св. апостола Андрея Первозваннаго и пожаловалъ ему потомъ вазу съ изображеніемъ Бріенской побѣды. Императоръ Австрійскій прислалъ барону Остенъ-Сакену командорственный крестъ Маріи Терезіи. Наполеонъ отступилъ по двумъ направленіямъ: за рѣки Объ и Вуару, на берегахъ которыхъ были оставлены сильные арріергарды, чтобы скрыть и обезопасить это движеніе. Съ разсвѣтомъ, 21 Января, Государь благодарилъ на полѣ сра-

женія за мужественные подвиги корпусъ барона Остенъ-Сакена, стоявшій въ колоннахъ, а ему самому сказалъ: «Ты побѣдилъ не только внѣшнихъ непріятелей, но и внутреннихъ». Войска двинулись за Французскою арміей. Въ авангардѣ были Цесарцы, Виртембергцы и Баварцы, которые преслѣдовали съ такою медленностью, что потеряли ее изъ вида. Наполеонъ отступилъ къ Ножапу. Князь Шварценбергъ занялъ (26 ч.) Труа. Блюхеръ отъ Бріенна слѣдовалъ, съ корпусами барона Остенъ-Сакена и Олсуфьева, къ Шалону. Онъ обходилъ Наполеона съ лѣваго крыла и съ тыла (главная армія съ праваго), предполагая соединиться около Вертю съ остальными корпусами Силезской арміи генераловъ Іорка и слѣдовавшихъ отъ Рейна Клейста и Капцевича и идти съ ними на Парижъ. Тогда Прусскій фельдмаршалъ, узнавъ, что Іоркъ овладѣлъ Шалономъ (25 ч.) и Макдональдъ, прикрывавшій у этого города главный паркъ Французской арміи, отошелъ съ своимъ корпусомъ къ Эперне, вознамѣрился отрѣзать маршалу дальнѣйшее отступленіе у Лаферте-су-Жуара, или отбить у него часть запаснаго парка, въ которомъ было болѣе ста орудій, запряженныхъ крестьянскими лошадьми. Чтобы успѣть въ своемъ предпріятіи, Блюхеръ велѣлъ Іорку идти за Макдональдомъ, направилъ чрезъ Бержеръ и Монмираль корпусъ барона Оскенъ-Сакена, а Олсуфьеву приказалъ слѣдовать за нимъ, въ разстояніи на одни сутки, и остановиться въ Шампоберѣ. Корпусъ или, лучше сказать отрядъ послѣдняго состоялъ только изъ 3,600 человѣкъ пѣхоты, при которыхъ было 24 орудія и 16 конныхъ вѣстовыхъ. На него напалъ (29 Янв.) Наполеонъ со всею арміей. Русскій генералъ во весь день, съ горстію людей, держался въ назначенномъ ему мѣстѣ, но былъ взятъ въ плѣнъ, лишился здѣсь девяти пушекъ и до двухъ тысячъ человѣкъ; остальные, подъ предводительствомъ генераловъ Корнилова и Удома, съ 15 орудіями, пробрались сквозь многочисленные ряды непріятелей и лѣсомъ прошли къ селенію Портобинсонъ, сохранивъ всѣ знамена. Армія Силезская разрѣзана Наполеономъ на двѣ части: баронъ Остенъ-Сакенъ и Іоркъ, находившіеся у Лаферте-су-Жуара и Шато-Тьери, были совершенно отдѣлены отъ Блюхера, ожидавшаго при Вертю Капцевича и Клейста. Желая отбросить Сакена изъ круга дѣйствій союзныхъ армій и съ тѣмъ вмѣстѣ избавить Парижъ отъ опасности, императоръ Французовъ оставилъ у Этожа противъ Блюхера корпусъ маршала Мармона, а самъ 30 Января, предъ разсвѣтомъ, пошелъ къ Монмиралю. Между тѣмъ Блюхеръ велѣлъ барону Остенъ-Сакену возвратиться назадъ и идти на соединеніе съ нимъ отъ Лаферте-су-Жуара чрезъ Монмираль къ Вертю, а генералу Іорку приказалъ соединиться съ Сакеномъ, и у Шато-Тьери устроить мостъ, для перехода на правый берегъ Марны,

въ случаѣ если они не удержатся противъ непріятеля, котораго встрѣтятъ у Монмираля. Фельдмаршалъ Прусскій не полагалъ, чтобы Наполеонъ со всею арміей пришелъ отъ береговъ Сены на путь его дѣйствій: иначе велѣлъ бы Сакену и Іорку безъ отлагательства переходить за Марну. Баронъ Остенъ Сакенъ былъ одного мнѣнія съ Блюхеромъ, не ожидалъ встрѣтиться съ Наполеономъ, и обратился на Монмираль, надѣясь разбить непріятеля. Монмираль былъ уже занятъ Французами. Извѣстіе, что Наполеонъ находился тамъ, подтвердилось; но баронъ Остенъ-Сакенъ отвергалъ справедливость этого показанія и продолжалъ маршъ. Въ девять часовъ утра (30 Янв.) въ авангардѣ завязалась перестрѣлка. Сакенъ выстроилъ свой корпусъ въ слѣдующій боевой порядокъ: расположилъ центръ на большой дорогѣ изъ Лафертесу-Жуара въ Монмираль, правое крыло въ селеніи Марше, близъ рѣчки Пети-Моренъ, а лѣвое по направленію къ деревнѣ Фонтенель. Здѣсь должны были примкнуть къ Сакену Пруссаки, въ содѣйствіи которыхъ онъ твердо былъ увѣренъ; но въ то самое время, какъ Наполеонъ, намѣревавшійся ударить со всѣми силами на лѣвое крыло наше, три раза атаковалъ правое, и селеніе Марше, защищаемое генераломъ Талызинымъ, переходило изъ рукъ въ руки, прибылъ генералъ Іоркъ и объявилъ барону Остенъ-Сакену, *что Прусская пѣхота еще не скоро можетъ поспѣть, и что онъ всю свою артиллерію принужденъ былъ оставить въ Шато-Тьери, по причинѣ весьма худой дороги отъ Вифора до Монмираля, гдѣ нѣтъ мостовой*. Такимъ образомъ Русскіе, какъ подъ Бріенномъ и Шампоберомъ, одни должны были выдержать натискъ Наполеона. Во второмъ часу пополудни сраженіе сдѣлалось общимъ по всей линіи, но Наполеонъ не имѣлъ еще никакого успѣха. Часа въ три Прусская бригада показалась около Фонтенеля, безъ артиллеріи; къ ней посланы были двѣ Русскія батарейныя роты. Полагая, что дальнѣйшее упорство противъ превосходнаго непріятеля было бы напрасно и, наконецъ, удостовѣрясь изъ словъ взятаго въ плѣнъ капитана Французской гвардіи, что Наполеонъ самъ предводительствуетъ войсками, баронъ Остенъ-Сакенъ рѣшился отступить. Коль скоро Французы замѣтили, что онъ оставляетъ Марше, то двинулись противъ его центра и пошли на перерѣзъ его боевой линіи. Кровь полилась рѣками. Французская кавалерія бросилась въ атаку, но, бывъ опрокинута Васильчиковымъ, не отважилась на вторичное покушеніе. Наши безъ разстройства отошли къ Вифору по вязкой грязи, въ которую многіе солдаты принуждены были бросать обувь. Талызинъ успѣлъ присоединиться къ корпусу, хотя непріятели, на пространствѣ около трехъ верстъ, старались преградить ему путь. Они отрѣзали только Софійскій пѣхотный полкъ, который, однако, пробился на штыкахъ. Прус-

саки также отступили отъ Фонтенеля. Баронъ Остенъ-Сакенъ велѣлъ генералу Никитину ввесть въ дѣло Русскую артиллерію, находившуюся при нихъ. Она стала позади Прусской бригады, и когда послѣдняя прошла за батарею, то изъ орудій открытъ огонь. Не смотря на жестокость его, Французы нѣсколько разъ врывались на батарею. Ночь прекратила сраженіе. Проходя сквозь лѣса и топкія болота, Васильчиковъ, прикрывавшій отступленіе, принужденъ былъ бросить изъ числа болѣе поврежденныхъ восемь батарейныхъ орудій. Ночью корпусъ продолжалъ отступленіе къ Шато-Тьери. На другой день баронъ Остенъ-Сакенъ и Іоркъ были уже на правомъ берегу Марны и сняли за собою мосты. Потеря наша въ людяхъ простиралась до 5.000 человѣкъ, что составляло болѣе третьей части корпуса барона Остенъ-Сакена, имѣвшаго только 14.000 подъ ружьемъ при начатіи Монмиральскаго дѣла, въ которомъ Пруссаковъ было до 4.000. Изъ числа ихъ убито и ранено 850 человѣкъ.

Описывая отважный подвигъ барона Остенъ-Сакена, отдавая справедливость его рѣшительности, ревности въ исполненіи полученныхъ повелѣній, военный писатель нашъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ: «Сакенъ могъ бы избѣжать кровавой встрѣчи съ тѣмъ, кто долго былъ грозенъ своимъ противникамъ, но не исполилъ бы приказаній Блюхера». «Что станется, продолжаетъ онъ, съ самою высокою военною добродѣтелью, повиновеніемъ, если частнымъ начальникамъ разрѣшено будетъ измѣнять диспозиціи и отступать, потому только, что на пути своемъ они могутъ встрѣтить сильныя препоны? Сакенъ могъ ошибиться въ разсчетѣ, но въ семъ случаѣ это заблужденіе героя, который слишкомъ много довѣряетъ силамъ своимъ». Блюхеръ съ неимовѣрною скоростью привелъ въ порядокъ разбитую армію и, подкрѣпивъ ее пришедшими съ Рейна Русскими и Прусскими войсками, прибылъ (9 Февр.) на берега Сены въ Мери, занятый графомъ Витгенштейномъ, и примкнулъ къ правому крылу главной арміи. Тщетно Французы покушались (10 Февраля) овладѣть этимъ городкомъ и находящеюся тамъ переправой. Силезская армія перешла (13 Февр.) чрезъ Объ при Англюрѣ и Бодемонѣ. Она состояла изъ корпусовъ Остенъ-Сакена (начальствовавшаго лѣвымъ крыломъ), Іорка и Клейста, въ которыхъ считалось подъ ружьемъ до 50.000 человѣкъ. Цѣль Блюхера заключалась въ томъ, чтобы отвлечь Наполеона отъ главной арміи и разбить Мармона, находившагося въ Сезанѣ съ 8.000 человѣкъ; но Французскій маршалъ отступилъ при его приближеніи къ Лаферте-су-Жуаръ, гдѣ присоединился къ маршалу Мортье. Блюхеръ приказалъ барону Остенъ-Сакену овладѣть Мо. Онъ занялъ (15 ч.) предмѣстье на лѣвомъ берегу Марны и готовился атаковать самый городъ, когда

Мортье и Мармонъ вступили въ него. Баронъ Остенъ-Сакенъ, котораго гулъ канонады доходилъ до предмѣстій Парижа, получилъ приказаніе оставить дальнѣйшее покушеніе на Мо, перейти у Лаферте-су-Жуара на правый берегъ Марны и примкнуть къ Пруссакамъ, что онъ и исполнилъ 17 Февраля. Между тѣмъ Прусскій полководецъ достигнулъ цѣли, для которой онъ отдѣлился отъ главной арміи. Наполеонъ поспѣшно шелъ за нимъ изъ Труа съ 40.000 арміею. Блюхеръ двинулся къ Уши, что на Суассонской дорогѣ, преслѣдуемый маршалами Мортье и Мармономъ. Наполеонъ угрожалъ его флангу. Въ эту критическую минуту графъ Воронцовъ вступилъ въ Суассонъ; Блюхеръ перешелъ (20 ч.) по каменному мосту чрезъ Энъ и соединился съ генералами Винцингероде и Бюловымъ, которыхъ корпуса простирались до 50.000 человѣкъ. Въ битвѣ при Краонѣ (23 Февр.), гдѣ графъ Воронцовъ покрылъ себя славою, сражаясь шесть часовъ съ малыми силами противъ цѣлой арміи Наполеона, баронъ Остенъ-Сакенъ предводительствовалъ войсками, по случаю отлучки Блюхера. Онъ отступилъ потомъ къ Лаону, но губительнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, расположенной имъ на довольно значительномъ возвышеніи, нанесъ страшный вредъ непріятелю, слѣдовавшему въ густыхъ колоннахъ по тѣсному пространству и заставилъ его съ ужаснымъ урономъ обратиться назадъ. Потеря Французовъ простиралась до 8.000 убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ находился маршалъ Викторъ. Съ нашей стороны выбыло изъ строя до 6.000 человѣкъ. Блюхеръ сосредоточилъ всѣ свои силы у Лаона. Армія его состояла изъ 109.078 человѣкъ: 67.020 Русскихъ и 42.058 Пруссаковъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ, находясь въ резервѣ, участвовалъ (26 Февр.) въ ночномъ нападеніи на корпусъ Мармона, который лишился 45 орудій, 100 зарядныхъ ящиковъ, болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ и обращенъ въ бѣгство. Вслѣдъ затѣмъ баронъ Остенъ-Сакенъ получилъ приказаніе отъ Прусскаго фельдмаршала идти съ графомъ Ланжерономъ чрезъ Брюеръ и Краонъ и оттуда поворотить направо, въ тылъ Наполеону, который стоялъ у Класси; но это движеніе было отмѣнено, по случаю наступательныхъ дѣйствій императора Французовъ на Лаонскую позицію. Вскорѣ Блюхеръ занемогъ и не довершилъ нанесеннаго имъ пораженія непріятелю. 7-го Марта Прусскій фельдмаршалъ, узнавъ о движеніи Наполеона къ Марнѣ, выступилъ изъ Лаона. Онъ далъ слѣдующее направленіе своимъ шести корпусамъ: Бюлова отрядилъ къ Суассону, Іорка и Клейста къ Шато-Тьери, а съ тремя Русскими корпусами, графа Ланжерона, барона Остенъ-Сакена и Винцингероде, направился чрезъ Реймсъ къ Шалону, куда прибылъ 11 Марта. 13 числа обѣ союзныя арміи двинулись на Парижъ: Силезская изъ Вертю слѣдовала на Монмираль и на Лафер-

те-Гоше; главная изъ-подъ Феръ-Шампенуаза по большой дорогѣ на Сезань.

Продолжая дальнѣйшее слѣдованіе, графъ Вреде и баронъ Остенъ-Сакенъ были оставлены въ Мо, чтобы прикрывать тылъ союзныхъ армій отъ нападенія Наполеона. Здѣсь Государь смотрѣлъ корпусъ барона Остенъ-Сакена и благодарилъ его и войско *за ихъ службу и труды.* Въ строю было 6.000 человѣкъ, то-есть менѣе третьей части того числа, какое считалось въ корпусѣ при переходѣ чрезъ Рейнъ. Они не отличались блестящею наружностью, потому что въ послѣднихъ двухъ походахъ, особенно во Франціи, были въ безпрерывныхъ сраженіяхъ и маршахъ. Подъ нѣкоторыми орудіями находились даже колеса отъ крестьянскихъ повозокъ. Но эти недостатки, которые въ короткое время легко было исправить, замѣнялись славою, пріобрѣтенною корпусомъ: его смѣло можно было уподобить легіонамъ Кесаря. Въ Парижѣ назначили (19 Марта) комендантовъ: Русскаго, Австрійскаго, Прусскаго и Французскаго, а генералъ-губернаторомъ барона Остена-Сакена. Трудно было избрать на это мѣсто генерала, который бы лучше его умѣлъ внушить уваженіе къ имени Русскихъ и пріобрѣсть любовь жителей, ибо онъ соединялъ съ глубокимъ знаніемъ свѣта твердый характеръ и привлекательное обращеніе. Лестное званіе, въ которое возвели его, было достойнымъ возмездіемъ за подвиги въ минувшихъ походахъ. По вступленіи въ должность, онъ запретилъ тревожить и оскорблять кого бы то ни было за политическія мнѣнія, или за наружные, кѣмъ-либо носимые, знаки. Соблюдая строго подчиненность между войсками и порядокъ въ городѣ, онъ привязалъ къ себѣ Парижанъ до такой степени, что повсюду былъ принимаемъ съ рукоплесканіями. При его появленіи воздухъ оглашался восклицаніями: «*Да здравствуетъ генералъ Сакенъ*!» Когда онъ пріѣзжалъ въ театръ, и занавѣсъ былъ поднятъ, зрители требовали, чтобъ актеры снова начинали представленіе. Слѣдующій отданный имъ приказъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ правилъ, коими онъ руководствовался въ своемъ управленіи: «Осмотрѣвъ временный гошпиталь, учрежденный въ предмѣстьи Руль, я свидѣтельствую начальникамъ и чиновникамъ мою особенную благодарность за ихъ стараніе облегчить скорбь храбрыхъ воиновъ. Меня истинно тронула признательность больныхъ къ тѣмъ лицамъ, которымъ ввѣрено о нихъ попеченіе. Небо да благословитъ также народъ, оказывающій вспомоществованіе раненымъ и больнымъ безъ различія странъ, коимъ они принадлежатъ». Въ Іюнѣ мѣсяцѣ караулы въ Парижѣ сданы были національной гвардіи, и наша армія предприняла обратный походъ изъ Франціи. Баронъ Остенъ-Сакенъ сложилъ съ себя званіе генералъ-губернатора. Городовое правленіе поднесло ему, въ знакъ

признательности, карабинъ, пару пистолетовъ и золотую шпагу, осыпанную брилліантами, на одной сторонѣ коей было начертано: *«Миръ 1814 года,»* а на другой; *«Городъ Парижъ генералу Сакену»*. Въ опредѣленіи, на основаніи котораго это оружіе было поднесено нашему полководцу, сказано: «что онъ водворилъ въ Парижѣ тишину и безопасность, избавилъ его отъ излишнихъ расходовъ, покровительствовалъ присутственнымъ и судебнымъ мѣстамъ, и что жители, благодаря бдительности его, могли предаваться обыкновеннымъ своимъ занятіямъ и почитали себя не въ военномъ положеніи, но пользовались всѣми выгодами и ручательствами мирнаго времени». «Городовое правленіе», сказано въ заключеніе опредѣленія, «почитаетъ обязанностію изъявить генералу Сакену признательность свою за эти благодѣянія, оказанныя жителямъ». И національная гвардія поднесла барону Остену-Сакену золотую шпагу въ знакъ своего уваженія. Знаменитый Талейранъ, баронъ Шабролъ (префектъ Сенскаго департамента) и графъ Беньо *(Beugnôt)* управлявшій полиціею въ королевствѣ) засвидѣтельствовали ему благодарность за соблюденную имъ военную подчиненность, неусыпную дѣятельность его, строгую справедливость во всѣхъ отношеніяхъ *). Ко-

---

*) „Je me hâte de présenter votre lettre au Roi. Sa Majesté, à qui rien de ce qui est délicat n'échappe, reconnaîtra sans doute dans la manière avec laquelle votre excellence a rempli sa charge dans les circonstances si difficiles où elle se trouvait, ces principes de modération et ces sentimens d'amitié, dont votre glorieux Monarque nous a donné tant de preuves. Votre excellence avait voulu, que les Parisiens ne connussent son autorité que par les résultats heureux de l'ordre et de la discipline militaire. Il m'est personellement agréable de pouvoir vous assurer, monsieur le baron, que leur estime et leur reconnaissance vive et sincère vous suivront partout и проч.“ (Изъ письма къ барону Остену-Сакену князя Талейрана, отъ 2-го Іюня 1814 года). „Je suis très sensible pour tout ce que votre excellence a bien voulu me dire d'obligeant en remettant les fonctions, qui lui avaient été confiées. Sa Majesté l'Empereur Alexandre, dont la magnanimité sera célébrée désormais dans tous les tems et surtout dans les annales de la France, nous a donné une preuve particulière de sa bienveillance en vous choisissant pour gouverneur de Paris. Conformement à la promesse impériale qui nous fut donnée, nos monumens et nos institutions publics ont été préservés de toute violation; les autorités ont conservé tous leurs droits, qui n'ont pas été compromis un seul instant. Malgré les difficultés des circonstances et des besoins journaliers d'une grande armée, nos usages sont restés les mêmes, et nous n'avons souffert que ce que la nécessité nous imposait en sacrifices momentanés. C'est particuliérement la ville de Paris qui a joui de tous ces résultats; ils sont dûs à votre vigilance, à votre amour pour le bien et à la confiance que vous avez sû inspirer и проч.“ (Изъ письма барона Шаброля отъ того же числа). „Témoin plus que nul autre de tout ce que votre excellence a fait pour maintenir constamment dans Paris une justice impartiale et l'ordre public, je vous dois l'expression particulière de ma re-

роль пожаловалъ барону Остену-Сакену табакерку со своимъ портретомъ, украшенную бриллiантами, въ сорокъ тысячъ рублей. «Господинъ генералъ!» писалъ тогда Лудовикъ XVIII къ бывшему генералъ-губернатору. «Отдавая совершенную справедливость благоразумному поведенiю вашему въ добромъ моемъ городѣ Парижѣ, и тому попеченiю, какое употребляли вы къ облегченiю, по мѣрѣ возможности, тягостей, претерпѣваемыхъ моими подданными, желаю я изъявить вамъ въ препровождаемомъ подаркѣ доказательство отличнаго моего уваженiя, удовольствiя и истиннаго благорасположенiя». Вслѣдъ за тѣмъ, король возложилъ на него военный орденъ первой степени.

Баронъ Остенъ-Сакенъ участвовалъ и во второмъ походѣ во Францiю (1815 года); выступилъ изъ Варшавы съ ввѣреннымъ ему корпусомъ, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Барклая-де-Толли, командовалъ центромъ нашей армiи во время смотровъ оной при Вертю (26 и 29 Авг.), удостоенъ высочайшаго благоволенiя; награжденъ (1-го Сент.) арендою въ пятнадцать тысячъ рублей на двѣнадцать лѣтъ *).

Въ началѣ 1818 г., генералъ-фельдмаршалъ кн. Барклай-де-Толли скончался въ Инстербургѣ, близъ Кенигсберга, и первая армiя поступила (8 Iюня) подъ главное предводительство барона Остена-Сакена, который въ томъ же году (26 Авг.) пожалованъ членомъ Государственнаго Совѣта и, потомъ (8 Апр. 1821 г.), возведенъ въ графское достоинство Россiйской имперiи за найденное Александромъ устройство ввѣренныхъ ему войскъ. Отъѣзжая за границу (1822 г.), Государь призналъ полезнымъ, чтобы, во время его отсутствiя, главнокомандующiй первою армiею имѣлъ пребыванiе въ С.-Петербургѣ. Оттуда графъ Остенъ-Сакенъ отправилъ (31 Окт.) къ Ярославскому гражданскому губернатору слѣдующее любопытное письмо: «Я узналъ, что въ Ярославлѣ сооружаютъ памятникъ покойному Павлу Григорьевичу Демидову. Я тамъ видѣлъ его общеполезныя учрежденiя. Позвольте, милостивый государь, чтобъ и мой камушекъ былъ положенъ въ семъ памятникѣ и благоволите препроводить куда слѣдуетъ приложенные здѣсь на этотъ предметъ пятьсотъ рублей. Другiе наши земляки живутъ въ

---

connaissance. Ce sera dans les annales de l'Europe une circonstance unique, mais fort honorable pour vous, monsieur le baron, qu'un général, arrivé à Paris des rives de la Néva, y ait donné des leçons dans l'art de gouverner et qu'il ait réussi de maintenir l'ordre parmi tant de nations agitées par des passions si diverses. Votre nom est synonyme chez nous pour désigner la vaillance, la justice et la probité, et en quelque lieu que ce soit où les Français retrouveront monsieur le général de Sacken, ils croiront revoir en lui un ami.“ (Изъ письма графа Беньо, отъ 4-го Iюня 1814 года).

*) Эта аренда состояла въ Курляндской губернiи, изъ деревень: Петервейса, Верпенгофа и Шенекена. Въ 1826 году (7 Окт.) она отсрочена еще на двѣнадцать лѣтъ.

чужихъ краяхъ и нерѣдко окружаютъ себя тамъ людьми, которыхъ злословіе кормитъ и пожаръ веселитъ, но нашъ почтенный Демидовъ чтилъ труды своего отца, любилъ сосѣда и оставилъ внуку способъ быть въ свою очередь полезнымъ сыномъ Отечеству».

Прекратилась жизнь императора Александра (1825 г.), и графъ Остенъ-Сакенъ нашелъ въ августѣйшемъ преемникѣ его монарха, столь же внимательнаго, справедливаго къ его заслугамъ: онъ назначилъ его шефомъ Углицкаго пѣхотнаго полка (въ которомъ Сакенъ служилъ капитаномъ, при императрицѣ Екатеринѣ II-й, 1777—1785 г.), переименованнаго *полкомъ графа Остена-Сакена* *). «Желаніе мое», писалъ къ нему Государь 28 Января 1826 г., «имѣть въ арміи Россійской полкъ имени достойнаго ея военачальника, можетъ послужить вамъ удостовѣреніемъ, сколь искренно отличаю я достоинства ваши и заслуги государству, вами оказанныя». Симъ не ограничилось благоволеніе Императора къ знаменитому полководцу. 22 Августа того жъ года, получилъ онъ фельдмаршальскій жезлъ, при слѣдующемъ рескриптѣ: «Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ! Во вниманіи къ долговременному и полезному служенію вашему, ознаменованному отличными подвигами въ войнахъ и особенными трудами во время мира по командованію ввѣренною вамъ 1-ю арміею нашею, мы признали справедливымъ возвесть васъ въ достоинство генералъ-фельдмаршала войскъ нашихъ, какъ вождя опытнаго и посѣдѣвшаго на поприщѣ воинской славы. Препровождая къ вамъ присвоенный званію сему жезлъ, мы остаемся удостовѣрены, что сей отличительный знакъ верховнаго военачальника въ рукахъ вашихъ всегда укажетъ путь къ новымъ подвигамъ и славѣ войску вами предводительствуемому. Пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонный «Николай».

Маститый старецъ обрадованъ былъ въ 1830 году новымъ знакомъ монаршаго вниманія: получилъ орденъ Св. Владиміра первой степени, *на ношеніе котораго*, упомянулъ Императоръ въ своемъ рескриптѣ отъ 22 Сентября, *долговременная, достохвальная служба его престолу и Отечеству давно уже давала ему полное право.* Вскорѣ возникли безпокойства въ Литвѣ и подчинены графу Остену-Сакену губерніи: Кіевская, Подольская и Волынская (1831 г.). *Онъ въ полной мѣрѣ оправдалъ довѣріе Государя своевременными и рѣшительными распоряженіями. Его предусмотрительностію и непоколебимою твердостію, при единодуш-*

*) Сличи достопамятныя письма Николая Павловича къ Сакену въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884, вып. 6-й. П. Б.

ной ревности подчиненныхъ и блистательной храбрости ввѣренныхъ ему войскъ, въ короткое время уничтожены въ тѣхъ губерніяхъ всѣ преступные замыслы неблагонамѣренныхъ людей, разсѣяны многочисленныя шайки мятежниковъ и снова возстановлены тишина, спокойствіе [1]). Новыя заслуги пріобрѣли (1-го Іюля) генералъ-фельдмаршалу портретъ Императора, украшенный алмазами, для ношенія на груди [2]). Семнадцать лѣтъ Остенъ-Сакенъ, возведенный, въ 1832 году (2 Ноября), въ достоинство князя Россійской имперіи, управлялъ первою арміею, имѣя пребываніе въ Могилевѣ и въ Кіевѣ. Въ 1835 году, Государь, уважая глубокую старость его, препроводилъ къ нему (17-го Марта) слѣдующій рескриптъ: «Въ настоящихъ отношеніяхъ Россіи ко всѣмъ Европейскимъ державамъ, уповая на сохраненіе прочнаго и продолжительнаго мира и признавая вслѣдствіе того возможнымъ принять и по вѣдомству военному нѣкоторыя мѣры къ необходимому сокращенію расходовъ государственныхъ, я, въ общей связи съ сими мѣрами, предположилъ не содержать отнынѣ впредъ двухъ армій въ отдѣльномъ составѣ, и, упразднивъ сообразно съ тѣмъ управленіе ввѣренной вамъ 1-й арміи, причислить 4-й пѣхотный корпусъ къ арміи дѣйствующей, а всѣ прочія войска оной подчинить непосредственно военному министру. Отъ военнаго министра получите вы подробное извѣщеніе объ основаніяхъ, на коихъ полагаю привести въ дѣйствіе сію мѣру. Принимая оную, я утѣшаюсь мыслію, что благопріятныя обстоятельства, коихъ она есть послѣдствіе, представляютъ мнѣ возможность доставить вамъ необходимое отдохновеніе и покой послѣ долголѣтняго, знаменитаго служенія вашего на пользу и славу Отечества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пригласивъ васъ въ С.-Петербургъ на постоянное жительство, пользоваться личными совѣтами и опытностію вашею. На сей конецъ, я приказалъ приготовить

---

[1]) Слова высочайшаго рескрипта отъ 1-го Іюля 1831 года.

[2]) „Si votre âge, mon cher maréchal“, писалъ Государь къ графу Остену-Сакену 29 Октября 1831 года „ne vous a pas appellé sur les champs de bataille pour cueillir de nouveaux lauriers, vos sages dispositions et votre constante activité ont sû arrêter le feu de la rebellion qui menaçait si gravement les derrières de notre armée; partout, dans tout ce qui fut confié à vos soins, vous avez porté la même sollicitude. Vous ne serez donc point supris, si, privé du plaisir de vous le dire de vive voix, je le fais par écrit dans ce moment. Je désire vous persuader de ma vive et sincère reconnaissance. Recevez la au nom de la Patrie, que nous servons et à laqu'elle ce service puissamment rendu, n'est pas le moindre de votre longue et glorieuse carrière. Croyez à la sincérité du motif, qui me dicte ces lignes, ainsi qu'à l'inaltérable estime et amitié, que vous porte votre sincèrement affectionné *Nicolas*“.

для васъ помѣщеніе въ одномъ изъ дворцовъ моихъ и сохранить вамъ полное содержаніе, по званію главнокомандуюшаго вами получаемое *). За симъ, изъявляя вамъ душевную признательность мою за неослабные и дѣятельные труды по управленію арміею, всегдашнюю попечительность о пользахъ ея, строгій порядокъ и благоустройство, которые постоянно и во всѣхъ отношеніяхъ были въ ней сохраняемы, я пребываю съ особеннымъ уваженіемъ навсегда вамъ благосклоннымъ».

Князь Остенъ-Сакенъ, по преклоннымъ лѣтамъ, не могъ воспользоваться лестнымъ приглашеніемъ и остался въ Кіевѣ. «Всемилостивѣйшій государь!» писалъ онъ тогда къ Императору, «Отъ простаго солдата достигнувъ званія генералъ-фельдмаршала, я имѣлъ счастіе командовать арміями и быть военнымъ губернаторомъ Парижа. При сложеніи послѣдней должности, тамошнее правительство поднесло мнѣ, вмѣстѣ съ грамотою, шпагу, карабинъ и два пистолета. Это суть доблести не мои, а побѣдоносной Россійской арміи, которая, преодолѣвъ всѣ полчища враговъ, взяла гордую столицу и даровала ей своего начальника. Всеподданнѣйше прошу васъ, всемилостивѣйшій Государь, принять сіи трофеи Россійскаго оружія въ Московскую Оружейную Палату, дабы они напоминали потомству, что Русскіе владѣли неприступнымъ Парижемъ и генералъ ихъ въ немъ начальствовалъ». Императоръ, *съ особеннымъ удовольствіемъ*, изъявивъ свое согласіе, отозвался (29 Іюня 1835 г.), *что это приношеніе будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ знаменитыхъ заслугъ фельдмаршала Престолу и Отечеству и незабвенныхъ подвиговъ воиновъ Россійской арміи, ознаменовавшихъ себя кротостію и благонравіемъ, посреди побѣдъ и занятія самаго города Парижа, слѣдуя священной волѣ, влеченію сердца въ Бозѣ почивающаго любезнѣйшаго брата его императора Александра I-го.*

Тихъ былъ вечеръ славной жизни Сакена: сошедъ съ поприща дѣйствователей и приближаясь къ могилѣ, онъ обращалъ еще потухавшій взоръ на современныя происшествія, любилъ слушать чтеніе газетъ и журналовъ; жаловался приближеннымъ только на чувствуемую имъ слабость въ ногахъ (его водили подъ руки съ 1835 года); твердо помнилъ давно прошедшія событія и забывалъ новѣйшія. За послѣднимъ обѣденнымъ столомъ, даннымъ имъ для почетнѣйшихъ особъ въ Кіевѣ, въ торжественный день тезоименитства Государя Императора (6 Дек. 1836 г.), фельдмаршалъ спросилъ объ умершемъ уже генералѣ: «*Гдѣ Яшвиль? Я его не вижу.*» Онъ предложилъ въ этотъ день два

*) Всего восемьдесятъ четыре тысячи рублей.

тоста: 1-й, *за здравіе Государя;* 2-й, *за здравіе Россіянъ и чтобъ войны не было.* Долго боролся онъ со смертію, которая восторжествовала надъ нимъ 7-го Апрѣля 1837 года. Ему было тогда восемьдесятъ четыре года. Викарный епископъ Иннокентій (по случаю кончины, 23 Февр., митрополита Евгенія, друга фельдмаршала) проводилъ со всѣмъ Кіевскимъ духовенствомъ бренные останки до могилы [1]). Тамъ послѣдній обрядъ совершилъ пасторъ. Прахъ Остена-Сакена покоится на бастіонѣ крѣпостномъ, вправо отъ Богородично-Рождественской церкви, у дальнихъ пещеръ. На томъ мѣстѣ еще нѣтъ памятника.

Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ былъ роста выше средняго; имѣлъ пріятную наружность, взглядъ быстрый, исполненный ума; улыбку насмѣшливую, умъ образованный. Съ знаніемъ военнаго дѣла соединялъ чрезвычайную храбрость, опытность; былъ предпріимчивъ, твердъ, справедливъ, обходителенъ съ подчиненными и, вмѣстѣ, строгъ, взыскателенъ по службѣ, но въ обществахъ отличался веселымъ нравомъ, любезностію, остротою и часто кололъ въ разговорахъ. Непоколебимая стойкость составляла отличительную черту его характера. Онъ оставилъ послѣ себя деньгами и билетами на двѣсти восемьдесятъ шесть тысячъ рублей. Въ этомъ заключалось все его имущество. Король Прусскій отозвался о Сакенѣ [2]): «что Россія лишилась въ немъ отличнѣйшаго полководца, болѣе полвѣка посвятившаго жизнь своимъ августѣйшимъ монархамъ и счастію Европы». Оказанныя имъ важныя услуги Отечеству: искусными маневрами противъ арміи князя Шварценберга (1812 г.), разбитіемъ Макдональда при Кацбахѣ (1813 г.) и содѣйствіемъ (1814 г.) Блюхеру въ пораженіи Наполеона подъ Бріенномъ не умрутъ въ потомствѣ.

Изъ 4-й части „Біографій Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ," сочиненія Д. Н. Бантыша-Каменскаго (С. П. Б. 1841), который перепечаталъ эту біографію князя Сакена въ своемъ Словарѣ достопамятныхъ людей 1847 года. Оба сочиненія нынѣ стали книжными рѣдкостями. П. Б.

---

[1]) Тогдашній ректоръ Кіевскаго университета М. А. Максимовичъ произнесъ рѣчь по случаю кончины князя Сакена. П. Б.

[2]) Въ слѣдующемъ письмѣ къ родственнику фельдмаршала, дѣйствительному камергеру графу Ивану Остену-Сакену, отъ 21 Мая 1837 года: „Monsieur le comte! C'est avec une vive douleur, que je viens d'apprendre par votre lettre du 15 (27) Avril dernier, le décès de m-r le feldmaréchal prince d'Osten-Sacken. Je sens avec vous, monsieur, la grandeur de la perte, que votre patrie vient de faire par la mort d'un capitaine aussi distingué, qui plus d'un demi-siècle a consacré sa vie à ses augustes souverains et au bonheur de toute l'Europe. Recevez, monsieur le comte, l'assurance de mes regrets sincères sur cet événement douloureux. Je suis votre bien affectionné *„Fréderic Guillaume.“*

II. Изъ записокъ фельдмаршала князя Ф. В. Сакена [1]).

1799.

Нанси, 4 (16) Апрѣля 1800 г.

Сраженіе подъ Цюрихомъ [2]) такъ многозначительно и само-по-себѣ и по своимъ послѣдствіямъ, что заслуживаетъ занять мѣсто въ исторіи. Лучшія войска двинулись изъ глубины Россіи къ этому Цюриху, испытали значительную потерю и вернулись обратно. Война продолжается болѣе года; Швейцарія находится во власти своихъ хищныхъ непріятелей, и лучшая изъ армій лишь даетъ доказательство Европѣ, что она можетъ быть побѣждена, какъ и всякая другая. Французы проигрывали сраженія, теряли крѣпости и цѣлыя арміи, но ни одно изъ этихъ пораженій не принесло имъ столько вреда, сколько принесла его союзнымъ державамъ потеря 5000 Русскихъ подъ Цюрихомъ. Философы и математики, вотъ и судите о дѣяніяхъ людей сообразно вашимъ воображаемымъ законамъ!

Дѣло будетъ здѣсь идти лишь о томъ, что я могъ видѣть своими глазами. Въ разсказѣ своемъ я придерживаюсь самой строгой истины; лишь при этомъ условіи исторія можетъ быть полезною.

---

[1]) Переведено съ Французской рукописи, сообщенной въ „Русскій Архивъ" покойнымъ княземъ С. М. Воронцовымъ. Эта рукопись есть переводъ съ Нѣмецкаго подлинника, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Н. Н. Муравьевъ-Карскій, отлично изобразившій князя Сакена за послѣдніе годы его жизни (См. „Р. Арх." 1894). Гдѣ подлинникъ Записокъ не знаемъ: князь Сакенъ прямаго потомства не оставилъ. Графъ Д. А. Милютинъ въ своемъ классическомъ трудѣ „Исторія войны 1799 года, между Россіей и Франціей въ царствованіе Павла I". (3 т. Спб. 1857) упоминаетъ, что онъ пользовался запиской Сакена о Цюрихскомъ сраженіи „въ Русскомъ переводѣ весьма неудачномъ, но исправленномъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рукою самого фельдмаршала". Графъ Милютинъ придаетъ этой запискѣ большое значеніе, хотя самъ въ описаніи Цюрихскаго боя нѣсколько противорѣчитъ Сакену. Генералъ Римскій-Корсаковъ, чтобы оправдать себя въ неудачѣ подъ Цюрихомъ имѣвшей такія гибельныя слѣдствія, также составилъ по французски статью о своихъ дѣйствіяхъ; этою статьею почти дословно воспользовался генералъ Вистицкій въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ" за 1846 г. *Ю. Б.*

[2]) Сраженіемъ этимъ главнокомандовавшій Французскою арміей въ Швейцаріи, Массена, помѣшалъ Римскому-Корсакову соединиться съ Суворовымъ. Отбросивъ корпусъ перваго къ Рейну, Массена предполагалъ захватить и Рымникскаго героя; но безпримѣрный въ лѣтописяхъ военной исторіи переходъ Русскаго войска черезъ Альпы помѣшалъ исполненію блестяще задуманнаго плана. Ю. Б.

Корпусъ, который императоръ Павелъ отдалъ въ наемъ Англіи [1]), состоялъ приблизительно изъ 36000 человѣкъ. Въ его составъ входила многочисленная кавалерія; имъ командовалъ сначала князь Голицынъ, затѣмъ генералъ Нумсенъ и, наконецъ, генералъ Корсаковъ. Онъ былъ раздѣленъ на шесть дивизій. Первою командовалъ я; она состояла изъ полка Уральскихъ казаковъ съ полковникомъ Бородинымъ, изъ драгунъ Гудовича и Свѣчина, стрѣлковъ Титова, моихъ гренадеровъ и мушкатеровъ Козлова. Она двинулась 4 (15) Марта изъ Бреста Литовскаго [2]) и пришла, нигдѣ не останавливаясь, черезъ Люблинъ, Краковъ и Тешенъ въ Нейтишейнъ, гдѣ неожиданно получила приказаніе остановиться. Тамъ дивизія простояла пять дней. Затѣмъ мы продолжали нашъ путь черезъ Ольмюцъ, Прагу, Регенсбургъ, Аугсбургъ до Шафгаузена, куда мы пришли 4 (15) Августа въ наилучшемъ состояніи. Другія пять дивизій шли на разстояніи одного дня перехода между собою; онѣ шли по ночамъ и останавливались всегда на тѣхъ же квартирахъ какъ и прошедшія раньше.

Въ моемъ полку при выходѣ изъ Бреста было лишь 40 человѣкъ больныхъ, а въ Шафгаузенѣ ихъ было только 30, двое умерло и одинъ дезертировалъ. Жители имперскихъ земель при нашемъ проходѣ выражали намъ много благожелательности и гостепріимства; исключеніе составляли лишь обитатели Праги, гдѣ пѣхотѣ пришлось спать на мостовой, такъ какъ горожане отказались пустить солдатъ въ свои дома.

Генералъ Корсаковъ обогналъ насъ въ Штокахѣ, чтобы повидаться въ Клотенѣ съ эрцгерцогомъ [3]). Вся кавалерія за исключеніемъ казаковъ осталась въ Клентчѣ. Мы полагали, что весь корпусъ соединится въ Шафгаузенѣ, что можно было сдѣлать въ девять дней; но какъ только пришла вторая дивизія, мы получили приказаніе сняться съ лагеря.

---

[1]) Императоръ Павелъ, желая „укромлять Французовъ для общей безопасности“, заключилъ съ Англіей договоръ 18 Декабря 1798 года, въ Петербургѣ. Онъ обѣщалъ, какъ только Пруссія присоединится къ союзу, двинуть корпусъ въ 45 000 человѣкъ, съ необходимымъ количествомъ артиллеріи; Англія обязывалась дать на предварительные расходы 225.000 фунтовъ стерлинговъ и производить ежемѣсячную плату 75.000 фунтовъ. Пруссія уклонилась отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Договоръ напечатанъ у Мартенса, т. IX, стр. 418—425. Ю. Б.

[2]) Въ Брестѣ стали собираться войска еще съ Іюля 1798 г. Первымъ тронулся корпусъ Розенберга, назначенный помогать Австрійцамъ. Ю. Б.

[3]) Т. е. Австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ. Ю. Б.

Мы пришли черезъ Эглизау, Глатфельденъ, Оберъ-Эндингенъ, Вюренлингенъ на берега Аара. Мы шли безъ всякаго отдыха въ продолженіе 30 часовъ. Рано утромъ мы увидѣли на высотахъ Ендингена непріятельскія позиціи и, какъ только солдаты услышали пушечные выстрѣлы, они старались не опоздать. Мы расположились въ большомъ порядкѣ возлѣ Вюренлингенскаго лѣса. Отъ Эттингена, гдѣ хотѣли навести мостъ, до насъ было около версты (200 туазъ=1200 шаговъ).

Австрійцы образовали аллею, чтобы насъ видѣть.

Я отдалъ приказъ сомкнуть ряды и позволилъ солдатамъ отдыхать въ колоннахъ. Около трехъ часовъ пополудни генералъ Корсаковъ пріѣхалъ къ намъ и объявилъ, что экспедиція не удалась, что не могли навести моста, такъ какъ якори при быстромъ теченіи рѣки не могли зацѣпиться за каменистое дно. Тѣмъ не менѣе общее мнѣніе было то, что эрцгерцогъ желалъ сдѣлать лишь демонстрацію *).

Проливной дождь заставилъ насъ разбить нѣсколько палатокъ; мы провели ночь на томъ же мѣстѣ. На слѣдующій день до зари мы снялись съ мѣста и пошли черезъ Нидеръ, Веннингенъ, Шеффельсдорфъ въ Зеебахъ, гдѣ расположились лагеремъ. Солдаты цѣлыя сутки ничего не ѣли.

Слѣдующіе дни жители Цюриха толпою приходили къ намъ. Состояніе солдатъ, лагеря и порядокъ, въ немъ царствовавшаго, возбуждали всеобщее удивленіе. Всѣ были одушевлены надеждою и мужествомъ.

Полководецъ, не умѣющій пользоваться подобнымъ одушевленіемъ, или интриганъ или слабоумный.

Узнавъ позицію непріятеля подъ Цюрихомъ, я счелъ необходимымъ атаковать его по прямому направленію отъ города. Съ этимъ планомъ въ головѣ я прямо поѣхалъ верхомъ къ генералу Корсакову. Было уже 11 часовъ вечера. У него были графъ Толстой, Прусскій повѣренный по дѣламъ при эрцгерцогѣ и его секретарь Свѣчинъ. Я имъ сообщилъ свое мнѣніе; повидимому они его одобрили, но ничего не сдѣлали. Одна изъ слабостей свойственныхъ человѣку состоитъ въ томъ, что люди считаютъ нужнымъ искать вдали отъ себя благо, которое находится возлѣ нихъ.

Составили планъ атаковать непріятеля совмѣстно съ генераломъ Готце въ горахъ съ лѣваго Австрійскаго крыла.

---

*) Попытка перейти черезъ Ааръ около Деттингена была сдѣлана 6-го Августа. Суворовъ писалъ по поводу этой жалкой попытки: „Бештимтзагеръ разумѣетъ, что нельзя перейти Ааръ въ мокрыхъ шинеляхъ“. „Далѣе унтеркунфтъ потребенъ“. Ю. Б.

Въ силу этого рѣшенія, отдохнувъ три или четыре дня, мы выступили въ ночь и пришли, подымаясь и опускаясь по дорогѣ близъ Грейфензее, черезъ Грунингенъ въ Утцнахъ, гдѣ Лимматъ впадаетъ въ Цюрихское озеро. За немногими перерывами для отдыха, мы шли въ продолженіе 36 часовъ. Другія дивизіи нашего корпуса, которыя тѣмъ временемъ также подошли къ Шафгаузену, соединились съ нами за исключеніемъ кирасировъ, драгунъ, гусаръ и Татаръ.

Въ два дня все войсео тамъ сосредоточилось. Войска было столько, что не знали, гдѣ его расположить. Кромѣ того неспособность генеđала Корсакова въ военномъ дѣлѣ была такъ велика, что онъ даже не далъ опредѣленнаго расположенія для лагеря: полки и баталіоны по мѣрѣ ихъ прибытія располагались между садами, по домамъ, какъ имъ казалось удобнымъ, одинъ за другимъ, въ величайшемъ безпорядкѣ. То тамъ, то здѣсь виднѣлась палатка. Часовыхъ совсѣмъ не было; на третій день у насъ не хватало хлѣба, солдаты выкапывали картофель, бродили шайками по окрестнымъ деревнямъ и производили грабежи.

Началось разногласіе между Корсаковымъ и Готце: одинъ хотѣлъ атаковать отсюда, другой—съ другой стороны; одинъ считалъ гору недоступною, другому лѣсъ казался непроходимымъ. Готце желалъ отослать, согласно приказаніямъ эрцгерцога, шесть баталіоновъ обратно въ Цюрихъ; Корсаковъ, напротивъ, хотѣлъ, чтобы всѣ оставались соединенными. Наконецъ, Готце покинулъ свою выгодную позицію возлѣ Лахена, оставилъ безъ защиты большое протяжяніе, перешелъ Лимматъ съ частью своего корпуса и сталъ въ позицію, у насъ въ тылу, подъ Рапперсвилемъ и Кальтенбрунномъ.

Въ сопровожденіи генерала Тучкова, подъ охраною тридцати Уральскихъ казаковъ, я поутру поѣхалъ верхомъ, чтобы осмотрѣть мѣста, оставленныя Готце. Пять казаковъ, посланные мною на дорогу, наткнулись на непріятельскій патруль и взяли двоихъ въ плѣнъ (это были первые и, къ сожалѣнію, думаю, наши послѣдніе плѣнники). Въ эту же минуту я получилъ письмо отъ генерала Корсакова; онъ приказывалъ мнѣ немедленно возвратиться, такъ какъ онъ желалъ двинуться къ Цюриху со всѣмъ корпусомъ. Вернувшись въ лагерь, я узналъ, что эрцгерцогъ оставляетъ Швейцарію, и мы занимаемъ его позицію. На слѣдующій день мы пришли въ Цюрихъ и застали Австрійскую армію уже при полномъ ея выступленіи.

Такимъ образомъ мы упустили то, чего ищутъ достигнуть иногда путемъ боевымъ: соединенія двухъ большихъ армій, силы коихъ вдвое превосходили непріятеля. Два раза мы бѣгали съ одного конца нашей позиціи къ другому, мы много болтали и, поглазѣвъ на непріятельскую позицію, какъ сущіе дураки, вернулись на старое мѣсто. Благодаря

тому потеряли мы двѣ недѣли, да къ тому еще наши союзники насъ покинули и оставили защищать съ 20.000 солдатъ (кавалерія не имѣла здѣсь никакого значенія) такую позицію, которую съ 50.000 врядъ ли можно было отстоять.

Предположимъ, что присутствіе эрцгерцога было необходимо на Нижнемъ Рейнѣ; я полагаю, что для насъ былъ самый прямой и самый блестящій путь—напасть на корпусъ арміи Массены. Нѣтъ, оставляютъ въ покоѣ непріятеля, который стоитъ на лицо, упускаютъ почти математическую достовѣрность его разбить, для того, чтобы отыскать другого, менѣе опаснаго для 30.000 войска. Я не могу допустить мысли, чтобы эрцгерцогъ, одаренный многими выдающимися способностями, былъ виновенъ въ этихъ неразумныхъ, несчастныхъ передвиженіяхъ. Зависть, эгоизмъ и ложная гордость—вотъ самые опасные вожди и совѣтчики. Я думаю, что даже генералъ Корсаковъ могъ бы помѣшать этимъ движеніямъ, если бы у него достало ума возвыситься до пониманія важности своего положенія.

Начали тотчасъ дѣлать необходимыя размѣщенія, чтобы замѣнить Австрійцевъ, вслѣдствіе чего мнѣ дали пѣхотные полки Дурасова, Пушкина и Маркова, гренадерскіе баталіоны Трейблюта и Шкапскаго, казацкіе полки Астахова, Камчатскаго и Мизинова, Татарскій полкъ Барановскаго и 16 пушекъ, подъ командою полковника Ефимьева, для защиты позиціи Хёнга, на всемъ протяженіи Лиммата и Аара, до Рейна, подъ Кобленцемъ. Моя главная квартира была въ Оберъ-Эндингенѣ. Это мѣста раньше занималъ генералъ Нанендорфъ. Тѣмъ не менѣе, я былъ довольно счастливъ, и мнѣ удалось удержать свою позицію, не смотря на ея крайнюю растянутость; я этого достигъ, производя постоянныя передвиженія и тревожа непріятеля по ночамъ.

У насъ никогда не было хлѣба; иногда солдаты по цѣлымъ днямъ не имѣли крошки ѣды во рту. Имъ давали едва ли и половинную порцію каши, а говядину за все это время они ѣли только разъ. Если принять во вниманіе чрезмѣрныя цѣны, которыя мы платили поставщику Виммеру (за фунтъ говядины, если не ошибаюсь, 5 крейцеровъ, за фунтъ сѣна 2 крейцера), нѣтъ ничего удивительнаго, что, перейдя границы Швейцаріи, мы нуждались во всемъ, да еще были должны платить впередъ. Однако, я убѣжденъ, что генералъ Корсаковъ, коего безкорыстіе мнѣ извѣстно, непричастенъ сему и виноватъ, пожалуй, лишь въ томъ, что позволялъ себя обманывать. У него были плохіе служащіе, такъ какъ для дѣлъ продовольствія ему дали въ Россіи людей, никакого понятія объ этомъ не имѣющихъ.

Солдаты не любятъ генерала, который подвергаетъ ихъ голоду и безцѣльнымъ тяжелымъ переходамъ, а кто не можетъ жить въ мирѣ даже со своими приближенными, будучи нерѣшителенъ, мелоченъ, невѣжественъ, упоенъ и напыщенъ самолюбіемъ, тотъ, конечно, не сумѣетъ породить довѣріе и привязанность въ арміи. Таковы были наши чувства къ главному вождю, когда мы получили новыя распоряженія князя Италійскаго. Слѣдуя этимъ приказаніямъ, Корсаковъ принялъ рѣшеніе дать мнѣ 5.000 человѣкъ, чтобы я присоединился къ генералу Готце, а мой постъ вручить генералу Дурасову.

Я пріѣхалъ въ Цюрихъ 13 (24) Сентября и счелъ долгомъ взять въ свое командованіе также и ту часть моей дивизіи (она состояла изъ пѣхотныхъ полковъ Козлова, Прибышевскаго и Измайлова), которая составляла резервы подъ Цюрихомъ. Съ наступленіемъ ночи я отправилъ эти полки въ Утцнахъ. При Рапперсвилѣ къ нимъ долженъ былъ присоединиться полкъ Разумовскаго*). Самъ я остался въ Цюрихѣ, чтобы получить дальнѣйшія приказанія, надѣясь нагнать мой отрядъ на разсвѣтѣ. Только-что я всталъ въ Середу 14 (25)-го, какъ ко мнѣ пришли сказать, что слышны выстрѣлы пушекъ въ направленіи Бадена. Я полетѣлъ къ Корсакову, но онъ еще не имѣлъ никакихъ извѣстій; отправили разузнать о расположеніи войскъ; я тотчасъ послалъ приказаніе моему отряду остановиться и отправился къ Бадену. Не проѣхалъ я и мили, какъ встрѣтилъ двухъ казаковъ, которые мнѣ сообщили, что непріятель переправился черезъ Лимматъ. Проѣхавъ еще четверть мили, я увидѣлъ, что генералъ Шепелевъ съ своимъ полкомъ быстро отступаетъ. Этотъ генералъ далъ мнѣ болѣе точныя указанія о совершавшемся. Онъ мнѣ сообщилъ, что непріятель навелъ мостъ въ окрестностяхъ Клостеръ-Фара, что наши войска желали помѣшать переходу, но были разсѣяны, что генералъ Марковъ, раненый, выдвинулъ два эскадрона драгунъ, но они ничего не могли сдѣлать, такъ какъ непріятель уже перешелъ рѣку съ большими силами.

Здѣсь долженъ я указать на то, что въ своихъ приказахъ Пущину, Астахову, Мизинову и Маркову я имъ точнехонько указалъ на то мѣсто, гдѣ перешелъ непріятель, какъ на самое удобное для наведенія моста. Именно для этого я поставилъ тамъ баталіонъ гренадеръ Трейблюта и казацкій полкъ Мизинова.

Майоръ Баумгартенъ съ двумя ротами былъ въ Оттвилѣ, генералъ Марковъ съ восемью другими ротами своего полка въ Вуренлозѣ, а батальонъ гренадеръ Шкапскаго въ Веннингенѣ. Не было и четырехъ верстъ отъ этихъ мѣстъ до перехода черезъ рѣку; я прибавилъ къ

*) Графа Льва Кириловича. П. Б.

сѣти выдвинутыхъ постовъ всюду, гдѣ мѣстность требовала, часовыхъ, наблюдательные конные и пѣшіе пикеты; мною были съ точностью обозначены мѣста, куда весь отрядъ долженъ былъ стянуться, когда непріятель попытается перейти черезъ рѣку. Я имѣлъ въ виду три пункта, чрезъ которые непріятель могъ совершить этотъ переходъ: Клостеръ-Фаръ, Фогельзангъ и Штилле. За нѣсколько дней до переправы непріятеля я предписывалъ Трейблюту быть въ высшей степени насторожѣ.

Я твердо убѣжденъ, что если бы исполнили хоть отчасти мои приказанія, непріятель ни за что не перешелъ бы Лиммать, такъ какъ быстрота его теченія помѣшала бы этимъ попыткамъ. Меня не было на мѣстѣ, и я до сихъ поръ не могу себѣ выяснить, какъ совершилась переправа и что сталось съ полками, которые должны были защищать эту линію *).

Тотчасъ же я отправилъ къ Корсакову рапортъ о томъ, что мнѣ сообщили, и послалъ къ своему отряду ординарца, съ приказаніемъ идти обратно. Въ ожиданіи, я выдвинулъ два бравыхъ спѣшившихся эскадрона. Верхомъ имъ нечего было дѣлать, а ботфорты очень имъ мѣшали, когда они спѣшились.

Непріятель, почти не встрѣчая сопротивленія, съ силою надвигался. Отвѣта отъ главноначальствующаго не приходило; поэтому я отправилъ къ нему другого ординарца, съ настоятельною просьбой, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, прислалъ мнѣ пѣхоты; въ городѣ находился одинъ баталіонъ моего полка. Наконецъ, пришли три роты этого полка, съ подполковникомъ Грановскимъ. Я укрѣпилъ ими вершину горы Хёнгъ; драгуны правымъ крыломъ упирались въ эту гору, а лѣвымъ, разсѣявшись по виноградникамъ, перешли Баденскую дорогу и достигали Лиммата. Съ обѣихъ сторонъ обмѣнивались выстрѣлами.

Вдругъ я слышу учащенные выстрѣлы съ лѣвой стороны Цюриха. Нѣсколько непріятельскихъ баталіоновъ сдѣлали тамъ ложную атаку. Генералъ Корсаковъ и князь Горчаковъ (онъ командовалъ этою дистанціей), въ восторгѣ, что завязалось дѣло со слабымъ непріятелемъ, попали въ эту ловушку и преслѣдовали съ 12 пѣхотными баталіонами отступающаго противника до горы Альбисъ.

Какъ только я услышалъ выстрѣлы, я отправилъ офицера, а немного повремени и нѣкоего Англійскаго волонтера, предложившаго мнѣ свои услуги, чтобы предостеречь генераловъ отъ сего ложнаго шага. Они должны были предупредить главноначальствующаго, что непріятель не думаетъ серьезно атаковать ихъ съ того мѣста, но что онъ сосредо-

*) Смотри описаніе этой переправы у гр. Д. А. Милютина: II, 244—248. Ю. Б.

точилъ значительныя силы противъ меня, какъ я это имъ объяснялъ раньше, что трехъ ротъ совсѣмъ недостаточно, чтобы ихъ удержать.

Въ это время непріятель, продолжая свое движеніе, завладѣлъ горою Гёнгъ и оттѣснилъ драгуновъ. Я разослалъ всѣхъ офицеровъ, и у меня никого не было. По счастью оказались Англійскій повѣренный по дѣламъ Кроофордъ съ двумя волонтерами. Я имъ объяснилъ свое положеніе и просилъ послужить общему дѣлу—возможно скорѣе отправиться къ Корсакову, убѣдить его, чтобы онъ оставилъ свою несчастную аттаку и выслалъ мнѣ достаточное подкрѣпленіе. Я прибавлялъ, что городъ съ лѣвой стороны можетъ быть взятъ лишь осадою, чтобы Корсаковъ, уводя войска оставилъ на укрѣпленіяхъ нѣсколько полковъ, а меня поддержалъ бы всѣми остальными, такъ какъ положеніе непріятеля выгодно. Цюрихъ съ этой стороны окруженъ горами, которыя надъ нимъ вполнѣ господствуютъ; Гёнгъ, отъ подошвы котораго возвышается Цюрихская гора, тянется вдоль Лиммата и города, а городъ имѣетъ защитою только неглубокій сухой ровъ закрытый садами и домами да плохую насыпь.

Только что мои Англичане уѣхали, является ко мнѣ какой-то важный Баварскій офицеръ съ заявленіемъ, что вспомогательныя войска пришли и что онъ ищетъ главноначальствующаго, дабы получить отъ него приказанія. Въ восторгѣ отъ такого извѣстія я отвѣчалъ: «Трудно явиться въ болѣе благопріятное время; не знаю, гдѣ вамъ найти главноначальствующаго; на поиски его вы потратите слишкомъ много времени; вотъ вамъ гора, увѣнчайте ее вашими храбрыми Баварцами. Никто не могъ принести лучшаго извѣстія». Но всѣ мои слова остались безъ пользы. Онъ отправился на розыски генерала Корсакова, и я больше не видѣлъ ни его, ни его войска. Австрійскій генералъ Кинмайеръ, командовавшій корпусомъ болѣе чѣмъ въ 6000 человѣкъ на правой сторонѣ Вальдсгута, при самомъ началѣ тревоги на моихъ передовыхъ постахъ прислалъ ко мнѣ узнать, не надо ли мнѣ помочь, и даже обѣщалъ меня поддержать; а между тѣмъ, съ высоты Рейна созерцая въ продолженіе двухъ дней упорное сраженіе Русскихъ и ихъ разбитіе, онъ не оказалъ имъ никакой помощи и съигралъ роль безучастнаго зрителя.

Хотя непріятель неизмѣнно надвигался, я защищалъ каждую пядь земли. Наконецъ пришли съ полковникомъ Гаринымъ семь другихъ ротъ моего полка, которыхъ я уже давно вызывалъ.

Размѣстивъ ихъ, я аттаковалъ непріятеля, опрокинулъ его и преслѣдовалъ, нанося ему нѣкоторую потерю, около версты, такъ что отнялъ у него мою прежнюю позицію. Онъ не могъ оцѣнить моихъ силъ, закрытыхъ отъ него садами и виноградниками, и конечно не воображалъ, что я наступаю на него съ горстью солдатъ.

Бой продолжался съ перемѣннымъ успѣхомъ до 4-хъ часовъ пополудни, пока не пришелъ полкъ Козлова (часть моего отряда); онъ уже былъ за Штеффельномъ. За нимъ слѣдовалъ и генералъ Корсаковъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на мои представленія и не сдѣлалъ ни одной удачной диспоціи, чтобы получить какой-нибудь успѣхъ. Къ сожалѣнію, онъ и совсѣмъ ихъ не дѣлалъ.

Князь Горчаковъ, столь же гордый, какъ и глупый, по племянникъ князя Италійскаго, полагалъ, что крѣпкія стѣны, довольно высокая насыпь и глубокій ровъ не могутъ его защитить; боясь этого, онъ держалъ при себѣ безъ всякой пользы 12 баталіоновъ. Да они даже не имѣли достаточно мѣста, чтобы построиться: большинство солдатъ прохаживалось по городу. Прекрасный полкъ Лыкошина, гусары и казаки Бородина были поставлены на подходящее для кавалеріи мѣсто, но они бездѣйствовали и спокойно стояли противъ убійственнаго огня непріятельской конной артиллеріи. Командиръ гусарскаго полка былъ раненъ. Палатки были раскинуты, экипажи не были отосланы. Словомъ, самыя значительныя силы наши бездѣйствовали и лишь увеличивали стыдъ, безпорядокъ, потерю. Лучше бы они оставались въ Эглизау, какъ генералъ Дурасовъ въ Баденѣ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что два полка, сражавшіеся со мною, и два другихъ, поставленные на защиту города, принесли лишь вредъ.

Но не было времени для попрековъ. Я ни слова не сказалъ Корсакову; но какъ только пришелъ мой полкъ, я размѣстилъ его въ садахъ на моемъ правомъ флангѣ, тѣснимомъ непріятелемъ, и повелъ его въ аттаку. Ударили наступленіе, всякими способами старались одушевить солдатъ; но они медленно подвигались.

Наконецъ я потерялъ терпѣніе, выхватилъ изъ рукъ знаменосца знамя и сталъ во главѣ своихъ солдатъ. Храбрый лейтенантъ-полковникъ Шошинъ, майоръ Сальниковъ, мой адъютантъ Суковкинъ и много другихъ офицеровъ, что̀ были около меня, послѣдовали за мною.

Шошинъ палъ сраженный ядромъ, лошадь подо мною убита, мой сюртукъ прострѣленъ; но все это не принесло того успѣха, котораго я ожидалъ. Правда, мое правое крыло было спасено, и непріятель на время отступилъ, но онъ тотчасъ же вернулся съ новыми силами. (Корсаковъ въ своихъ рапортахъ къ Государю ни слова не сказалъ о моихъ попыткахъ отбить непріятеля, хотя подобныя попытки вовсе не часты; думаю, что читатель не проститъ ему этого умолчанія. Человѣкъ подверженъ несчастіямъ, невѣдѣніе его величайшій недостатокъ; но плутовство—это самый ненавистный порокъ).

Одна рота изъ полка Фока, другая изъ полка генерала Эссена, офицеръ съ нѣкоторыми гренадерами изъ отряда Тучкова явились ко

мнѣ на подмогу. Повидимому, они и пришли и ушли по собственному почину. Когда я дѣйствовалъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ на одной дорогѣ (двѣ дороги были поручены моей защитѣ, Эглизауская и Баденская), солдаты, находившіеся на другой, убѣгали въ городъ, ворота коего были не охраняемы. Благодушные горожане встрѣчали ихъ у дверей своихъ домовъ съ хлѣбомъ и виномъ: бѣдные солдаты эти ничего не ѣли съ утра.

Около меня находились драгунскій офицеръ полка Шепелева (жалѣю, что забылъ имя этого храбреца) и около 50 человѣкъ солдатъ. За исключеніемъ 10 Уральскихъ казаковъ я отослалъ всю мою кавалерію, такъ какъ она меня стѣсняла. Самое большее, что у меня было во время сраженія, это 2500 человѣкъ.

Непріятель уже овладѣлъ горою Хöнгъ и, переходя Эглизаускую дорогу, опирался лѣвымъ крыломъ на Цюрихскую гору.

Я не понимаю, почему не воспользовались полками Измайлова и Прибышевскаго, когда непріятель вернулся, чтобы занять эту гору, столь важную въ стратегическомъ отношеніи. Я выбралъ единственный способъ удержать мою позицію—занялъ въ пригородѣ сады и дома, которые были выгодно расположены. Такимъ образомъ я образовалъ линію защиты. У всѣхъ оконъ были разставлены солдаты, такъ что, когда сражавшіеся на улицахъ были оттѣсняемы, они своими выстрѣлами прикрывали ихъ отступленіе, останавливали непріятеля, и бой возобновлялся. При обыскѣ этихъ домовъ нашли подъ крышею одного дома, стоящаго на перекресткѣ Эглизауской и Баденской дорогъ, 7 боченковъ пороху и 4 ядра. Они лежали подъ грудою тряпокъ и хвороста. Осмотрѣли внимательно этотъ домъ и нашли на кровати между подушками Французскаго солдата, который забрался въ домъ съ вечера. Этотъ случай даетъ понять, какія преимущества передъ нами имѣлъ непріятель. Я не могъ не отдать этого дома на разграбленіе солдатамъ, что причинило вредъ и другимъ домамъ, которыхъ я не былъ въ состояніи защитить.

Я былъ счастливъ и тѣмъ, что держался на этой позиціи передъ городомъ до наступленія ночи. Въ продолженіе дня пять разъ отбивали непріятеля. Всѣ плѣнники, попадавшіе къ намъ, были пьяны; (Французы передъ атакою давали солдатамъ по большому стакану водки, для чего они всегда возили съ собой по нѣскольку бочекъ водки). Мы преслѣдовали непріятеля нѣсколько разъ съ значительнымъ урономъ; солдаты наши стали драться съ большею храбростью, когда я велѣлъ разсыпаться по домамъ; огонь производимый ими изъ оконъ былъ очень удаченъ, тогда какъ, находясь на открытомъ мѣстѣ, они по большей части стрѣляли въ воздухъ.

Уже стемнѣло. Непріятель прекратилъ свои аттаки. Я собралъ солдатъ, роздалъ имъ хлѣба и вина; они были веселы и бодры.

Разставивъ аванпосты, я поѣхалъ въ городъ къ Корсакову. Я его видѣлъ лишь одну минуту, какъ уже говорилъ выше, такъ какъ онъ уѣхалъ, лишь только началась аттака.

Не видавъ смятенія, царившаго въ городѣ, нельзя составить себѣ понятія объ этомъ безпорядкѣ. У воротъ не было стражи. Нигдѣ не видно было ни часовыхъ, ни патруля. Улицы загромождены повозками, пушками, солдатами, лошадьми; все это вперемежку; одни спали, другіе прохаживались; многіе изъ солдатъ пьяны; словомъ, съ невѣроятными усиліями я пробрался черезъ этотъ хаосъ ночью и достигъ квартиры Корсакова. Все было бы потеряно безъ остатку, если бы непріятель въ этотъ же день сломилъ мою позицію.

Можно ли представить себѣ большее бездѣйствіе, болѣе глубокое ослѣпленіе и столь полное отсутствіе здраваго смысла? Къ чему же служитъ тактика, первое правило которой требуетъ размѣщать войска такъ, чтобы можно было имъ пользоваться?!

При входѣ къ Корсакову я увидѣлъ, что почти всѣ генералы собрались у него.

Зрѣлище сіе, въ соединеніи со всѣмъ тѣмъ, что̀ я разсказалъ, наполнило меня такимъ негодованіемъ, что я съ трудомъ его скрылъ. Считаю, что время было не до разговоровъ; во всякомъ случаѣ, къ сожалѣнію, никто не имѣлъ своего опредѣленнаго назначенія, а каждый генералъ командовалъ своимъ полкомъ. Корсаковъ не говорилъ ни слова, не выразилъ ни одной сколько-нибудь здравой мысли. Его неспособность и отсутствіе ума при всякомъ случаѣ проявлялись съ блескомъ. Скорѣе слѣдовало сожалѣть его, чѣмъ негодовать на его слабоуміе.

Я ему представилъ свое мнѣніе, что я вовсе не считаю наше положеніе столь шаткимъ, какъ его хотятъ представить, что наши силы понесли уронъ лишь въ 700 человѣкъ, которыхъ я потерялъ вчера въ двухъ полкахъ и присоединенныхъ къ нимъ ротахъ, включая сюда и сто человѣкъ, убитыхъ во время ложной атаки, гусары же и казаки понесли самый незначительный уронъ; что, поэтому, мы вполнѣ можемъ держаться въ городѣ и его окрестностяхъ еще нѣсколько дней, ожидая соединенія съ княземъ Италійскимъ, и что всю бѣду еще можно поправить. Надо сказать, что мы не имѣли никакихъ извѣстій объ отрядѣ Дурасова *).

---

*) Генералъ Дурасовъ находился при сліяніи Лиммата съ Ааромъ и былъ отвлекаемъ демонстраціями Французовъ подъ начальствомъ Менара. Ю. Б.

На мое мнѣніе послѣдовалъ совершенно неожиданный отвѣтъ Корсакова: «Чтобы исполнить вашъ планъ, надо имѣть хлѣбъ и патроны». Онъ принялъ отличныя мѣры, чтобы при первой атакѣ, которая могла произойти со дня на день, мы были принуждены отступить въ полномъ безпорядкѣ.

Много говорили попусту, рѣшительно ничего не рѣшили, и я, удручаемый усталостью, ушелъ къ себѣ. Я хотѣлъ хоть немного отдохнуть, но это было невозможно, и я вернулся назадъ. Во время моего отсутствія эти господа столковались овладѣть на разсвѣтѣ Цюрихскою горой, стянуть туда весь корпусъ и совершить отступленіе къ Эглизау. Конечно, при отсутствіи хлѣба и патроновъ, это было лучшее. Было около 4-хъ часовъ, и рѣшительная минута приближалась. Я ушелъ отъ генерала, сказавъ, что иду на свой постъ и ожидаю исполненій сихъ предначертаній. Дѣйствительно, мнѣ нечего было терять времени, такъ какъ нельзя было бы ихъ исполнить, если бы мнѣ не удалось удержать наступленіе непріятеля на городъ.

Вернувшись на свою позицію, я увидалъ, что мои солдаты спятъ въ полномъ спокойствіи; я тотчасъ поднялъ ихъ, роздалъ патроны поровну и обратился къ нимъ съ рѣчью. Они были одушевлены самыми лучшими желаніями и въ минуту были готовы. Надлежало сдѣлать последнее усиліе, дабы замаскировать отступленіе, которое предположили совершить чрезъ ворота ведущіе къ Рапперсвилю: эта дорога была еще совершенно свободна. Показалась заря. Не теряя времени, я построилъ мой отрядъ въ колонны по двумъ дорогамъ и пошелъ съ волонтерами на непріятеля. Атака была произведена съ большимъ успѣхомъ; я опрокинулъ непріятеля, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, съ версту гналъ я его, нанося значительныя потери, захватилъ знамя и нѣсколько плѣнныхъ.

Въ восторгѣ отъ успѣха, я тотчасъ же отправилъ своего адъютанта къ главноначальствующему съ донесеніемъ о дѣлѣ и предлагалъ соединить его лѣвое крыло, перейдя Цюрихскую гору, съ моимъ правымъ крыломъ, расположеннымъ по дорогѣ въ Эглизау, ибо такимъ образомъ, можетъ быть, исходъ сраженія былъ бы для насъ благополученъ. Мы находились далеко другъ отъ друга, надо было посланному проѣхать чрезъ весь городъ. Черезъ два часа адъютантъ вернулся съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что городъ сдался на капитуляцію, и всѣ войска отступаютъ *). Я ничего не понималъ. Между тѣмъ непріятель

---

*) Генералы Фокъ и князь Долгоруковъ, считая себя отрѣзанными, вступили въ переговоры съ Массеною; тотъ далъ имъ 1/4 часа на очищеніе города. П. Б.

опять наступилъ на меня; но я, пользуясь линіей домовъ, занятыхъ солдатами, удерживалъ прежнюю позицію.

Нимало не медля, я опять послалъ своего адъютанта съ требованіемъ, чтобы, согласно дизлокаціи, оберегали Цюрихскую гору и прислали мнѣ еще нѣсколько батальоновъ, дабы я могъ держаться на своей позиціи, пока это будетъ необходимо.

Полкъ Козлова былъ почти весь разстроенъ, оставалось у меня развѣ двѣ-три сотни солдатъ. Его командиръ Шошовъ готовъ былъ бѣжать при первой опасности. Отряды, которые пришли ко мнѣ вчера, съ наступленіемъ ночи разошлись по своимъ полкамъ. Мой полкъ одинъ выдерживалъ сраженіе. Потери его въ эти два дня были значительны. Храбрый полковникъ Гаринъ, подполковникъ Грановскій, капитаны Христофовичъ, Турнинъ и Суковкинъ, штабсъ-капитаны Яровъ, Ширяевъ и Пребштейнъ, поручикъ Сосновскій, подпоручики Флоринскій, Ѳедоровичъ, Карновичъ и Соболевъ были ранены; штабсъ-капитанъ Есиповичъ и подпоручикъ Пашкевичъ убиты.

Непріятель надвигалъ свою атаку съ возрастающею силой. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я возвращенія моего адъютанта; наконецъ, онъ пріѣхалъ. Наша армія перешла черезъ Цюрихскую гору и бѣжала въ величайшемъ безпорядкѣ; генерала Корсакова онъ не нашелъ. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что экипажи попали въ руки непріятеля, что генералы Фокъ и князь Долгорукій занимали съ горстью солдатъ городъ и сдали его на капитуляцію. Лучше бы они защищали Цюрихъ! Я ломалъ себѣ голову, чтобы понять совершающееся. Какъ можно было помыслить о капитуляціи, когда войска не переставали сражаться? Какъ можно было подумать дать непріятелю войти въ городъ, когда я его еще защищалъ и ничего не зналъ о происходившемъ?! Какой несчастный случай могъ заставить рѣшиться на такое стремительное отступленіе? Непріятельскіе драгуны завладѣли нашими экипажами, но наша кавалерія была многочисленнѣе и лучше непріятельской, и что могла сдѣлать конница въ этихъ ущельяхъ? Наконецъ, куда дѣвались наши два полка стрѣлковъ?

Мое положеніе становилось критическимъ. Окруженный непріятелемъ, оставленный всѣми, я составилъ планъ сомкнуть своихъ солдатъ, войти въ городъ, захватить тамъ всѣхъ оставшихся и отступить какъ удастся.

Молодцы гренадеры! Два дня они покрывали себя честью и славою. Они служили щитомъ для всего корпуса. Ихъ храбрость заслуживаетъ почетнаго мѣста среди лѣтописей нашихъ военныхъ дѣяній. Они и не помышлялъ объ опасности, въ которой находились, и мнѣ было очень трудно отдалить ихъ съ поля битвы. Я ихъ увелъ изъ подъ смер-

тельнаго огня. Былъ полдень, я былъ во главѣ ихъ и восхвалялъ ихъ выдающуюся храбрость, какъ вдругъ получилъ ударъ въ голову и свалился съ лошади. Меня отвели въ городъ. Сначала было солдаты нѣсколько смѣшались, но затѣмъ оправились и защищались съ рѣшимостью и хладнокровіемъ. Солдаты изъ полка Козлова, находившіеся возлѣ меня, рѣшили превзойти храбростью гренадеръ: они загородили ворота города и долго ихъ отстаивали. Хирургъ-операторъ Бальберъ, Швейцарецъ и обитатель Цюриха, пришелъ къ этимъ воротамъ, чтобы дѣлать перевязки раненымъ, что̀ онъ и производилъ съ большимъ рвеніемъ. Онъ мнѣ сдѣлалъ предварительную перевязку, чтобы остановить потерю крови, и затѣмъ отвелъ меня къ себѣ въ домъ, который находился на окраинѣ. Въ этотъ промежутокъ времени солдаты стояли около меня и рѣшительно не хотѣли меня оставить; но меня увели, и ихъ удалось убѣдить отступить по дорогѣ, какъ я указалъ подполковнику Слѣпцину. Я рѣшительно не могу сказать, какъ они отступали и что̀ происходило далѣе.

Пока Бальберъ занимался изслѣдованіемъ моей раны, непріятель входилъ въ городъ. Было около часа пополудня. Долженъ признаться, что эти минуты были самыми тягостными въ моей жизни. Колонны проходили мимо моихъ оконъ съ ружейными выстрѣлами и криками радости. Я не могъ удержаться отъ слезъ.

Моя прислуга, видя, что непріятель захватилъ нашъ обозъ, и зная, что я еще оставался назади, вернулась въ городъ. Когда спокойствіе было установлено, я послалъ моего адъютанта къ главноначальствующему сказать, что я нахожусь въ Цюрихѣ. Вскорѣ онъ вернулся въ сопровожденіи какого-то генерала, который съ большою вѣжливостью привѣтствовалъ меня и приказалъ сдѣлать надпись на двери дома, гдѣ я находился. Онъ далъ мнѣ часового, а когда мой слуга сказалъ, что мой экипажъ пріѣхалъ, приставили другого къ моей квартирѣ и увѣряли, что ничто у меня не будетъ похищено. Бальберъ, получившій ради меня такую милость, предложилъ генералу стаканъ вина; но тотъ отказался, хотя взялъ съ собою бутылку, а его адъютантъ унесъ и другую.

Вдругъ вечеромъ, когда все было спокойно, мои слуги прибѣжали сказать, что пришли ко мнѣ офицеры грабить мои вещи. Мой адъютантъ и Бальберъ пошли къ нимъ, но не могли помѣшать ихъ грабежу. Я не нахожу удивительнымъ, что солдаты и чернь начинаютъ грабить, когда ихъ не удерживаютъ отъ этого, но, полагаю, всѣмъ покажется страннымъ, что адъютантъ генерала Рейнвальда, помощникъ начальника генеральнаго штаба, баталіонный командиръ Бажанъ и офицеры изъ свиты Массены могли совершить подобную низость. Ихъ хищничество дошло до того, что не только они взяли лошадей, карету,

сбрую, сѣдла, серебро, вещи и платье, но даже не оставили мнѣ ни одной рубашки, хотя хорошо знали, въ какомъ состояніи я находился. Къ тому же они заставили моихъ слугъ, со слезами на глазахъ смотрѣвшихъ на ихъ грабежъ, отнести всѣ вещи на квартиру Массены, гдѣ эти господа въ его присутствіи и произвели дѣлежъ. Унеся у меня все до чиста, они имѣли жестокость увести моихъ слугъ какъ военноплѣнныхъ, въ томъ числѣ и моего камердинера. Такимъ образомъ я былъ лишенъ всего; у меня было только платье, въ которомъ я былъ раненъ; оно было забрызгано кровью. Хотя я громко съ величайшимъ негодованіемъ говорилъ противъ такого необычнаго для цивилизованныхъ народовъ поведенія, мои протесты не имѣли успѣха, такъ какъ хищничество Французскаго войска не признаётъ никакихъ законовъ. Хозяйка дома, госпожа Цюндель и г. Бальберъ наперерывъ старались снабдить меня бѣльемъ и всѣмъ тѣмъ, что̀ было мнѣ нужно, и я во вѣки буду благодаренъ имъ за нѣжныя попеченія, которыми они меня окружали. Нѣсколько дней провелъ я у нихъ; затѣмъ нѣкій купецъ Нюшлеръ предложилъ мнѣ свой домъ, говоря, что у него я найду болѣе удобствъ. Не желая быть въ тягость моимъ благодѣтелямъ, я принялъ это любезное предложеніе съ достодолжной благодарностью. На слѣдующій день онъ самъ явился ко мнѣ съ носилками.

Мое пребываніе въ Цюрихѣ въ высшей степени не нравилось Французамъ; они не могли мнѣ простить того зла, которое мнѣ причинили, и во что бы ни стало желали меня отправить во внутреннія земли Франціи; но состояніе моего здоровья рѣшительно не позволяло предпринять такое путешествіе. Тѣмъ не менѣе они употребляли всевозможныя средства, чтобы заставить меня уѣхать. Они посылали то хирурга, пламеннаго патріота, то звѣроподобнаго жандарма справиться о моемъ здоровьѣ и о днѣ моего отъѣзда. Наконецъ, утомленный такимъ дурнымъ обращеніемъ, я рѣшилъ уѣхать изъ Цюриха 1 (12) Декабря. Между тѣмъ я кое-какъ поправилъ свой гардеробъ, такъ что могъ показаться въ благопристойномъ видѣ. Въ этомъ мнѣ много помогъ г. Нюшлеръ; этотъ достойный человѣкъ, кромѣ того, далъ мнѣ денегъ на дорогу. Вообще и онъ, и его семья оказывали мнѣ большую дружбу и облегчали, какъ могли, мое несчастіе.

Пришли сказать, что все готово къ отъѣзду; однако не позволили, чтобы карета пріѣхала за мной, и я принужденъ былъ идти пѣшкомъ къ тому дому, гдѣ собрались отправляемые плѣнники. Когда я пришелъ туда, явился офицеръ съ приглашеніемъ на обѣдъ къ Массена. Я отказался. Послѣ всего того, что̀ я испыталъ и испытывалъ еще отъ нихъ, такое приглашеніе не было привлекательнымъ. Кромѣ того мнѣ разсказывали, что офицеры, приглашенные къ столу Мас-

сена, принуждены были выслушивать оскорбительныя вещи, какъ будто бы и приглашаемы они были для того, чтобы ихъ подвергнуть подобной обидѣ.

Я получилъ отъ города до первой станціи карету; дальше кромѣ Аары и Базеля ѣхалъ въ повозкѣ, толчки коей очень меня мучили, такъ что я принужденъ былъ иные переѣзды отъ 4 до 5 миль идти пѣшкомъ подъ дождемъ и въ грязи. Когда мы проѣзжали черезъ города, чернь, привлеченая видомъ нашей нищеты, встрѣчала насъ криками и свистками. Мы были покойны лишь внѣ селеній. Когда я очень уставалъ, я нанималъ за большую плату карету. Однако мы встрѣчали и добрыхъ людей, участливо къ намъ относившихся, осыпавшихъ насъ проявленіями вѣжливости. Нашъ поѣздъ состоялъ изъ майора Сергѣева съ женой, моего адъютанта, десяти другихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, одного унтеръ-офицера, нѣсколькихъ гренадеровъ и казаковъ, которые принесли меня съ поля сраженія и были при мнѣ оставлены. Во главѣ поѣзда ѣхалъ жандармъ, другой замыкалъ его. Въ Ольтенѣ и Базелѣ трактирщики имѣли безстыдство взять съ насъ за дурной обѣдъ въ Ольтенѣ по 5, въ Базелѣ по 8 франковъ. Во Франціи съ насъ брали цѣны много умѣреннѣе.

Среди офицеровъ нашего поѣзда были двое изъ корпуса Кондэ. Мы за нихъ очень боялись, какъ бы ихъ не признали; потомъ мы нашли, что наши опасенія напрасны: всюду дѣлали видъ, что не узнаютъ ихъ. Наконецъ, мы прибыли сюда 15 (26) Ноября.

Первыя двѣ недѣли я не выходилъ изъ комнаты. Въ Моневилѣ мнѣ рекомендовали одного врача этого города. Рана моя закрылась во время дороги; но до сихъ поръ у меня на головѣ и на лбу остаются опухоли, не смотря на старанія господина Сальмера.

Нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда явился ко мнѣ комиссаръ съ предложеніемъ денегъ, которыя республика платитъ плѣннымъ сообразно ихъ чину. Это для меня составляетъ около 6 франковъ каждодневно (почти 2 рубля); однако я отказался и до сихъ поръ не получаю: брать эти деньги противно моимъ убѣжденіямъ.

(Окончаніе будетъ).

ОТЪ ДУНАЯ ДО ЦАРЬГРАДА [1]).

1877—1878.

III часть.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ [2]).

Колѣно I.

Ой за моремъ, ой за синимъ
По степи растетъ бурьянъ;
Ой за моремъ, ой за Чернымъ
Расплодился Мусульманъ.

*

Тамъ растетъ бурьянъ богатый,
Машетъ красной головой;
Мусульманъ качаетъ важно
Разноцвѣтною чалмой.

*

Взяли бабы косы въ руки
И пошли бурьянъ косить;
Наши храбрые гвардейцы
Стали Турокъ сильно бить.

*

Накосили бабы сѣно,
Извели въ степи бурьянъ;
А гвардейцы настрѣляли
Словно птицу Мусульманъ.

*

Взяли бабы и руками
Опололи степь кругомъ;
Такъ и Турокъ, братцы, надо
Изъ Европы съ корнемъ вонъ.

*

Колѣно II (другой напѣвъ).

Въ семьдесятъ седьмомъ году
Пришли къ Туркѣ ко врагу
Русскія войска. (2)
Шли сюда мы не гулять,
Пришли Турокъ побѣждать
Русскими штыками (2)

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1899 года, выпуски 11-й и 12-й.
[2]) Сложенная солдатами гвардіи на походѣ 1877—1878 гг.

Повстрѣчался Мусульманъ,
Безъ похмелья сталъ онъ пьянъ.
Что онъ ошалѣлъ? (2)
Какъ подъ Горнымъ Дубнякомъ
Мы валили ихъ рядкомъ,
Знатно разнесли. (2)
Черезъ два дня Телишъ сдали,
Ружья, пушки побросали,
Сами въ плѣнъ пошли. (2)
А изъ Дольня-Дубняка
Турки задали дерка,
Въ Плевну убрались. (2)
Турки въ Плевну убрались
Тамъ задачей задались
Насъ не допущать. (2)
Мы задачи ихъ рѣшали,
Не такія стѣны брали.
Эту, братъ, возьмемъ. (2)
Вспомни, братецъ ты Дубнякъ,
Не командуй въ Плевнѣ такъ,
Лучше покорись. (2)
А не то сами прійдемъ
Нашимъ войскомъ разобьемъ
Осману-пашу. (2)
Груды лягутъ передъ нами,
Мы потопчемъ васъ ногами
Точно въ Дубнякѣ! (2)

Колѣно III (напѣвъ другой).

Мы Дунай переходили,
Турокъ знатно колотили,
Какъ и въ старину.
Не прошло и двѣ недѣли,
Какъ къ Балканамъ подлетѣли
Словно на парахъ.
Шипку занялъ храбрый Гурко,
На утекъ бѣжали Турки,
Кто куда поспѣлъ.
Храбрый Скобелевъ герой
Вздумалъ, братцы, той порой
Плевну потрясти.
А на Шибкѣ нашъ Радецкій
Разгромилъ по молодецки
Весселя-пашу.
Мы къ Софіи подступали,
Города всѣ перебрали,
Турки все бѣгутъ.
Всю Европу удивили,
Что морозы захватили
Чуть не въ облакахъ.

Полтораста тысячъ Турокъ
Мы набрали словно чурокъ,
Пушки, знамена.
Мы пойдемъ въ Константинополь
И возьмемъ Адріанополь,
Будемъ пировать!

*

ЗА БАЛКАНЫ КЪ КОНСТАНТИНОПОЛЮ.

I. Стоянка въ городѣ Орханье, въ горахъ.

12-го Декабря 1877 г. полкъ нашъ ушелъ къ подножью тропы черезъ Балканы дожидаться своей очереди идти на перевалъ, который онъ и перешелъ 16 Декабря черезъ Имургагъ. Я былъ оставленъ съ больными лошадьми завѣдывать обозомъ, стоявшимъ въ д. Правцы, куда я немедленно и перебрался. Первые дни не найдя себѣ квартиры, я воспользовался любезнымъ приглашеніемъ Бирюкова поселиться у него. Комната была такъ низка и мала, что я не могъ стоять во весь ростъ и, каждый разъ забывая объ этомъ, стукался макушкой въ потолокъ или на ходу стукался лбомъ о балки. Понятное дѣло, эти постоянныя стукушки выводили меня изъ терпѣнія; я неистово ругался и, наконецъ послѣ одной изъ болѣе чувствительныхъ стукушекъ, выскочилъ изъ комнаты, чтобы болѣе туда не возвращаться. Да и хозяинъ этой квартиры оказался человѣкъ не веселый и въ другихъ отношеніяхъ не подходящій.

Поискавъ не долго, я нашелъ себѣ маленькую комнатку въ Болгарскомъ семействѣ, куда денщикъ перетащилъ небольшой мой скарбъ. Напротивъ моей избы жилъ старикъ Исеновъ, сотникъ Осетинскаго дивизіона Кавказской казачьей бригады, оставшійся по нездоровью съ нѣсколькими своими Осетинами-всадниками, тоже больными. Кромѣ того онъ поджидалъ съ Кавказа сына, шедшаго съ дополнительной Осетинской сотней.

Занятій у насъ никакихъ не было, и я большую часть времени проводилъ у нихъ. Жарили шашлыки, пили красное винцо, однимъ словомъ благодушествовали, насколько позволяли обстоятельства. Наблюдавшій за общимъ порядкомъ въ нашемъ округѣ, жандармскій полковникъ Шевичъ, началъ конечно заводить свои порядки; въ томъ числѣ было приказано передвинуть обозы въ г. Орханье. Надо было и мнѣ устраиваться, но только въ смыслѣ порядка, такъ какъ все продовольствіе обоза, людей и лошадей возложено было на Бирюкова, который до невозможности началъ экономничать.

Приходилось фуражъ возить изъ ближайшихъ деревень, и я для бо̀льшаго удобства отправилъ всю команду больныхъ лошадей въ деревню неподалеко отъ Орханье, гдѣ было достаточно фуража.

Выбравъ старшаго по лѣтамъ службы унтеръ-офицера, которымъ оказался унтеръ-офицеръ 4-го эскадрона Игнатовъ, я назначилъ его за старшаго въ командѣ. Самъ же я помѣстился въ г. Орханье въ домѣ занятомъ казначеемъ Кубанскаго полка, сотникомъ Н. М. Закрѣпой, и священникомъ Преображенскаго полка, состоявшимъ при Красномъ Крестѣ и вскорѣ съ нимъ вмѣстѣ ушедшимъ за войсками.

Рядомъ съ нами въ домѣ вскорѣ помѣстился вновь назначенный комендантъ Орханье, у котораго каждый вечеръ передъ его домомъ играли зорю: горнистъ, трубачъ и барабанщикъ, каждый по своему. Этотъ концертъ было что-то невообразимое ушираздирающее.

Подходилъ праздникъ Рождества Христова. Изъ полка вернулся корнетъ Лёвстремъ, поморозивъ себѣ ногу, и также помѣстился у насъ, а вслѣдъ за нимъ и священникъ нашъ протоіерей Смѣловъ, ушедшій съ полкомъ пѣшкомъ черезъ Балканы, тоже обморозивъ себѣ ноги, вернулся изъ Чуріака назадъ.

Въ окрестностяхъ города, въ деревнѣ, куда я поставилъ свою команду, водились бараны и всякая живность, не находившая себѣ хозяина; а все, что̀ не находило себѣ хозяина, считалось Турецкимъ, а слѣдовательно нашимъ, такъ что этой живностью питалась моя команда, о которой нашъ провіантмейстеръ совсѣмъ позабылъ, и еще привозилось къ нашему столу. Этотъ порядокъ полученія провизіи напоминалъ намъ житье помѣщика зимой въ городѣ и привозъ ему изъ подгородней деревни всякой снѣди къ празднику.

По поводу помѣщиковъ могу сказать, что ихъ тутъ развелось много: это отсталые солдаты, не торопясь догонявшіе свои части, или нарочно отставшіе, или просто такіе, которые почему либо не хотѣли идти дальше и располагались въ брошенныхъ деревняхъ. Они обзавелись хозяйствомъ, открывали даже торговлю мясомъ, табакомъ и т. п. и благодушествовали себѣ, какъ будто такъ и слѣдовало быть. Ихъ-то мы и прозвали помѣщиками. Жандармы, слѣдившіе за порядкомъ въ тылу арміи, ловили этихъ самозванныхъ помѣщиковъ, препровождая къ своимъ частямъ; но конечно были счастливцы, которые оставались незамѣченными.

Сотникъ Закрѣпа уѣхалъ въ свой обозъ, обѣщавшись привезти намъ оттуда телка̀, что̀ и исполнилъ, такъ что къ празднику провизіи у насъ было вдоволь.

Бродя какъ-то по городу, я встрѣтилъ унтеръ-офицера нашего полка Стравинскаго и узналъ отъ него, что онъ везетъ тѣло штабсъ-ротмистра Добошинскаго, убитаго 18 Декабря подъ Ташкисенами на рекогносцировкѣ.

Наконецъ наступило Рождество Христово. Встрѣтили мы его радостно, но чего-то недоставало: недоставало благовѣсту, къ которому мы привыкли дома, и церковной службы, такъ какъ церкви въ Орханье не было. День провели довольно весело за обѣденнымъ столомъ, пили здоровье родныхъ и знакомыхъ, оставшихся на далекой родинѣ, вспоминая, какъ встрѣчаютъ у насъ обыкновенно праздникъ и сколько хлопотъ и веселья бываетъ съ елкой.

Даже и въ зимніе мѣсяцы выпадали тепленькіе дни, и на улицахъ появились лужицы. Ежедневно проходили черезъ Орханье войска за Балканы, а также проходили маршевыя команды на пополненіе, которымъ приходилось нагонять свои части.

Отъ нечего дѣлать я иногда прогуливался по улицамъ г. Орханье, которыя уже существовали только въ воображеніи, потому что всѣ заборы были разобраны на топку, да и часть построекъ тоже пошла туда же, такъ что если уцѣлѣла половина города, и то слава Богу.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, идя по улицѣ къ мосту, вижу ѣдетъ навстрѣчу пѣхотный солдатъ на неосѣдланной лошади. Эта была нерѣдкость, я не обращая вниманія, пошелъ дальше. Слышу окликнули меня. Оборачиваюсь, тотъ же пѣхотный ѣдетъ ко мнѣ назадъ. Я, не обративъ опять таки на него вниманія, ищу по сторонамъ, кто меня окликнулъ, но никого нѣтъ; только когда этотъ же пѣхотный остановился передо мной и заговорилъ, я узналъ Д. В. Бартенева. «Ты какими судьбами тутъ?» «Съ обозомъ иду; посылали за палатками». «Гдѣ обозъ стоитъ?»—«Во Врачешѣ!» «Ну, пойдемъ ко мнѣ» пригласилъ я его. Мы отправились на мою квартиру, куда затѣмъ каждый день пріѣзжалъ Бартеневъ изъ обоза, а потомъ совсѣмъ поселился у насъ.

Тутъ, закусывая и попивая красное винцо, доставленное тоже изъ подгородныхъ деревень, я узналъ всѣ похожденія моего земляка и товарища дѣтства, какъ онъ попалъ сначала въ Красный Крестъ, а потомъ въ дѣйствующій полкъ и участвовалъ въ дѣлахъ. Воспоминаніямъ не было конца, и мы всѣ на радостяхъ, изрядно нагрузившись винцомъ и разными яствами, отошли ко сну. Компанія у насъ собралась веселая. Домъ, въ которомъ мы стояли, былъ еще новый и неотдѣланный внутри. Мы занимали угловую большую комнату, съ желѣзной печкой посрединѣ, которую постоянно накаливали докрасна, потому что чуть

она остывала, комната тоже понемногу охлаждалась *). Остальныя комнаты занимались нашими денщиками, казаками и кладовой, въ которой разная провизія, какъ въ лавкѣ, висѣла подвѣшанная къ перекладинамъ. Дровъ было довольно трудно достать, и потому мы понемногу разбирали казавшіяся намъ ненужными части дома, употребляя ихъ на отопленіе нашей кухни и желѣзной печки въ нашей комнатѣ.

Каждый имѣлъ въ этой комнатѣ свой уголъ, гдѣ на полу, или еще какъ-нибудь, была устроена постель углового жильца, но такъ какъ въ комнатѣ было полныхъ три угла, а четвертый съ дверью, то Бартеневу, какъ послѣднему прибывшему, пришлось расположиться посреди комнаты, у печки. Мы смѣясь говорили, что онъ живетъ въ столовой, потому что мы у печки собирались обѣдать. Обѣдали мы, конечно, на полу, сидя вокругъ котелка, поджавши подъ себя ноги, какъ говорится, по-турецки, при чемъ каждый приносилъ свою ложку и ножъ; другой сервировки не полагалось, и мы не сожалѣли объ этомъ, имѣя сытный и свѣжій столъ. Одно было горе: нашихъ ложекъ не было, глубокихъ, а были Турецкія, небольшія, плоскія, съ длинными ручками. Рисъ и пилавъ ими удобно брать, но щи и другую жидкость, чтобы поймать, надо было много потрудиться.

Рядомъ съ нашимъ домомъ, въ маленькой плохенькой избушкѣ, поселилось семейство Болгаръ, заявившихъ права на нашъ домъ и претензію на его разборку; мы ихъ кое-какъ успокоили, давъ нѣсколько монетъ и объявивъ, что дровъ нѣтъ, а морозы сильные, и топить надо. Братушки успокоились и куда-то исчезли.

Понемногу собирались жители, занимая уцѣлѣвшіе дома и удивляясь исчезновенію безслѣдно садовъ, заборовъ и большинства домовъ.

Устраивалось самоуправленіе городомъ, съ участіемъ Болгаръ. Уже выбранъ былъ изъ нихъ старшина, «чурбаджа», и какіе-то еще чины правленія. У всѣхъ у нихъ были самодовольныя лица, и вооружены они были всякимъ оружіемъ. И не мудрено, что лица были радостныя, и оружія навѣшано много: вѣдь много вѣковъ надъ ними властвовали Турецкіе чиновники, запрещая Болгарамъ носить оружіе, а тутъ вдругъ они сами стали большіе. Есть чему порадоваться!

Лошади мои, мало-по малу и безъ посредства медикаментовъ, поправились. Мы, чтобы убить время, играли въ карты: въ банкъ, штосъ и макашку. Всегда въ началѣ игры мнѣ везло, и всѣ ставки переходили ко мнѣ на колѣни, въ полы полушубка, образуя цѣлую груду

*) Иногда прибѣгали къ „мангалу“.

полуимперіаловъ, «желтичекъ», какъ называли Болгары наши золотые. «Этой груды мнѣ хватитъ доѣхать до Россіи», говорилъ я шутя; но къ концу игры или, лучше сказать, къ концу дня, оказывалось, что полы моего полушубка были пусты, и игра кончалась безобидно: никто никого не обыгрывалъ.

Скуки ради, мы заходили къ еще не уѣхавшему маркитанту, снаряжавшему свои повозки вслѣдъ войскамъ.

Тутъ встрѣчали иногда знакомыхъ: нѣкоторые догоняли полкъ, другіе пріѣзжали запастись кое-чѣмъ; но больше запасались чаемъ и сахаромъ. Сахаръ въ походѣ очень цѣнился; рѣдко приходилось на походѣ пить въ накладку, а по большей части въ прикуску, а то въ полномъ смыслѣ въ прилизку: т.-е. остается бывало кусочекъ, и бережешь его, какъ невѣсть какую драгоцѣнность, запрятывая куда-нибудь подальше, чтобы не потерять, а попивая чай, этотъ кусочекъ вынешь, пригубишь и опять спрячешь. Стакановъ часто не бывало (стекло вещь хрупкая), и мы изобрѣли дѣлать ихъ изъ тыквъ, имѣющихъ видъ пузыря, съ длиннымъ горлышкомъ. Вотъ эти-то горлышки служили намъ стаканами, которые также аккуратно гдѣ-нибудь прятались; ну а въ случаѣ раздавится, не трудно было найти матеріалъ для новаго.

Вспомнили, наконецъ, объ насъ: пришло приказаніе идти съ обозомъ въ Софію, а оттуда на Филиппополь и Адріанополь, къ которому уже подходили наши войска.

Бартеневъ бросился въ д. Врачешу, къ своему обозу, и съ ужасомъ узналъ, что обозъ ушелъ, и ему пѣшкомъ приходилось догонять его, но къ неописанной радости огорченнаго, сотникъ Н. М. Закрѣпа откуда-то досталъ бричку и взялъ его съ собой.

Я и Лёвстремъ верхами, съ вьюками и больными лошадьми при обозѣ, пошли по Софійскому шоссе, на перевалъ къ Арабъ-Конаку.

Шоссе уже исправили, и обозы потянулись чрезъ перевалъ, а изъ Софійской долины на встрѣчу шли транспорты съ ранеными въ послѣднихъ сраженіяхъ. Часто приходилось останавливаться обозамъ; подъемы задерживали измореннызъ лошадей, и въ такихъ случаяхъ, общими усиліями солдатъ и лошадей, съ гиканьемъ, повозку втаскивали въ нѣсколько пріемовъ на подъемъ, подкладывая для отдыха подъ колеса камни.

Мы въѣхали на вершину перевала, гдѣ еще оставались Турецкія укрѣпленія. Прекрасный видъ открывался передъ нами на Балканы и на Софійскую долину, растилавшуюся къ Югу у подножья ихъ. Тутъ

происходила борьба зимы съ весной. Сѣверный склонъ и вершины горъ были покрыты еще льдомъ и снѣгомъ, а южный склонъ и равнина уже зеленѣли. Снѣга стаяли, и съ горъ бѣжали потоки.

Съ нами былъ проводникъ-братушка, котораго мы не приглашали, а онъ такъ самъ откуда-то явился. Онъ обѣщался провести насъ горами на Татаръ-Базарджикъ и Филиппополь, что будетъ несравненно ближе, чѣмъ по шоссе на Софію. Мы и по картѣ видѣли, что на Софію крюкъ порядочный, а потому, желая сохранить силы только-что поправившихся въ деревнѣ лошадей, я, полюбовавшись съ вершины Арабъ-Конака на открывавшуюся панораму Софіи, приказалъ Игнатову, спустившись съ перевала, свернуть влѣво съ шоссе и идти на д. Дольныя Коморцы. Съ Закрѣпой условились съѣхаться тамъ же. Горною тропой отправились мы съ корп. Лёвстремомъ и вьюками напрямикъ, чтобы осмотрѣть мѣсто и приготовить фуражъ. Такимъ образомъ на нѣкоторое время мы разстались съ обозомъ, который не могъ идти горами, а долженъ былъ слѣдовать по шоссе.

Въ д. Дольныя Коморцы мы пріѣхали поздно и сотника Закрѣпу не отыскали въ темнотѣ, а утромъ онъ рано уѣхалъ. Лошади также не пришли и, какъ оказалось впослѣдствіи, ихъ остановилъ Бирюковъ при обозѣ, не знаю на основаніи какихъ высшихъ соображеній. Мы же, предположивъ, что лошади прошли дальше къ Филиппополю, перепутавъ дороги, снова пустились въ путь по горнымъ тропинкамъ къ Филиппополю.

Часто попадались намъ небольшія горныя деревушки, гдѣ мы брали проводниковъ Болгаръ, чтобы не сбиться съ дороги. Въ одинъ изъ такихъ переходовъ поднялась метель и загнала насъ въ горную деревушку, дворовъ въ пять не больше, гдѣ, пережидая погоду, мы простояли цѣлый день. Во время пути мы удивлялись неутомимости проводниковъ: въ той же курткѣ, что и лѣтомъ, надѣвая иногда такую же мѣховую сверху, они бѣжали съ длинною палкой въ рукѣ (впереди лошади), перескакивая съ камня на камень, и при этомъ что-нибудь разсказывали, размахивали руками и, повидимому, нисколько не уставали и легко дышали. Это я наблюдалъ весь походъ и пришелъ къ заключенію, что Болгары прекрасные ходоки: изъ нихъ выйдетъ неутомимая пѣхота. Разстоянія пути въ Болгаріи не измѣренныя, а считаются у нихъ по часамъ; часъ ходьбы равняется пяти верстамъ. «Сколько до такого-то селенія?» спросишь Болгарина. «Два саадъ, братушка», отвѣтитъ, или сколько тамъ нужно; часто ѣдемъ, ѣдемъ, и все «два саадъ» отвѣчаютъ попадавшіеся навстрѣчу Болгары. Если же Болгаринъ не знаетъ, сколько часовъ ходьбы, то отвѣчаетъ: «не самъ ходилъ», т.-е. онъ тамъ

не былъ и слѣдовательно собственными шагами не мѣрилъ, а потому не знаетъ и врать не желаетъ.

Наконецъ мы добрались до селенія Панигюрища*), живописно раскинутаго въ горахъ; какъ теперь помню, это было въ Субботу. Первый попавшійся братушка, къ которому мы обратились съ вопросомъ о квартирѣ, сказалъ, что надо обратиться въ управленіе, и привелъ насъ прямо на дворъ этого управленія. Болгаринъ побѣжалъ въ домъ, откуда черезъ секунду высыпали въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, со всевозможнымъ оружіемъ, братушки. Оказалось, что въ Панигюрищѣ было уже устроено управленіе изъ Болгаръ, и вотъ эти-то администраторы высыпали толпой на дворъ къ намъ съ привѣтствіями: «добре дошли, братушки» и пожимали намъ руки.

Когда они узнали, что намъ нужна квартира, то немедленно снарядили одного изъ членовъ своего управленія отвести намъ квартиру. Братушка, махнувъ рукой, сказалъ намъ: «Айда, капитанъ», и зашагалъ впередъ, мы за нимъ. Пройдя нѣсколько улицъ, онъ остановился предъ какимъ-то домомъ и ввелъ насъ туда. Домъ снаружи и внутри былъ очень хорошъ. Хозяйка его, вдова, у которой Турки недавно зарѣзали мужа, встрѣтила насъ радушно, отведя для насъ чистенькую, просторную комнату. Потомъ она повела насъ осматривать домъ и садъ, гдѣ показала могилу мужа, тутъ же въ саду подъ окномъ. Вообще въ домахъ, какъ Турокъ, такъ и Болгаръ, замѣчается чистота, въ особенности у мало-мальски зажиточныхъ. Они не ходятъ по полу въ верхней обуви, какъ у насъ, а въ однихъ чулкахъ, оставляя башмаки на крыльцѣ. Въ грязную погоду, идя по хозяйству на дворѣ, они надѣваютъ деревянныя скамеечки на ноги, вмѣсто башмаковъ. Скамеечки эти бываютъ богато инкрустированы перламутромъ, серебромъ и т. п. Что же касается до жителей побѣднѣе, то хотя тамъ и чище, чѣмъ у нашихъ крестьянъ въ избѣ, но тамъ ходятъ безъ церемоніи въ сапогахъ и башмакахъ, конечно въ сухую погоду, а въ грязную оставляютъ ихъ у дверей. Спятъ Болгары не раздѣваясь, что совершенно противуположно наружной чистоплотности; конечно, это могло быть исключеніемъ въ наше время, какъ въ тревожное, военное, когда нужно было быть постоянно на-чеку. Въ нашей комнатѣ на одномъ изъ шкаповъ попалась мнѣ тетрадка на Болгарскомъ языкѣ, по ботаникѣ, изслѣдованіе какихъ-то растеній. Оказалось, что это одинъ изъ родственниковъ хозяевъ дома занимался этими изслѣдованіями.

---

*) Это родина памятнаго многимъ въ Москвѣ Ксенофонта Ивановича Жинзифова. Судьба не дала ему дожить до свободы собратій. П. Б.

Вскорѣ пришелъ родственникъ хозяйки, молодой Болгаринъ, сказалъ обычное Болгарское привѣтствіе: «Добре дошли, братушки», усѣлся, поджавши ноги, и пустился въ разговоръ съ нами о всякихъ интересовавшихъ его вопросахъ. Осматривалъ онъ съ любовью наше оружіе, разсказывая, что Турки не позволяли имъ носить его, а что теперь можно, но, къ сожалѣнію у него нѣтъ никакого. У корнета Лёвстрема были двѣ сабли, и онъ одну подарилъ Болгарину, который пришелъ въ неописанный восторгъ, цѣловалъ насъ, цѣловалъ саблю и успокоившись просилъ дать ему записку, что сабля ему эта подарена, чтобы никто не могъ отобрать ее у него. Конечно записка была выдана за нашей подписью. Вполнѣ счастливый Болгаринъ, опоясавшись саблей, съ запиской въ рукѣ побѣжалъ домой, сказавъ, что вечеромъ зайдетъ за нами и куда-то насъ поведетъ.

Пообѣдавъ, мы легли отдохнуть и не успѣли проснуться, какъ братушка былъ у насъ: онъ пришелъ пригласить насъ къ себѣ. Мы, конечно, съ удовольствіемъ приняли приглашеніе, и втроемъ пошли уже по темнымъ улицамъ Панюгирища, вслѣдъ за братушкой, все время оживленно болтавшаго и махавшаго руками. Подойдя къ одному изъ домовъ онъ постучалъ условнымъ стукомъ. За дверью послышались шаги и окликъ; нашъ братушка отвѣтилъ, и дверь отворилась. «Это мой домъ, сказалъ онъ, пропуская насъ; я пустилъ сюда пріятеля жить; онъ бѣжалъ отъ Турокъ». Дверь сейчасъ же за нами затворилась, и мы очутились въ неосвѣщенной комнатѣ. Когда мы поздоровались въ потьмахъ съ обитателями дома, насъ провели дальше въ маленькую безъ оконъ комнату. Въ ея углубленіи вдоль стѣны находилось возвышеніе, покрытое коврами съ подушками, куда насъ и посадили; а братушки, усѣвшись, кто гдѣ попало, начали свои обычные разспросы, живо интересуясь какъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, такъ и будущей судьбой своей. Мы, по возможности, удовлетворяли ихъ любопытству. Подали маленькій, кругленькій на невысокой же круглой ножкѣ столъ, на столѣ приборы и какое-то блюдо съ кушаньемъ, что-то въ родѣ пилава, но очень вкусное. Появилось вино красное и бѣлое; бѣлое особенно хвалили, и въ самомъ дѣлѣ оно было великолѣпное; мы его пили въ первый разъ. Братушки, взявъ стаканы съ виномъ, привѣтствовали насъ словами: «добре дошли и будь здравъ»; мы ихъ благодарили и въ свою очередь поздравляли съ освобожденіемъ.

Разговоръ оживился, и мы не видали, какъ около меня растворилась маленькая низенькая, до сихъ поръ незамѣченная нами дверь, откуда, какъ изъ подземелья, вылѣзла громадная фигура Болгарина съ веревками въ рукахъ. Всѣ смолкли, я невольно отшатнулся отъ

двери, не понимая что такое происходитъ и зачѣмъ явилась эта фигура. Вдругъ общій взрывъ радости охватилъ Болгаръ, и они кинулись обнимать пришедшаго. Послѣ первыхъ изліяній чувствъ, пришедшій поздоровался съ нами и, подсѣвъ къ столу, началъ разсказывать, показывая веревки, которыми онъ былъ связанъ, какъ попался онъ Туркамъ въ плѣнъ и какъ ухитрился отъ нихъ убѣжать. Со всѣхъ сторонъ посыпались ему похвалы и поздравленія съ освобожденіемъ. Вино полилось рѣкой, провозглашали тосты за Царя Александра и Царя Николая. Мы имъ объяснили, что у насъ Царь Александръ, а Царь Николай давно померъ, а есть Великій Князь Николай, братъ Царя, который командуетъ всѣми Русскими войсками. Долго еще мы вели оживленные разговоры на смѣшенномъ Русско-Болгарскомъ языкѣ, пили, поздравляя другъ друга съ разными разностями и уже поздно ночью, поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ за ихъ радушный пріемъ, отправились домой. Болгаринъ проводилъ насъ до дому и на прощанье сказалъ, что завтра Воскресенье, и онъ пойдетъ утромъ на охоту, а затѣмъ придетъ къ намъ.

Прекрасно выспавшись и напившись чаю, пошли мы гулять по городу и на мосту встрѣтили нашего вчерашняго пріятеля Болгарина, возвращавшагося съ охоты. Онъ просилъ насъ немного подождать, сказавъ, что сейчасъ догонитъ. Черезъ нѣсколько минутъ братушка вернулся и повелъ насъ по городу, разсказывая о всякихъ выдающихся предметахъ. Зашли мы въ церковь, сожженную Турками. Это довольно большое каменное зданіе, внутри котораго по срединѣ два ряда мраморныхъ колоннъ поддерживаютъ его верхъ, колонны были всѣ испорчены огнемъ. «Что это такъ потрескались колонны?» поинтересовались мы, «неужели отъ жару?» «Нѣтъ,» пояснилъ намъ братушка, «Турки зажгли церковь и когда замѣтили, что колонны остались цѣлы, то облили ихъ нефтью». Жаль было смотрѣть на эти исковерканныя колонны, всѣ потрескавшіяся и какъ-то расщепленныя, съ отвалившимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кусками. Не менѣе печаленъ былъ видъ и всего храма безъ оконъ и дверей, съ обгорѣлыми стѣнами и грудами обгорѣлаго мусора на полу. Все деревянное было уничтожено пламенемъ, а все каменное закопчено.

Болгаринъ намъ разсказалъ, что Панигюрище замѣчательно тѣмъ, что въ немъ было первое возстаніе въ Болгаріи, за что Турки и наказали ихъ пожаромъ и убійствами.

Разсказывалъ онъ также намъ, гуляя съ нами по широкимъ улицамъ города, какъ маленькій Русскій отрядъ отбивался тутъ отъ Турокъ. Услышавъ звуки музыки, мы пошли на нихъ и увидали на пло-

щади танцы; намъ объяснили, что это всегда бываетъ по праздникамъ и Воскресеньямъ.

На другой день, распростившись съ радушной хозяйкой и услужливымъ ея родственникомъ-братушкой, выѣхали мы дальше на деревню Петричево, которая оказалась выжжена Турками; это была не рѣдкость, такія выжженныя деревни попадались на каждомъ шагу. Мы выѣхали на шоссе, извивавшееся въ горахъ поросшихъ лѣсомъ. Кое-гдѣ въ горахъ лежалъ снѣгъ, а мѣстами скаты обледенѣли отъ таявшаго снѣга, схваченные морозомъ. Не смотря на то, что въ Панигюрищѣ мы гуляли по лѣтнему въ однихъ мундирахъ, теперь было довольно свѣжо, а подчасъ просто холодно.

Въ одномъ мѣстѣ довольно крутой и заледенѣлый подъемъ чуть было не заставилъ насъ вернуться. Верхомъ не было возможности въѣхать, а потому мы рѣшили сойти съ лошадей и ползкомъ взбираться наверхъ до площадки, надѣясь, что лошади отъ насъ не отстанутъ. Такъ и случилось: онѣ также кое-какъ вскарабкались вслѣдъ за нами.

Еще засвѣтло мы доѣхали до Татаръ-Базарджика, также выжженнаго Турками, гдѣ успѣлъ уже пріютиться маркитантъ и открылъ трактирчикъ.

Здѣсь, какъ и въ Панигюрищѣ, было устроено управленіе, куда и обратились мы за разрѣшеніемъ квартирнаго вопроса. Власти города дали намъ Болгарскаго жандарма для отвода квартиры. За поясомъ у него торчали пара пистолетовъ и ятаганъ. Онъ насъ подвелъ къ какимъ-то запертымъ воротамъ и когда хозяева узнали, что намъ нужна квартира, то наотрѣзъ отказали и подняли страшный гвалтъ; жандармъ тоже кричалъ и, сказавъ, что на нихъ нечего смотрѣть, отперъ ворота и вошелъ. За нимъ и мы вошли при общемъ крикѣ какихъ-то растрепанныхъ бабъ и грязныхъ ребятишекъ, тоже участвовавшихъ въ общемъ гамѣ своею визготнею. Пройдя дальше въ домъ, мы попали въ неописанную грязь и вонь, такъ что сразу выскочили назадъ; оказалось, что мы попали къ Жидамъ. Плюнувъ на всю эту грязь и выругавъ приличнымъ случаю словомъ всѣхъ, мы ушли.

Когда мы проѣхали немного по указанію жандарма, котораго мы просили къ Жидамъ насъ больше не водить, намъ попался на улицѣ молодой Болгаринъ, одѣтый въ статскій костюмъ и, узнавъ, что мы ищемъ квартиру, пригласилъ насъ къ себѣ, гдѣ мы и расположились довольно удобно. Чтобы чѣмъ-нибудь отблагодарить за его радушіе, мы пригласили его съ собой въ трактиръ обѣдать, гдѣ въ разговорѣ

узнали, что онъ получилъ образованіе въ Парижѣ, говорилъ на нѣскольких иностранныхъ языкахъ и собирался играть видную роль въ будущемъ правительствѣ княжества, обѣщаясь сильно насолить Туркамъ за какія-то гадости, которыя они ему лично сдѣлали. Въ настоящее же время, одержимый массою фантазій относительно будущаго, рисовавшаго ему, можетъ быть, портфель министра, онъ состоялъ въ полиціи и собирался кого-то изъ Жидовъ или Грековъ вѣшать. Вообще онъ, будучи довольно образованнымъ, выказывалъ серіозный и крутой нравъ; можетъ быть, это и былъ будущій Стамбуловъ.

Въ Татаръ-Базарджикѣ мы дневали и осматривали городъ, представлявшій полное разрушеніе. Повсюду виднѣлись груды обгорѣлыхъ бревенъ, кучи мусора, да кое-гдѣ торчали закоптѣлыя трубы и каменныя полуразрушенныя стѣнки.

II. Филиппополь.

На слѣдующій день мы выѣхали въ Филиппополь. Погода стояла теплая. Оставя позади Балканскія выси, съ лежавшимъ еще на вершинахъ снѣгомъ, мы шли теперь долиной рѣки Марицы, чистыя и быстрыя воды которой уже освободились отъ ледяного покрова. Вдали разстилался живописно расположенный Филиппополь. Почти годъ, какъ мы не видали большихъ городовъ, а потому съ любопытствомъ приближались къ нему. Въѣхавъ въ городъ, мы сразу очутились въ массѣ разнаго люда, наполнявшаго улицы и занятаго каждый своимъ дѣломъ; военныхъ людей было мало, сравнительно съ вольными (это солдаты такъ называли невоенныхъ). Тутъ попадались всякія народности: Болгары, Турки, Греки, Жиды, а также и другія національности. Здѣсь были консульства, оставшіяся на своихъ мѣстахъ. Кое-какъ отыскали мы полицію и просили отвести намъ квартиру; сейчасъ же снарядили съ нами жандарма, и опять мы съ нимъ попали къ Жидамъ.

Гвалтъ поднялся, какъ и въ Татаръ-Базарджикѣ, но при этомъ тѣже вонь и грязь невообразимыя. Видя, въ чемъ дѣло, мы успокоили жандарма, который уже начиналъ ругать Жидовъ, разгоняя ихъ по ихъ вонючимъ угламъ плетью, сказавъ, что у Жидовъ останавливаться мы не хотимъ. Блюститель порядка успокоился и повелъ насъ дальше. Долго мы ходили по улицамъ, разыскивая квартиру. Наконецъ хожденіе это надоѣло и, встрѣтивъ Болгарскаго священника, я объяснилъ ему, что ищемъ квартиру и не поможетъ ли онъ намъ указать какую-нибудь, гдѣ бы намъ остановиться на одинъ день. Немного подумавъ и узнавъ, что насъ только двое, онъ пригласилъ насъ къ себѣ. Небольшой домикъ священника стоялъ на скалѣ, возвышающейся надъ

остальной частью города, такъ что съ крыльца открывалась прелестная панорама на городъ и окрестности, съ синѣвшимися вдали горами и извивавшейся по долинѣ голубой лентой Марицы. Домикъ состоялъ изъ прихожей, возлѣ которой была крошечная кухонька (полъ и печи въ ней были высѣчены въ скалѣ) и еще одной большой комнаты, гдѣ помѣщалась вся семья священника. Около домика находились кое-какія хозяйственныя постройки. Къ домику вела узкая извивавшаяся по склону горы лѣстница, ступеньки которой высѣчены были также въ скалѣ.

Семья священника состояла изъ жены, маленькой дочки и служанки.

Когда мы обмѣнялись привѣтствіями съ обитателями маленькаго домика и усѣлись на низенькіе диваны, тянувшіеся вдоль стѣнъ комнаты, начались обычные разспросы. Маленькая дочка священника принесла на подносѣ два стаканчика воды и графинчикъ. Священникъ налилъ въ воду чего-то изъ графина, и въ стаканѣ получилась жидкость молочнаго цвѣта. Дочка подала намъ, а священникъ предлагалъ выпить Мы выпили, пожелавъ здоровья хозяину. Оказалось, это была гвоздичная водка, чрезвычайно пахучая и довольно пріятная, которую Болгары пьютъ съ водой. Замѣтивъ наше удивленіе, что водку мѣшаютъ съ водой, священникъ предложилъ намъ чистой водки. Мы выпили и нашли, что она безъ воды гораздо лучше.

Не желая обременять священника расходами, мы послали денщика закупить провизію къ обѣду; но какъ только священникъ узналъ объ этомъ, онъ отобралъ деньги и принесъ намъ, говоря, что мы его гости и что это его дѣло заботиться о нашемъ питаніи и если пошлемъ купить провизію, то обидимъ его. Какъ мы ни старались убѣдить священника, чтобы онъ не принималъ на себя расхода на нашу кормёжку, что намъ достаточно его радушнаго пріема, но священникъ не соглашался и стоялъ на своемъ. Пришлось, поблагодаривъ его, согласиться. Вскорѣ, какъ всегда и вездѣ, узнавъ о нашемъ прибытіи, пришли знакомые и родственники священника.

Посыпались все тѣже вопросы о войнѣ, о будущемъ Болгаріи и т. п. Мы разсказывали все что̀ знали. Но кромѣ обычныхъ вопросовъ, явился вопросъ, который до сихъ поръ намъ не приходилось слышать ни разу: Болгаръ встревожилъ слухъ, будто бы Русскіе хотятъ всѣхъ Болгаръ увести къ себѣ въ Россію. Мы удивились такому вопросу и слуху и поспѣшили увѣрить ихъ, что ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ, что у насъ и безъ Болгаръ, слава Богу, народу много, что цѣль войны—это только освобожденіе Болгаріи, которая, выйдя изъ подъ власти Турокъ, сдѣлается самостоятельнымъ княжествомъ, будетъ уп-

равлять ею свой князь, будетъ свое войско, однимъ словомъ, будетъ новое государство, наравнѣ съ другими.

Въ свою очередь мы спросили, откуда у нихъ такіе нелѣпые слухи. Священникъ намъ разъяснилъ, что слухи эти распускаетъ Греческое духовенство по наущенію Турокъ и по ненависти къ намъ. Греки вообще не любятъ Русскихъ и стараются всѣми способами возстановить противъ насъ Болгаръ, которые, конечно, не желаютъ покидать своей родины. Въ концѣ концовъ доводы наши успокоили и разубѣдили Болгаръ, и пренія наши закончились.

Въ комнату внесли кругленькій низенькій Болгарскій столикъ, поставивъ его на полу, устланномъ цыновками, кругомъ разложили подушки. Священникъ пригласилъ насъ къ столу. Маленькая дочка его прочла «Отче Нашъ»; мы всѣ выслушали стоя молитву и, перекрестившись, сѣли кругомъ стола на подушки обѣдать. Перемѣнъ было мало, но поѣли сытно. Послѣ обѣда подали въ маленькихъ чашечкахъ кофе. Этотъ напитокъ совсѣмъ не то, что мы привыкли пить у насъ. Турецкій кофе приготовляется иначе. Его мелятъ, передъ тѣмъ, какъ варить, въ круглой небольшой мѣдной мельницѣ, затѣмъ высыпаютъ въ небольшую мѣдную луженую кострюльку съ длинной ручкой, варятъ на угольяхъ, прибавляя по вкусу сахару, а если кто хочетъ, то и сливокъ (но это уже отступленіе, а настоящій Турецкій кофе черный). Когда кофе вскипитъ, то его вмѣстѣ съ гущей выливаютъ въ маленькія фарфоровыя чашечки, безъ ручекъ, но съ серебряными подставочками, изящной филиграиной работы, въ видѣ тѣхъ рюмочекъ, какія у насъ употребляютъ для яицъ. Кофе этотъ очень крѣпкій и вкусный; его пріятно, покуривая трубочку, прихлебывать маленькими глотками, пока покажется осѣвшая на дно гуща, которую конечно оставляютъ. Послѣ обѣда разговоры возобновились и продолжались до вечера. Наконецъ наступило время спать, начали стлать постели. Родственники не уходили. Мы, видя, что тѣсно и безъ насъ, заявили, что пойдемъ спать въ кухню; но священникъ воспротивился и сказалъ, что мѣста всѣмъ хватитъ. Весь полъ устлали различными цыновками, коврами, матрасиками и всякой всячиной. Набралось, должно быть, насъ человѣкъ восемь, всѣ мы размѣстились на полу въ разныхъ углахъ комнаты. Мы съ корн. Лёвстремомъ легли у двери въ кухню и мирно уснули. Вдругъ среди ночи будитъ меня шопотъ, прислушиваюсь и слышу: «огонь! огонь! Турцы! има тука Турцы», говорилъ священникъ. Огонь—значитъ пожаръ. Ну, думаю, будетъ исторія, какъ Турки подожгутъ городъ. Окна были завѣшаны, и я не могъ видѣть зарева. Предполагая, что это такъ себѣ, разговариваютъ проснувшіеся, я успокоился и началъ дремать, но вижу,

что священникъ и родственники его, наскоро одѣвшись, вышли на улицу. Нѣтъ, думаю, что-то неладно, и разбудилъ корн. Лёвстрема. «Пожаръ, кажется!» говорю ему, «говорятъ, что Турки тутъ остались; надо посмотрѣть, въ чемъ дѣло». Пока мы собирались, послышались выстрѣлы. Это насъ удивило, и мы предположили, что не бунтъ ли это устроили Греки съ укрывавшимися баши-бузуками. «Вотъ такъ попали въ передрягу!» говоримъ.

Выйдя на крыльцо, гдѣ уже стоялъ священникъ и его родственники, мы увидѣли зарево, а внизу по улицѣ бѣгали огоньки: это жители съ фонарями выбѣжали изъ домовъ на крикъ «огонь» и на выстрѣлы. Выстрѣлы продолжались, просвистѣла пуля, другая; спрашиваемъ, «что значатъ эти выстрѣлы», но получаемъ все тотъ же отвѣтъ: «огонь, братушка, огонь». Ну думаемъ, огонь, такъ огонь; будемъ ждать, что будетъ дальше, тѣмъ болѣе, что люди наши, стоявшіе подъ горой въ улицѣ, не приходили къ намъ, слѣдовательно у нихъ было все благополучно. Болгары внимательно ко всему прислушивались и приглядывались. Стрѣльба участилась, пули стали чаще посвистывать и рикошировали по скалѣ и крышамъ. Мы опять приставали къ священнику, чтобы онъ намъ объяснилъ, что все это значитъ и почему пули-то летаютъ, бунтъ это или что другое. Наконецъ удалось намъ вывести его изъ наблюдательнаго состоянія, и онъ началъ объяснять, что это пожаръ и что, по его предположенію, поджигаютъ оставшіеся Турки, стрѣляютъ же потому, что такъ принято у нихъ возвѣщать о пожарѣ. «Зачѣмъ же пулями-то стрѣляютъ?» добивались мы. А потому, что война, и оружіе у всѣхъ заряжено». «Да вѣдь такъ, кого нибудь можно подстрѣлить», говоримъ мы. «Могутъ и убить!» пожимая плечами, соглашался съ нами священникъ: «война!» Мы конечно вполнѣ удовлетворились этимъ объясненіемъ; но обычай возвѣщать о пожарѣ въ многолюдномъ городѣ стрѣльбой, да еще пулями, показался намъ очень страннымъ.

Остатокъ ночи прошелъ спокойно, и утромъ мы пошли осматривать городъ.

Филиппополь—большой, но довольно грязный городъ, съ массой узкихъ и кривыхъ улицъ, переулковъ и закоулковъ. Есть большіе каменные дома, но большею частью дома деревянные. Одни фасадомъ на улицу, другіе скрыты въ глубинѣ дворовъ. Ѣзды въ это время по улицамъ замѣчалось мало; мѣстные жители больше появлялись пѣшіе, иногда же на ослахъ верхомъ, или въ каруцахъ (телѣгахъ), запряженныхъ парой сѣрыхъ огромныхъ буйволовъ, и рѣдко верхомъ на коняхъ.

Немало попадалось и нашихъ обозныхъ телѣгъ, запряженныхъ конечно лошадьми съ фуражиромъ на козлахъ, съ интенданскимъ чиповникомъ или какой либо кладью внутри. Толпа, среди которой сновали наши солдатики и офицеры, всѣхъ родовъ оружія, по костюмамъ, физіономіямъ и народностямъ, была самая разношерстная. Тутъ суетились торгаши съ товарами на головахъ, привлекая крикомъ на разные лады покупателей; Греки и Болгары въ національныхъ костюмахъ, первые въ красныхъ фескахъ съ синими кисточками, а вторые въ барашковыхъ шапкахъ, наши же въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Тутъ же, въ этой пестрой толпѣ, выступали очень важно Греческіе попы въ черныхъ люстриновыхъ рясахъ, въ высокихъ люстриновыхъ же шапкахъ на головѣ, въ родѣ нашей камилавки, но съ небольшимъ карнизикомъ на верху, съ синей бархатной макушкой въ сборкахъ и пуговкой па срединѣ. Противуположность имъ представляли Болгарскіе попы, одѣтые въ такія же рясы и почти въ такихъ же шапкахъ, только съ гладкимъ люстриновымъ же верхомъ, и видъ ихъ былъ не гордый, а какой-то приниженно загнанный.

Все это пѣшее и конное двигалось посреди улицъ, не обращая никакого вниманія на узкіе изрытые тротуары, окаймляющіе дома. Масса лавокъ самыхъ первобытныхъ виднѣлась по улицамъ. Въ городѣ есть крытый пассажъ, внутри котораго справа и слѣва тянутся разгороженныя между собой, чѣмъ попало, маленькія коморки-лавки, съ прилавками, на которыхъ сидѣли, поджавши подъ себя ноги, продавцы, перекликиваясь со своими сосѣдями и торгуясь въ тоже время съ покупателями. Шумъ и гамъ наполняли зданіе. Хорошихъ товаровъ не было: ситецъ, шитыя полотенца, платки, серебряныя подвѣски, обувь и вообще всякая мелочь, всякій сбродъ. Тутъ же на жаровенкѣ поджаривалась рыба или что-то другое, отчего распространялась повсюду невообразимая вонь гарью. Всѣ эти товары вечеромъ собираются купцами и уносятся домой, а утромъ снова приносятся и раскладываются. Попадались и спеціальные магазины, но только ѣды и часовъ. Съѣстныя лавки очень непривлекательны: тутъ же на улицѣ на прилавкѣ стоитъ маленькая жаровня съ раскаленными угольями, па ней лежитъ рѣшетка, а на рѣшеткѣ лежитъ рыба, поджариваемая снизу жаромъ углей. Тутъ же на веревкахъ болтаются сушеная баранина, рыба, красный перецъ. Все это покрыто пылью и распространяетъ ѣдкій запахъ.

Войдя въ часовой магазинъ, мы очутились въ маленькой комнаткѣ, даже можно сказать въ чуланѣ. На лавкѣ сидитъ, поджавши ноги, часовой мастеръ, ковыряя какіе-то часы; рядомъ съ нимъ мѣшокъ, въ которомъ заключается весь его магазинъ, частью разложенный на при-

лавкѣ, для приманки прохожихъ. Вывѣсокъ, какъ у насъ, нѣтъ. Я купилъ часы съ Турецкими цифрами, но вскорѣ пришлось отдать ихъ чинить, и на другой день мастеръ мнѣ ихъ возвратилъ, сказавъ съ серьезнымъ лицомъ: «Хубово направилъ, братушка, хубова», т.-е. хорошо починилъ; но все-таки они скоро опять стали и съ тѣхъ поръ не двигались. Вообще, все это отчасти напоминало намъ деревенскій базаръ или Петербургскій Апраксинъ дворъ и толкучку; но у насъ въ Апраксиномъ можно достать очень цѣнныя вещи, а тутъ ихъ не видать; конечно, этому, можетъ быть, была причина и война.

Солдатики наши изъ Евреевъ и тутъ не упускали случая устроить какой-нибудь хандель, скупая и перепродавая всякую дрянь. Въ городѣ есть мечеть, выдѣляющаяся своими стройными минаретами, и церкви, но колоколовъ на нихъ нѣтъ: Турки не позволяютъ, потому, какъ мнѣ сказали, что благовѣстъ будто бы безпокоитъ ихъ. Бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ нашего Краснаго Креста, и Турецкій бѣлый флагъ надъ Турецкимъ лазаретомъ съ Красною Луной, мирно развѣвались надъ городомъ. Каждый лазаретъ лѣчилъ своихъ.

Отъ Филиппополя начиналась единственная въ наше время желѣзная дорога, чрезъ Адріанополь и Санъ-Стефано въ Константинополь, станція которой расположена далеко за городомъ.

Бродя по улицамъ, подошли мы къ каменному дому, предъ которымъ на площади стояли въ рядъ пожарныя трубы и другія принадлежности. Намъ объяснили, что это домъ городскаго управленія и пожарная команда. Немного спустя, мы видѣли эту пожарную команду, скакавшую на пожаръ.

Идя посреди улицы въ толпѣ, осматривая все, что̀ попадалось на глаза, мы вдругъ услыхали сзади неистовый крикъ, покрывшій уличный гамъ толпы. Обертываемся и видимъ какого-то сумасшедшаго, съ выпученными глазами, съ бревномъ на плечѣ, бѣгущаго что̀ есть мочи по улицѣ, расталкивая и сбивая съ ногъ прохожихъ, невольно кидавшихся опрометью въ разныя стороны. Невольно и мы отшатнулись и удивленно ждали, что̀ будетъ дальше: станетъ ли онъ гвоздить кого-нибудь этимъ бревномъ, или его схватятъ; но сейчасъ же все выяснилось: это былъ не сумасшедшій, за котораго мы его приняли, а передовой пожарный, который у насъ обыкновенно скачетъ верхомъ впереди части.

Вслѣдъ за ѣздовымъ бѣжали четыре здоровенныхъ человѣка, неся на плечахъ огромную пожарную трубу, которую мы только-что видѣли

у присутственнаго мѣста. Сзади бѣжало еще нѣсколько человѣкъ съ какими-то пожарными принадлежностями, а за ними бѣжали всѣ любители пожаровъ, изображая собой вольную дружину. Все это кричало, толкалось и едва ли много пользы приносило дѣлу. Мы отъ души посмѣялись надъ своей ошибкою и подобнымъ выѣздомъ пожарной команды.

Въ толпѣ мы наткнулись на казака сотника Закрѣпы. «Гдѣ сотникъ?» спрашиваемъ. Казакъ насъ довелъ до сотника, который помѣстился въ свѣтлой и чистой комнатѣ. Бартенева уже не было: онъ ушелъ догонять полкъ. Сотникъ Закрѣпа пригласилъ меня къ себѣ куда я и перебрался, поблагодаривъ священника за гостепріимство.

III. По шоссе къ Адріанополю.

Проживъ нѣсколько дней, мы рѣшили ѣхать дальше. Купили боченокъ вина, наварили и нажарили мяса и птицы, взяли большихъ луковицъ и выѣхали съ сотникомъ Закрѣпой въ телѣжкѣ, запряженной тройкою въ дышло, съ казакомъ за кучера на козлахъ; а корнетъ Лёвстремъ съ вьюками и денщикомъ поѣхалъ верхомъ. Улицы Филиппополя хотя и мощеныя, но такъ скверно и съ такими выбойнями, что телѣжка наша, какъ мячикъ, прыгала по камнямъ. Николай Мироновичъ только кряхтѣлъ: онъ былъ не совсѣмъ здоровъ. Эта тряска только прекратилась тогда, когда мы выѣхали за заставу, на шоссе къ Адріанополю. Сейчасъ же за заставой раскидывалось большое Турецкое кладбище, усѣянное очень разнообразными каменными памятниками, торчавшими вкось и вкривь среди зеленѣвшихся кустовъ и стройныхъ пирамидальныхъ тополей. Нѣкоторыя плиты были обтесаны, другія торчали въ видѣ обломковъ, нѣкоторыя лежали плашмя на могилахъ, но большинство ихъ стояло стоймя. Одни были отдѣланы въ видѣ столбиковъ разной величины, съ рѣзьбой; другія, также столбики, были увѣнчаны высѣченной изъ того же камня чалмою; это означало, вѣроятно, болѣе важныхъ покойниковъ. На многихъ памятникахъ пестрѣли очень красивыя Турецкія надписи. За кладбищемъ намъ представилась не очень живописная картина: лежало рядомъ пять дохлыхъ буйволовъ. Дальше валялась еще какая-то падаль; но зловонія не было, потому что она быстро засыхала на солнцѣ. По правую сторону шоссе тянулся рядъ телеграфныхъ столбовъ, очень оригинальныхъ: вмѣсто одного столба, какъ у насъ, Турки ставили два столба наклонно, соединяя ихъ верхушками вмѣстѣ и перекладинами въ серединѣ, въ видѣ лѣстницы. Наверху каждаго столба прикрѣплялись проволоки.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, мы увидѣли станцію желѣзной дороги и нѣсколько вагоновъ. Поѣзда еще не ходили, подвижной составъ

былъ еще не въ порядкѣ, да и путь былъ испорченъ. Наши инженеры и желѣзнодорожныя команды хлопотали о приведеніи всего этого въ должный видъ.

Шоссе тоже было испорчено во многихъ мѣстахъ: перекопано, мосты уничтожены, и мѣстами, съ виду очень ровное шоссе, представляло въ сущности невылазное болото, благодаря какимъ-то ямамъ, затопленнымъ вровень съ краями жидкой грязью, происхожденіе которыхъ никто не могъ объяснить. (Подозрѣвали работу Турокъ, желавшихъ какъ-нибудь задержать наше нашествіе). Обозамъ и всѣмъ слѣдовавшимъ по шоссе приходилось обходить такія мѣста, что замедляло нѣсколько движеніе. Мы, не замѣтивъ такой ловушки, ухнули въ одну изъ нихъ, всадивъ лошадей по брюхо въ наполнявшую ее жижу. Тележка наша колыхалась какъ на волнахъ, и намъ пришлось прыгать назадъ на твердую землю, а всю упряжку вытаскивать съ помощью попутныхъ солдатъ. Надъ всѣми этими препятствіями копались наши саперы, заваливая фашинами ямы и топи и строя мосты. Все шоссе было покрыто цѣлою вереницей тянувшихся къ Адріанополю обозовъ, полками и отдѣльными людьми; намъ приходилось все это обгонять стороной.

Вся дорога по бокамъ положительно была усѣяна трупами людей, буйволовъ, лошадей, изломанными телѣгами и разбросаннымъ скарбомъ. Картина эта очень непріятно дѣйствовала на насъ въ началѣ, но такъ какъ она тянулась вплоть до Адріанополя, то мы подъ конецъ привыкли и отъ нечего дѣлать разсматривали изъ брички трупы, дѣлая свои предположенія, при какихъ условіяхъ застигла смерть свои жертвы.

Мѣстами попадались цѣлыя группы телѣгъ, а около нихъ валялись люди во всевозможныхъ положеніяхъ, всякаго возраста и пола. Такія мѣста мы называли оазисами смерти, и эти оазисы были Турецкіе и Болгарскіе, смотря чьи трупы валялись. Въ нѣкоторыхъ телѣгахъ буйволы такъ и издохли запряженными. Трупы валялись даже на дорогѣ, нѣкоторые были растоптаны и перемѣшаны съ грязью. Это были Турецкіе и Болгарскіе обозы, которые уходили съ Турецкими войсками, преслѣдуемые и уничтожаемые нашей кавалеріей. Болгарскихъ же оазисовъ надѣлали Турки, угонявшіе съ собой Болгаръ, чтобы показать этимъ свое недовольство нашимъ заступничествомъ: мы должны были думать, что Болгары бѣгутъ отъ насъ вмѣстѣ съ Турками; но, въ виду насѣдавшей нашей конницы, Турки, чтобы хоть чѣмънибудь отомстить намъ, избивали безъ жалости Болгаръ цѣлыми семействами.

Много такихъ невеселыхъ картинъ насмотрѣлись мы на протяженіи этого шоссе. Сидитъ, напримѣръ, Турокъ, уже сѣдой, около телеграфнаго столба, да такъ и умеръ, обнявъ его. Солдатики, работавшіе тутъ, разсказывали, что ему предлагали хлѣба, но онъ не бралъ и воды тоже не бралъ, а такъ съ голоду и померъ; вѣроятно, не хотѣлъ осквернить себя, принявъ пищу отъ гяура.

Еще такого старика мы нашли въ почти разваленной хатѣ; повидимому, это была прежде корчма, куда мы заѣхали отдохнуть, у огонька очага, разведеннаго нашими блуждавшими повсюду отсталыми солдатами. Вошли въ хату; у печки сидятъ нѣсколько нашихъ солдатиковъ, что-то варятъ. Сказавъ имъ продолжать свое дѣло и не обращать на насъ вниманія, подсѣли мы къ огню варить чай. Слышимъ кто-то стонетъ. «Кто это стонетъ?» спрашиваемъ. «Тутъ старая Турка съ мальчикомъ лежитъ, ваше высокоблагородіе», отвѣтилъ кто-то. Мы подошли къ углу, откуда слышались стоны; видимъ лежитъ сѣдой, исхудалый и, повидимому, больной Турокъ, за которымъ ухаживаетъ мальчикъ. Поговорить съ нимъ мы не могли, не зная Турецкаго языка, а потому и не могли узнать, что̀ съ нимъ и чѣмъ бы ему помочь. Напоили его чаемъ, дали немного денегъ и сказали солдатикамъ, которые тутъ оставались, чтобы они его не обижали и кормили бы. Конечно, мы это сказали, чтобы сказать что-нибудь, зная хорошо, что нашъ солдатъ и безъ того не обидитъ такого несчастнаго, а послѣднимъ да подѣлится съ нимъ. Хотя наши солдаты и увѣряли, что у Турки души нѣтъ, а что у него паръ, и считали его нехристемъ и басурманомъ, но безъ причины никогда не затрогивали и не обижали.

«Ишь, вѣдь тоже пьетъ!» удивлялись иногда они, глядя съ участіемъ на Турку, жадно пившаго на какомъ-нибудь переходѣ въ жару. Они относились съ какимъ-то своеобразнымъ состраданіемъ къ плѣннымъ, точно это были не люди имъ подобные, а такъ какія-то недодѣланныя жалкія существа. «Лопочатъ, а не разберешь что!» разсуждали они между собой, конвоируя ихъ.

Иногда солдатъ дастъ хлѣба Туркѣ и смотритъ, какъ онъ съ голодухи уплетаетъ его, и опять-таки удивляется и сожалѣетъ, что у нихъ нѣтъ чернаго хлѣба, а ѣдятъ они рисъ или галеты, что̀ нашимъ было не по вкусу.

Напившись чаю и покормивъ лошадей, мы тронулись дальше въ путь. Опять потянулись тѣже картины смерти и разрушенія. Въ одномъ мѣстѣ, какъ сейчасъ помню, влѣво отъ дороги, возвышались какіе-то холмы, и по нимъ валялось человѣкъ десять Болгаръ въ самыхъ разно-

образныхъ положеніяхъ. Вѣроятно они бѣжали отъ Турокъ, а тѣ ихъ перестрѣляли какъ воробьевъ.

Среди всѣхъ этихъ труповъ и обломковъ бродили наши отсталые солдаты, въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ, подбирая, что попадалось получше. Одинъ гулялъ въ клѣтчатыхъ штанахъ въ родѣ Шотландца; другіе въ Турецкихъ шинеляхъ, башмакахъ и фескахъ. Всѣ эти костюмы, конечно являлись вслѣдствіе того, что свое износилось, а Турецкое попалось покрѣпче.

Деревни по дорогѣ въ большинствѣ были пусты, въ особенности Турецкія.

Мы останавливались для ночлега въ пустыхъ домахъ и у Болгаръ. Всюду виднѣлось разореніе. Пожитки цѣнные прятались въ кадкахъ, зарытыхъ въ землю, которыя иногда нечаянно находились нашими; ячмень также зарывался въ землю. Какъ Турки отъ насъ, такъ и Болгары отъ нихъ все прятали. Въ одной деревнѣ, гдѣ мы остановились на ночь у Болгарина въ домѣ, я спросилъ: «нѣтъ ли курицы или утки, или чего-нибудь такого? «Хичь *) нема, братушка, хичь нема», щелкнувъ ногтемъ о зубы, сказалъ Болгаринъ, «сичко земе Турцы». Но уже не говорили, какъ раньше: «айда на Балканъ» теперь говорили они: «айда на Стамбулъ».

Въ то время какъ Болгаринъ разсказывалъ мнѣ всю эту околесину, подъ кадушкой, тутъ же стоявшей, закричала курица. Болгаринъ смутился; но я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ происшедшаго и, еле сдерживая смѣхъ, далъ ему денегъ, сказавъ, чтобы онъ поискалъ на деревнѣ и купилъ бы мнѣ курицу, а самъ ушелъ въ избу и разсказалъ сотнику Закрѣпѣ штуку съ курицей. Черезъ нѣсколько времени Болгаринъ принесъ курицу, говоря, что насилу нашелъ.

Часто, не находя на шоссе селенія или удобнаго мѣста для дневнаго отдыха, мы двигались большею частью шагомъ и закусывали, сидя въ бричкѣ. «А что, Василій Васильевичъ, не закусить ли намъ?» говорилъ Закрѣпа. «Можно, Николай Мироновичъ», отвѣчалъ я. «Или, наоборотъ, я спрашивалъ, если хотѣлъ ѣсть раньше, и одобреніе получалось немедленно. «Достань-ка, Кузьма, поѣсть!» говорили мы казаку. Тотъ лѣзъ подъ козлы, доставалъ переметныя сумы съ закуской и боченокъ вина. Все это раскладывалось на колѣняхъ на бурки, и мы, продолжая двигаться, попивали вино, закусывая ломтиками лука съ солью и перцемъ, бараниной, курочкой и вообще всѣмъ, чѣмъ богата

*) Хичь—ничего.

была наша кухня, подъ управленіемъ того же казака Кузьмы, который тоже уплеталъ за обѣ щеки.

Разговоры если и возбуждались, то больше о попадавшихся на глаза предметахъ. Немало занимали насъ наши помѣщики, поселившіеся въ деревняхъ близъ шоссе и вдали его. Дичи всякой всюду было много. Часто слышались выстрѣлы: это стрѣлялъ по гусямъ или почему другому нашъ солдатикъ-помѣщикъ, вышедшій поохотиться.

Иногда эти помѣщики попадались съ телѣгами, запряженными буйволами; значитъ, уже обзавелись хозяйствомъ, а Русскій человѣкъ быстро вообще обсѣдаетъ и пускаетъ корни. «Что ты тутъ дѣлаешь?», спросилъ я его. «Да вотъ, ваше высокоблагородіе, отсталъ отъ полка и не знаю, гдѣ онъ?»—«Ну и что же?»—«Пока тутъ у Болгаръ и проживаю».

Иные отговаривались нездоровьемъ.

Какъ видно, имъ было хорошо, и многіе, вѣроятно, такъ и остались тамъ на жительство.

Говорили мнѣ, что одного такого нашли, который остался еще отъ прошлаго похода 1828-го года. Онъ женился, обзавелся хозяйствомъ и теперь уже въ глубокой старости съ большой семьей доживаетъ свой вѣкъ. Обрадовался старикъ, увидавъ Русскихъ, много разспрашивалъ, и видимо хотѣлось ему побывать на родинѣ, да ужъ лѣта не позволяли.

На пути къ мѣстечку Мустафа-пашѣ, мѣстность представляла открытую равнину съ изрѣдка разбросанными кое-гдѣ группами деревьевъ. Эта мѣстность считалась опасной, подвергаясь почему-то набѣгамъ баши-бузуковъ, и намъ совѣтовали присоединиться къ шедшей къ Адріанополю батареѣ подъ конвоемъ сотни Донскихъ казаковъ. Намъ это показалось черезчуръ долгимъ, и мы, пройдя немного за батареей, пустились впередъ одни, въ надеждѣ на нашъ всесильный Русскій «авось» и благополучно достигли Мустафа-паши, конечно, тоже брошеннаго и на половину разрушеннаго. Вдоль всего шоссе, какъ и повсюду, разбросанные по дорогамъ Болгаріи и Турціи, намъ попадались и чрезвычайно нравились во всѣхъ отношеніяхъ колодцы-фонтаны. Они высокіе въ ростъ человѣка, сложенные изъ камня или мрамора, украшенные Турецкими письменами, имѣли видъ стѣнки съ углубленіемъ въ серединѣ. Въ нижней части продѣлано отверстіе и вставленъ желобокъ, изъ котораго бѣжитъ постоянно ключевая вода въ приставленную каменную же колоду.

Вода въ этихъ фонтанахъ всегда чистая и холодная, чтó неоцѣнимо въ жаркихъ странахъ. Шоссе, по которому мы двигались все время, тянулось невдалекѣ, то удаляясь, то приближаясь, къ рѣкѣ Марицѣ, довольно широкой, мѣстами поросшей камышомъ, несшей свои весеннія голубыя и быстрыя воды въ Эгейское море. Весна была въ полномъ разгарѣ, природа пробудилась. Всюду чувствовалась жизнь, зеленѣла трава, одѣвались деревья, и солнце припекало порядочно. Мы часто любовались то пролетомъ вереницы утокъ, то Греческимъ строемъ гусей, то закатомъ или восходомъ солнца. Какъ-то залюбовались мы чрезвычайно красивой картиной: переправлялся черезъ Марицу на зыбкомъ паромѣ Донской казакъ съ своимъ конемъ, освѣщенный лучами заходящаго солнца, отражавшагося въ рѣкѣ.

Нерѣдко, если мѣстечко намъ нравилось, разстеливъ бурки, мы дѣлали привалъ и отдыхали отъ длиннаго пути. Тутъ же на берегу Кузьма разводилъ костеръ и жарилъ шашлыки, которые мы запивали краснымъ винцомъ. Разъ какъ-то мы съѣхались съ Краснымъ Крестомъ, шедшимъ тоже въ Адріанополь; оказались тамъ знакомые, и немедленно было рѣшено сдѣлать привалъ. Лежа на травѣ, мы вспоминали прошедшее и рисовали будущее, а люди готовили завтракъ. Вдругъ слышимъ желѣзнодорожный свистокъ, вскакиваемъ и видимъ идетъ: поѣздъ. Давно уже мы не видали поѣзда отъ самой Румыніи. Что-то родное представилось намъ въ этомъ поѣздѣ, управляемомъ нашими солдатами желѣзнодорожнаго баталіона. Поѣздъ напомнилъ намъ Россію; мы подпрыгивая побѣжали къ нему, махали шапками и платками; съ поѣзда намъ отвѣчали, мы радовались какъ малыя дѣти. Это былъ первый поѣздъ, шедшій изъ Филиппополя въ Адріанополь. Вообще насъ радовало все, чтó мало-мальски напоминало Россію. Даже погонщикамъ, какъ они ни были жалки на видъ и на самомъ дѣлѣ со своими изнуренными лошадьми, и тѣмъ мы радовались, видя ихъ одѣтыхъ въ сермяги или поддевки.

Услышимъ, бывало, пѣсню заунывную Русскую; поетъ ее отдыхающій солдатикъ, прислушаешься, и такъ станетъ хорошо, пріятно и весело на душѣ, но въ тоже время и призадумаемся, что-то теперь дѣлается дома; скоро ли вернемся, или еще насъ ожидаетъ впереди такая же бурная жизнь; цѣлый рой подобныхъ мыслей зашевелится въ головѣ, далеко унося мечтателя отъ дѣйствительности.

Пришлютъ, бывало, кому-нибудь письмо изъ дому, это производитъ общее волненіе, его читаютъ чуть не въ слухъ, всѣ интересуются.

Радовались мы, хотя и завидовали въ тоже время тѣмъ, которые

по какимъ-нибудь казеннымъ дѣламъ ѣхали въ Россію домой. Всегда имъ давалось пропасть всякихъ порученій и словесныхъ, и письменныхъ, и конечно все это наполовину исполнялось.

Тотъ не пойметъ этого чувства, кто не былъ заброшенъ далеко отъ своей родины, въ непріятельскую землю, кончилъ боевую, полную всякихъ лишеній, жизнь, остался живъ и ждетъ не дождется, когда придетъ приказъ отправляться домой.

Наболтавшись вдоволь, мы простились съ Краснымъ Крестомъ въ надеждѣ встрѣтиться въ Константинополѣ и на отдохнувшихъ лошадяхъ тронулись впередъ, оставляя за собой обозы, двигавшіеся шагомъ.

Отъ Мустафы-паши оставалось недалеко до Адріанополя; путь ничѣмъ не отличался отъ пройденнаго.

Какъ и по всему пути отъ Филиппополя, такъ и здѣсь, шоссе проходитъ открытымъ мѣстомъ, равниной, отчасти холмистой, на которой мѣстами виднѣлись рощи и отдѣльныя группы деревьевъ.

IV. Адріанополь.

Всему бываетъ конецъ; такъ и теперь кончался нашъ путь: мы подъѣзжали къ Адріанополю, а по турецки «Эдерне», второй столицѣ Турецкой имперіи. Мы подъѣзжали къ редутамъ, окружавшимъ городъ, но не исполнившимъ своего назначенія, потому что Турки ихъ бросили, не защищая. За ними стоялъ рядъ орудій побольше сотни, отбитыхъ въ послѣднее время у Турокъ, а дальше открывался прелестный видъ самаго Адріанополя съ возвышавшимися надъ нимъ стройными, бѣлыми, уходившими чуть не въ самыя небеса, минаретами, увѣнчанными блиставшими при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца полумѣсяцами. Вскорѣ мы въѣхали въ предмѣстье Адріанополя, грязное и запруженное всевозможными обозами и артиллерійскими парками съ конвоировавшими ихъ казаками; повозки и артиллерійскіе ящики прыгали по камнямъ изрытой глубокими ямами булыжной мостовой. Изнуренныя лошади еле тащили ихъ, останавливаясь чуть не на каждомъ шагу. Гамъ погонщиковъ и шумъ колесъ и подковъ стоялъ невообразимый. Почти немыслимо было продраться сквозь это столпотвореніе; но нашъ Кузьма не унывалъ, то и дѣло покрикивая сторониться; онъ какъ вьюнъ скользилъ между повозками. «Эй, станишникъ! Посторонись-ка!» кричалъ онъ Донскому казаку, и тотъ кое-какъ тискался въ обозѣ, и мы проѣзжали. Казаки незнакомые между собой или разныхъ войскъ всегда называютъ другъ друга станишниками; «назвать иначе, обидится», объяснилъ мнѣ Кузьма. Такимъ образомъ, еще засвѣтло пробрались мы

сквозь скопище и въѣхали на высокій каменный мостъ съ каменными будками по бокамъ середины его. Тутъ уже проѣздъ былъ свободный. Въ одной изъ этихъ будокъ сидѣли два молодыхъ Кубанскихъ казака и обнявшись орали во все горло какую-то казачью пѣсню. «Что̀ вы горланите, черти!» крикнулъ имъ, поровнявшись, сотникъ Закрѣпа. «Что̀ вы въ станицѣ что ли у себя, дураки!» Казаки конечно вскочили, увидавъ своего офицера, и отдали ему подобающую честь. «Вотъ подите съ ними, и въ усъ себѣ не дуютъ, горланятъ какъ дома», обратился онъ, смѣясь, ко мнѣ. Не знаю ужъ, почему они его такъ раздосадовали

На мосту попались какіе-то люди, одѣтые въ обыкновенные Турецкіе костюмы, но въ необыкновенныхъ фескахъ, скомканныхъ и свѣшивавшихся шлыками на бокъ и безъ кисточекъ.

За мостомъ, налѣво, потянулось Мусульманское кладбище, а направо какіе-то развалины, миновавъ которыя, мы въѣхали въ городъ. Улицы, какъ и въ Филиппополѣ, были полны народа; но тутъ преобладалъ нашъ военный людъ: тутъ была главная квартира главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, стояли войска, много пріѣзжихъ и проѣзжихъ.

Выѣзжая на главную улицу, мы встрѣтили корнета Лёвстрема, пріѣхавшаго нѣсколько раньше насъ; онъ шелъ съ поручик. Степаномъ Ѳедоровичемъ Джунковскимъ. Я вылѣзъ изъ телѣжки, и мы обнялись съ Джунковскимъ, съ которымъ давно уже не видались. Онъ насъ пригласилъ остановиться у него. Простившись съ Закрѣпой и обѣщавшись на завтра свидѣться, мы втроемъ отправились на квартиру Джунковскаго. Но свидѣться съ Закрѣпой такъ и не пришлось, потому что въ Адріанополѣ оказалось еще больше закоулковъ и переулковъ, чѣмъ въ Филиппополѣ. Поручикъ Джунковскій занималъ въ домѣ какого-то зажиточнаго Грека чистую и просторную комнату съ атаманками вдоль стѣны и столомъ по срединѣ. Немедленно было подано красное винцо, и мы поздравили другъ друга со встрѣчей, съ тѣмъ, что до сихъ поръ живы и здоровы, и съ близкимъ возвращеніемъ домой. Долго мы бесѣдовали, передавая другъ другу все, что̀ произошло съ каждымъ изъ насъ за послѣднее время, пока усталость не взяла свое, и мы, разлегшись по атаманкамъ, заснули, какъ невинные младенцы. Черезъ день поручикъ Джунковскій уѣхалъ, и мы перебрались на другую квартиру, а немного спустя и корнетъ Лёвстремъ уѣхалъ въ полкъ. Я пошелъ бродить по городу, встрѣчая на каждомъ шагу знакомыхъ; съ нѣкоторыми приходилось увидѣться впервыя послѣ Петербурга.

Адріанополь представлялъ собой большой военный лагерь, улицы полны офицеровъ, всѣхъ родовъ оружій, съѣхавшихся по разнымъ об-

стоятельствамъ изъ различныхъ отрядовъ дѣйствующій арміи. Великій Князь жилъ въ «канакѣ»; это большое каменное зданіе, лучшее въ городѣ, стояло въ глубинѣ обширнаго двора на главной улицѣ города. Когда ожидался выѣздъ главнокомандующаго, масса народа и офицерства толпилась на дворѣ и на пути его слѣдованія. Часто Великій Князь останавливался, разговаривалъ и шутилъ съ окружающими. Я заходилъ въ «канакъ» къ своимъ товарищамъ, ординарцамъ Великаго Князя. Они жили въ прекрасной квартирѣ, отведенной въ канакѣ: лѣстница съ ковромъ, кровати съ чистымъ бѣльемъ, сами, какъ и вся остальная свита, чистенькіе, умытые, приглаженные, такъ что намъ, уже порядкомъ обносившимся, измазаннымъ, небритымъ и давно отвыкшимъ отъ всякихъ удобствъ, казалось сразу, что мы попали въ другой міръ. По поводу этихъ удобствъ нерѣдко мы подтрунивали и дразнили состоявшихъ при главной квартирѣ. Вся жизнь съѣхавшагося этого военнаго мірка сосредоточилась на улицахъ. Встрѣчавшіеся шли въ первую попавшуюся кофейню, чтобы за стаканомъ краснаго вина спокойно поболтать. Тутъ же заводились быстро новыя знакомства, и такимъ образомъ уличная жизнь процвѣтала. Всѣ кофейни были биткомъ набиты офицерами: сидятъ за столами, пьютъ, ѣдятъ, болтаютъ. Въ походѣ какъ-то забывается разность положеній и чиновъ: всѣ товарищи. Иногда не знаешь, какъ и звать и фамилію, а между тѣмъ пріятели и на ты. Гдѣ нибудь встрѣчались, и съ удовольствіемъ опять встрѣчаешься и прямо въ кабачокъ за стаканъ добраго вина, гдѣ разговоръ какъ-то легче и веселѣе идетъ; а тутъ еще кто-нибудь подсядетъ, и образуется такимъ порядкомъ компанія оживленная и веселая.

Чуть не въ каждомъ домѣ города были открыты маленькія кофейни или родъ какихъ-то закусочныхъ весьма грязныхъ и угощавшихъ посѣтителей кушаньями подозрительнаго качества, но тѣмъ не менѣе они были полны.

Всѣ эти трактиры содержались Греками, а частью разными иностранцами. Разговаривать съ ними приходилось на Французскомъ языкѣ, который они тоже плохо понимали, такъ что сказанное дополнялось жестами. Въ городѣ было нѣсколько гостиницъ, одна очень чистая и даже съ нѣкоторыми претензіями на комфортъ, съ общимъ столомъ и извозчиками во дворѣ, ожидавшими желающихъ прокатиться: полуколяска или, какъ ее называли, фаэтонъ парой въ дышло, на высокихъ козлахъ котораго возсѣдалъ кучеръ Грекъ въ національномъ костюмѣ съ длиннымъ бичемъ. Какъ Филиппополь, такъ и Адріанополь не отличались чистотой: повсюду грязь, вонь, кучи мусора и навоза. Станція желѣзной дороги также была за городомъ, и шоссе, ведущее къ ней,

обсаженное деревьями, представляло прекрасную аллею, гдѣ ежедневно подъ вечеръ происходило катанье. По бокамъ аллей расположились бивуакомъ Болгары, бѣжавшіе отъ Турокъ. Станція была оживлена, и правильное движеніе открыто между Филиппополемъ и Адріанополемъ и даже нѣсколько дальше, до линіи, занимаемой нашими войсками. Ѣздить по этой желѣзной дорогѣ можно было съ особаго разрѣшенія.

Самое замѣчательное зданіе въ городѣ это мечеть «Султана Селима», очень высокая обширная съ четырьмя по угламъ высокими минаретами въ нѣсколько ярусовъ, окаймленныхъ рѣзными балкончиками, на которые выходятъ глашатые—«муедзины», въ положенные часы, сзывать правовѣрныхъ на молитву.

Идя какъ-то по улицѣ и не подозрѣвая, что тутъ происходитъ правильное моленіе Мусульманъ, я услыхалъ протяжный крикъ; оглядываюсь во всѣ стороны, но не вижу, кто кричитъ. Крикъ повторяется и какъ будто гдѣ-то наверху. Ища виновника моего недоумѣнія, я нечаянно взглянулъ на одинъ изъ красивыхъ балкончиковъ стройнаго минарета мечети Султана Селима, гдѣ замѣтилъ муедзина-глашатая въ чалмѣ и подпоясаннаго, въ широкомъ цвѣтномъ халатѣ, который, приставивъ ладони къ ушамъ въ видѣ крыльевъ и обходя по балкончику вокругъ минарета, попеременно на всѣ четыре стороны выкрикивалъ призывъ правовѣрнымъ на молитву. И правовѣрные собирались со всѣхъ концовъ города. Я тоже пошелъ въ мечеть, чтобы осмотрѣть ее. Это было каменное, высокое, красивое, бѣлое зданіе съ куполообразной крышей, съ четырьмя высокими стройными минаретами по угламъ, обнесенное бѣлой же каменной оградой съ воротами на каждой сторонѣ. Главные ворота выходятъ на улицу; стоитъ невдалекѣ канакъ.

Войдя въ ворота ограды, я попалъ на довольно обширный дворъ, очень чистый, съ мраморнымъ водоемомъ по срединѣ и бьющимъ изъ него фонтаномъ. Кругомъ сидѣли и лежали нищіе и желавшіе отдохнуть. Входныя двери въ мечеть высокія, около которыхъ стояли ряды башмаковъ правовѣрныхъ, ушедшихъ внутрь въ чулкахъ. Пройдя въ двери, я очутился внутри зданія, напоминающаго нашъ храмъ. Въ противуположной отъ входа стѣнѣ такое же круглое съ окнами углубленіе внаружу, какъ нашъ алтарь, и на одну ступеньку выше, чѣмъ весь полъ, а по срединѣ этого полукруга, на раскинутой подставкѣ, лежитъ большой раскрытый Коранъ.

Русскій глазамъ не вѣритъ, любитъ пощупать руками, а поэтому и Коранъ не остался въ покоѣ: его каждый перелистывалъ, разсматривая. По срединѣ изъ купола спускалась большая люстра, а по сто-

ронамъ были маленькія. По стѣнамъ вверху висѣли бѣлые круги, съ черными Турецкими письменами и, вѣроятно, изреченіями изъ Корана. Вправо отъ алтаря устроено возвышеніе, на которое ведетъ лѣстница ступенекъ въ десять, съ площадкой наверху, съ которой муллы говорятъ проповѣди, поучая правовѣрныхъ. Все это возвышеніе было сдѣлано изъ бѣлаго мрамора. Перила и бока этой вышки, изящной ажурной работы, говорили, что будто бы она вся высѣчена изъ цѣлаго куска мрамора. Вдоль стѣны, надъ входной дверью, на столбахъ устроены хоры, на которыхъ стоятъ во время богослуженія женщины, не допускаемыя и въ мечети въ общество мужчинъ. Они скрываются отъ взоровъ любопытныхъ за деревянною въ мелкую косую клѣточку рѣшеткой. Вдоль стѣнъ мечети, кому гдѣ удобно, на коврикахъ, въ фескахъ, но безъ обуви (которая снимается и оставляется при входѣ, или ставится на коврикахъ рядомъ съ собой) стояли на колѣнахъ, сидя на пяткахъ, нѣсколько Турокъ, сосредоточенно молившихся. Они не обращали никакого вниманія на окружавшій ихъ шумъ любопытныхъ, осматривавшихъ мечеть и ихъ самихъ. Это замѣчательная черта Магометанъ—отдаваться вполнѣ молитвѣ, оставляя всякое занятіе, какъ только услышатъ призывъ муедзина. Чистота въ мечетяхъ замѣчательная. Богослуженіе отправлялось въ положенные часы, не стѣсняясь пребываніемъ Русскихъ, и было одно вечернее торжественное богослуженіе, на которомъ присутствовалъ Великій Князь со свитой и всѣ желающіе. На этотъ разъ мечеть и минареты снаружи были иллюминованы сверху донизу разноцвѣтными фонарями, а внутри также ярко освѣщена зажжеными люстрами.

По улицамъ города часто встрѣчалось магометанское духовенство; у нѣкоторыхъ были зеленыя чалмы, у другихъ бѣлыя; одѣты они въ длинные широкіе халаты, въ родѣ нашихъ подрясниковъ, подпоясанныхъ въ нѣсколько разъ обернутымъ вокругъ шарфомъ, кажется, по цвѣту чалмы. Вообще въ Адріанополѣ видно было, что наше присутствіе не стѣсняло жителей. Началась торговля всевозможнымъ восточнымъ хламомъ, продаваемымъ за дорогую цѣну. Пріѣзжалъ какой-то иностранецъ съ знаменитыми саблями, принадлежавшими будто бы, какъ увѣрялъ онъ, разнымъ султанамъ и знаменитымъ пашамъ. Я ихъ видѣлъ, зайдя въ гостиницу, гдѣ онъ ихъ выставилъ. Правда, очень хорошія и дорогія сабли, но цѣна была баснословная.

Въ одну изъ своихъ прогулокъ по городу я встрѣтилъ сотника Владикавказскаго полка, Александра Васильевича Верещагина, и мы пошли съ нимъ бродить по улицамъ и трактирчикамъ. Зашли въ «Османъ-Базаръ»; это тоже пассажъ, какъ и въ Филиппополѣ, камен-

ный, представляющій длинный корридоръ со сводами и каменнымъ поломъ. Направо и налѣво тянулись прилавки, разгороженные деревянными стѣнками на маленькія отдѣленія. Въ каждомъ отдѣленіи сидѣлъ, поджавши ноги, на прилавкѣ хозяинъ. Товаръ самый разнообразный: тутъ и ковры, и ситцы, и сукна, и подвѣски металлическія и серебряныя, и конская сбруя, и много другой всякой всячины.

Народъ сновалъ по всѣмъ направленіямъ. Отойдя немного отъ базара, мы попали на рынокъ, тутъ же неподалеку расположенный, гдѣ торговали съѣстнымъ разнаго рода и во всякомъ видѣ, какъ въ сыромъ, такъ и въ готовомъ, т.-е. на рѣшеткахъ поджаренныемъ.

Увидавъ живую рыбу, мы рѣшили варить себѣ уху по своему и, купивъ какую-то большую, въ родѣ нашего налима, пошли на квартиру сотника Верещагина, приказавъ здѣсь же взятому мальчику тащить за нами рыбу. Верещагинъ жилъ въ чистенькой и уютной комнаткѣ Греческаго дома. Хозяева по-русски не понимали, и мы, принеся рыбу, спросили хозяйку, гдѣ у нея кухня, объясняя ей, указывая на рыбу, что хотимъ готовить. Она повела насъ на кухню и очень любезно предложила намъ свои услуги; но какъ мы ни бились, стараясь растолковать приготовленіе ухи по-русски, пришлось покориться судьбѣ, и мы ушли къ себѣ въ комнату, оставивъ приготовленіе ея на усмотрѣніе хозяйки. Хотя уха была и не по нашему приготовлена, но вышла вкусная, а главное свѣжая, и мы остались довольны, что поѣли порядочнаго кушанья.

Становилось уже не на шутку жарко; о снѣгѣ, конечно, давно не было помину. Городъ мало-по-малу пустѣлъ. Войска уходили впередъ, обозы подтягивались и располагались въ предмѣстьяхъ его. Главная квартира собиралась переходить въ Санъ-Стефано. Все стремилось въ сторону Стамбула.

Наконецъ выѣхалъ Великій Князь, а съ нимъ и вся главная квартира. Городъ совсѣмъ опустѣлъ. Я стоялъ на квартирѣ въ маленькой гостинницѣ, низъ которой занималъ кафе-ресторанъ. Здѣсь я совершенно случайно досталъ сладковатое розовое вино, что-то въ родѣ ликера, котораго мы раньше нигдѣ не встрѣчали. Хозяинъ этого заведенія былъ Болгаринъ; онъ мнѣ объяснилъ, что это вино любятъ очень Турецкія женщины, когда удаляются кейфовать съ подругами въ бани.

Скука была препорядочная, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ приказа присоединиться къ полку.

Выйдя утромъ какъ-то на балконъ изъ своего номера, я увидѣлъ разгуливавшаго по двору гостинницы нашего корнета Болдырева. Ока-

залось, что онъ также былъ оставленъ съ партіей больныхъ лошадей и стоялъ верстахъ въ семи отъ Адріанополя въ Турецкой деревнѣ. Сейчасъ же было рѣшено, что я съ лошадьми переѣду къ нему.

V. Присоединеніе къ полку.

Къ вечеру въ тотъ же день мы уже были въ деревнѣ, гдѣ лошадямъ было гораздо покойнѣе и ближе къ продовольствію. Обозъ остался въ городѣ. Деревня эта Турецкая, стояла въ равнинѣ, окруженной возвышенностями. Чурбаджа этой деревни, Грекъ, еще молодой человѣкъ, пригласилъ насъ остановиться въ его домѣ.

Домъ у него былъ довольно помѣстительный, съ большимъ дворомъ спереди и сараями по краямъ его. Говорилъ онъ немного по-французски, но такъ плохо, что мы едва могли понять его. Любимое слово у него было «фрапронъ»; это слово онъ говорилъ очень часто, оно выражало, смотря по надобности, и драку, и охоту, и стрѣльбу, и еще многое кое-что. Поэтому мы, не зная какъ его звать, прозвали его «фрапрономъ».

Устроились мы въ этой деревнѣ удобно и покойно; воздухъ чистый, корму и людямъ и лошадямъ, благодаря любезности «фрапрона», было вдоволь. Турки были вполнѣ мирные; ни малѣйшей непріязни они намъ не выказывали наружно, посылая въ душѣ, вѣроятно, насъ въ преисподнюю.

Турчанки, какъ и вездѣ, не показывали своего лица; а намъ очень хотѣлось посмотрѣть, каковы онѣ. Видя, что въ извѣстное время утромъ и вечеромъ онѣ небольшими партіями ходятъ неподалеку отъ насъ къ колодцу за водой, съ высокими кувшинами на плечахъ и, разыгравшись иногда между собой, бѣгаютъ одна за другою раскрытыя, не боясь любопытнаго мужского глаза, подмѣтивъ это, мы какъ-то рано утромъ пришли къ колодцу, и такъ какъ онъ былъ на открытомъ мѣстѣ, то залегли неподалеку, за небольшимъ валикомъ, въ надеждѣ, что Турчанки насъ не замѣтятъ и будетъ возможность полюбоваться ими на свободѣ. Вскорѣ пришли Турчанки, но тотчасъ открывъ нашу засаду, съ крикомъ бросились бѣжать въ деревню, а мы, смѣясь надъ испугомъ ихъ и своей неудачей, тоже вернулись домой, и уже больше не повторяли попытокъ подсматривать.

Хозяинъ нашъ оказался очень милый человѣкъ; мы съ нимъ сдружились, и онъ постоянно сидѣлъ у насъ, или мы у него. Училъ онъ насъ играть въ какую-то игру, напоминавшую наши шашки, но совсѣмъ другого вида, увѣряя, что въ эту игру любитъ играть султанъ, и

партнеръ его обязательно долженъ проигрывать, въ противномъ случаѣ онъ подвергается султанской немилости. Показывалъ онъ намъ, какъ рѣдкость, иллюстрированную исторію на Французскомъ языкѣ Наполеона I-го и его походовъ.

Турки уважали своего чурбаджу и нашего «фрапрона», и мы удивлялись, какъ они его, Грека, выбрали своимъ начальникомъ. При насъ онъ произвелъ какое-то судебное разбирательство надъ Турками и однаго изъ нихъ отправилъ въ Адріанополь для дальнѣйшаго слѣдствія и наказанія. Отъ нечего дѣлать, мы ѣздили изрѣдка въ Адріанополь узнать новостей и сдѣлать кой-какія закупки.

Начался перелетъ утокъ; мы сожалѣли, что нѣтъ у насъ ружей и нельзя поохотиться. Сожалѣніе свое высказали какъ-то фрапрону, онъ оказался охотникомъ и предложилъ намъ свои охотничьи ружья.

Обрадованные такой находкой, каждый день на вечерней зарѣ мы отправлялись за деревню озеромъ на перелетъ утокъ. Садясь между озеръ, мы поджидали лётъ ихъ и какъ только начинало смеркаться, изъ многочисленныхъ заливчиковъ доносилось кряканье утокъ, и селезни начинали летать въ разныхъ направленіяхъ надъ нашими головами. Мы открывали по нимъ огонь; но такъ какъ сумерки очень непродолжительны и темнота наступала почти слѣдомъ за закатомъ солнца, то приходилось подъ конецъ стрѣлять не по видимой цѣли, а на угадъ по шуму крыльевъ. Но все-таки почти каждый разъ мы приносили домой трофеи нашей охоты. Фрапронъ радовался, утокъ жарили и съѣдали всѣ сообща. Иногда и онъ ходилъ съ нами и какъ-то разъ предложилъ поѣхать съ нимъ на охоту къ его брату, жившему недалеко на хуторѣ. Мы, конечно, съ удовольствіемъ приняли предложеніе и на другое утро, съ разсвѣтомъ, верхами отправились къ его брату. Верстахъ въ десяти въ небольшой рощѣ стоялъ хуторокъ «чифликъ», (какъ здѣсь называется) брата фрапрона. Хозяинъ любезно предложилъ намъ сначала закусить, потомъ показывалъ свое хозяйство и затѣмъ пригласилъ идти на охоту. Собакъ съ нами не было. Отойдя немного отъ «чифлика», мы разошлись и начали, равняясь, охоту. Зайцы выскакивали чуть не на каждомъ шагу, но подпускали насъ на ружейный выстрѣлъ, а другой дичи не попадалось, и мы, походивъ достаточное время и не сдѣлавъ ничего путнаго, повернули домой. Закинувъ ружье за плечи и о чемъ-то разговаривая, шелъ я съ фрапрономъ по дорогѣ, а корнетъ Болдыревъ съ его братомъ нѣсколько поодаль. Вдругъ у насъ изъ-подъ ногъ съ шумомъ поднялась стая куропатокъ; это было такъ неожиданно, что мы, увлеченные бесѣдой, отскочили въ сторону

и съ удивленіемъ смотрѣли на удалявшуюся стаю. Корнетъ Болдыревъ съ Грекомъ хохотали. Сообразивъ въ чемъ дѣло, мы бросились бѣгомъ къ мѣсту, гдѣ сѣли куропатки, но ничего тамъ не нашли. Такъ съ пустыми руками и вернулись домой.

Такъ текла наша мирная жизнь въ Турецкой деревушкѣ, пока не пріѣхалъ изъ полка корнетъ Медвѣдевъ, осмотрѣлъ лошадей и передалъ намъ приказаніе идти къ полку. Корнетъ Болдыревъ ушелъ раньше, а я, черезъ нѣсколько дней, съ обозомъ также двинулся къ Санъ-Стефано. Шоссе къ Санъ-Стефано пролегало по открытой плоской мѣстности, вдоль котораго по сторонамъ часто попадались помѣщичьи усадьбы, «чифлики», постройки которыхъ большею частью были каменныя, обнесенныя такой же стѣной. Усадьбы частью были брошены, частью разорены, но кое-гдѣ и обитаемы.

Я съ больными, т. е. уже выздоровѣвшими, лошадьми шелъ обыкновенно впереди обоза, дѣлая привалы, а обозъ шелъ своимъ порядкомъ, застрѣвая кое-гдѣ и обыкновенно приходилъ на ночевку къ вечеру, когда мы успѣемъ уже отдохнуть и задать кормъ лошадямъ. Предполагалась дневка всему обозу въ одномъ мѣстечкѣ и какъ всегда, такъ и теперь, впередъ я послалъ унтеръ-офицера, чтобы приготовить мѣсто для стоянки и отыскать фуражъ, который мы брали, гдѣ попадется.

Дойдя до мѣстечка, гдѣ предполагалась дневка, мы увидали полнѣйшее разрушеніе, и по донесенію моего унтеръ-офицера фуража было много въ деревушкѣ, верстахъ въ пяти въ сторону отъ шоссе. Я рѣшилъ пройти въ эту деревушку и тамъ дневать.

Деревушка была Болгарская и, повидимому, очень зажиточная: сѣна и ячменя было вдоволь. Я помѣстился въ семействѣ стараго Болгарина, который принялъ меня очень радушно: сейчасъ же разостлалъ ковры у очага, наложилъ на нихъ подушекъ и пригласилъ меня отдохнуть. Въ тоже время бабы по приказанію его начали стряпать кушанья для меня, сынъ былъ посланъ принести зайца. «Поди, застрѣли капитану зайца», сказалъ старикъ сыну. Я удивился такому приказанію, какъ будто зайцы эти были непремѣнно на намѣченныхъ мѣстахъ и ихъ можно было по желанію во всякое время находить и стрѣлять. Сынъ взялъ ружье и вышелъ. Небольше какъ черезъ полчаса къ моему удивленію онъ вернулся, неся зайца. Я спросилъ, какъ это удалось ему такъ скоро найти зайца; но оказалось, что ихъ такъ много въ этихъ мѣстахъ, что можно во всякое время настрѣлять, сколько

угодно. Солдаты были довольны обиліемъ фуража и угощеніемъ Болгаръ.

Старикъ все время не отходилъ отъ меня, показывалъ хозяйство и окрестности, разспрашивалъ о Россіи и очень удивился моему отвѣту на вопросъ, во сколько дней можно пройти изъ конца въ конецъ Россію, что на это надо не нѣсколько дней, а нѣсколько мѣсяцевъ, а то и въ годъ не пройдешь. Также онъ интересовался численностью войскъ, дѣйствовавшихъ и оставшихся дома, и всему удивлялся. Спрашивалъ, гдѣ будетъ граница Болгарскаго княжества; узнавъ, что Адріанополь отойдетъ къ Турціи, очень огорчился и, обратясь къ своимъ домочадцамъ, объявилъ имъ, что переѣдетъ отсюда въ Болгарское княжество. «Ни за что не останусь съ этими проклятыми», заключилъ онъ.

Простоявъ сутки въ полномъ довольствіи, утромъ мы выступили, и я пошелъ въ мѣстечко, гдѣ долженъ былъ стоять обозъ, но къ крайнему нашему удивленію обоза не оказалось. Намъ сказали, что онъ не стоялъ, а переночевалъ и пошелъ дальше. Мнѣ пришлось пройти въ этотъ день верстъ подъ шестьдесятъ, чтобы догнать ихъ въ городкѣ, въ которомъ они должны были остановиться. Дорога все время шла съ возвышенности на возвышенность, по открытой мѣстности, и лошади немного утомились большимъ переходомъ, хотя было сдѣлано нѣсколько приваловъ. Попадавшіеся по дорогѣ Болгары увѣряли, что городъ близокъ, а между тѣмъ его еще не было видно, и я предположилъ, что Болгары, какъ всегда, врутъ по своимъ немѣреннымъ часамъ. Въ это время мы подходили по возвышенности къ спуску, и вдругъ, подойдя къ самому обрыву, передъ нами сразу открылся весь городъ, расположенный внизу на равнинѣ. У насъ вырвался невольный крикъ удивленія, «вотъ онъ городъ!» Спустившись и войдя въ него, мы увидали, что онъ почти пустъ. Турецкіе дома были всѣ брошены. Въ городѣ было уже устроено управленіе, во главѣ котораго, какъ и вездѣ, стоялъ нашъ офицеръ-администраторъ. Обозъ свой мы застали тутъ же. Выбравъ мѣсто для стоянки лошадей, я расположился въ Турецкомъ домѣ, куда вскорѣ пришелъ нашъ ветеринарный докторъ Подшиваловъ, прося разрѣшить ему перебраться ко мнѣ отъ Бирюкова, съ которымъ онъ остановился, но что-то не подѣлили. Подшиваловъ уже успѣлъ обѣгать весь городъ, нашелъ какой-то складъ оружія въ мечети и притащилъ оттуда какія-то вещи, предлагая купить какую-то ломаную шарманку. Онъ уже зналъ, гдѣ что̀ въ городѣ находится, о чемъ сообщилъ мнѣ; но я, уставъ порядочно, отказался сопутствовать ему и улегся спать. Здѣсь мы дневали.

На одномъ изъ ночлеговъ пришлось остановиться въ разоренномъ мѣстечкѣ, гдѣ намъ сказали, что всѣ колодцы отравлены и только одинъ чистъ, но этотъ чистый каждый указывалъ, гдѣ попало. Думать было нечего: взяли на угадъ, варили и чай пили и, слава Богу, никто не отравился.

Все ближе и ближе подвигались мы къ передовымъ войскамъ, чаще встрѣчали разоренныя и брошенныя деревни и города, въ которыхъ намъ приходилось дѣлать дневки и ночлеги. Въ одномъ изъ такихъ городковъ, сдѣлавъ дневку, я расположился въ брошенномъ Турецкомъ домѣ съ баней. Вообще о Турецкихъ домахъ, конечно богатыхъ, можно сказать, что они устроены съ роскошью и своеобразнымъ удобствомъ и фантазіей: повсюду мраморъ, кругомъ тѣнистые сады, которые охлаждаются различными водоемами и фонтанами. Большинство же домовъ строятся не каменные, а деревянные на высокомъ, составляющемъ первый этажъ, фундаментѣ. Часто, въ домахъ средняго класса, каменный низъ представляетъ конюшню и скотный дворъ, гдѣ стоятъ лошади и буйволы, покрытые зимой теплыми одѣялами, и всякая другая хозяйственная живность. Крыши черепичныя, красныя, внутренняя отдѣлка большею частью деревянная, буковая; потолки, стѣны сплошь обшиты буковыми дощечками, выложенными въ различные рисунки съ разными украшеніями, иногда же стѣны и потолки расписываются по штукатуркѣ красками. Въ расположеніи комнатъ никакой системы не соблюдается: изъ большой комнаты попадешь въ какой-нибудь чуланъ, дальше опять комната, какъ комната. Въ одной и той же комнатѣ разной величины и формы окна и двери. Почти всѣ комнаты отдѣляются одна отъ другой или высокимъ порогомъ, или лѣсенкой въ нѣсколько ступенекъ, внизъ или вверхъ. Во всѣхъ стѣнахъ разной величины шкафчики, потайныя маленькія дверки, въ которыя нужно пролѣзать ползкомъ, а тамъ опять просторная комната. Однимъ словомъ, какой-то лабиринтъ съ переходами, ходами, лазейками и всевозможныхъ размѣровъ комнатами. Въ женскомъ отдѣленіи окна дѣлаются рѣшетчатыя, въ косую клѣтку, или другихъ рисунковъ плетенки; клѣточки такъ малы, что и руку нельзя въ нихъ просунуть, а свѣту не мѣшаютъ. Это отдѣленіе всегда въ сторонѣ отъ любопытныхъ глазъ, и доступъ туда, кромѣ мужа и самыхъ близкихъ родственниковъ, запрещенъ подъ страхомъ смерти. На этой половинѣ, въ одной изъ комнатъ въ углу дѣлается маленькое отдѣленіе для частыхъ омовеній, по магометанскому закону, со шкафомъ, съ покатымъ къ углу мраморнымъ поломъ и дыркой для стока воды. Тутъ же устраивается небольшой котелъ для нагрѣванія воды; кромѣ того дѣлаются и большіе водоемы,

какъ въ домахъ, такъ и въ садахъ, смотря по избытку хозяина. Въ мужской половинѣ тоже устроены отдѣленія для омовенія и другихъ надобностей, съ мраморными полами и отверстіемъ по срединѣ. Объ Европейскихъ удобствахъ не имѣютъ понятія. Для омовенія служитъ мѣдный кувшинъ, «кунганъ», высокій, съ длиннымъ носкомъ.

Въ болѣе богатыхъ домахъ пашей, въ одномъ изъ которыхъ остановился я въ этотъ разъ, устроена была баня. Мы поспѣшили воспользоваться таковой и вымыться какъ слѣдуетъ. Начали топить баню и грѣть воду въ особыхъ глиняныхъ горшкахъ. Баня, какъ и у насъ, съ передбанникомъ, но безъ полка. Крыша въ банѣ куполообразная, съ круглыми окнами, закрытыми стеклянными колпаками, чрезъ которые проходящіе солнечные лучи распространяютъ пріятный свѣтъ и какую-то таинственность, располагающую къ нѣгѣ. Полъ и невысокія скамейки вдоль стѣнъ передбанника—все это мраморное. Полъ въ банѣ на столько накаливается отъ трубъ, проходящихъ подъ нимъ для нагрѣванія, что надо надѣвать деревянныя скамеечки на ноги, чтобы не обжечь подошвы ногъ. Баня для восточныхъ людей, какъ и для Русскихъ, составляетъ высшее наслажденіе, а для женщинъ Востока она служитъ мѣстомъ развлеченія. Въ нихъ Турчанки устраиваютъ празднества; собираютъ подругъ и удаляются въ баню на цѣлый день, гдѣ онѣ купаются, а въ передбанникѣ на коврахъ и мягкихъ подушкахъ онѣ предаются развлеченіямъ, попивая различные прохладительные напитки, ѣдятъ фрукты и сласти, угощая подругъ, курятъ кальяны, поютъ пѣсни, слушаютъ музыку и пляшутъ граціозные, страстные восточные танцы. Однимъ словомъ, наслаждаются полнымъ отдыхомъ и нѣгой.

Для насъ мытье въ этой банѣ было тоже праздникомъ. Съ самой Россіи не видѣли мы бани, и мытье продолжалось до поздней ночи, потому что сразу размѣръ бани не позволялъ мыться многимъ.

Утромъ мы пошли дальше изъ этого мѣстечка и, сдѣлавъ двѣ или три ночевки, подошли къ Чаталджинскимъ высотамъ. На этомъ пути ничего особеннаго намъ не попалось, если не считать верблюдовъ, навьюченныхъ котлами, съ погоньщиками—нашими солдатами. Это была для насъ новинка, и на нашихъ лошадей этотъ караванъ произвелъ большое впечатлѣніе: они начали испуганно фыркать и кидаться въ стороны.

Мы подходили къ Чаталджинскимъ высотамъ, усѣяннымъ Турецкими редутами, которые тоже оставлены были ими безъ боя.

Позиція эта, расположенная на командующихъ высотахъ, впереди которыхъ лежитъ болото, съ перекинутою чрезъ него гатью, представлялась мало доступной, и почему Турки не попытали счастья на ней, не знаю. Теперь же наша пѣхота стояла на этихъ высотахъ бивуакомъ. Здѣсь мы узнали, что полкъ нашъ стоитъ еще дальше, въ деревнѣ Нифасъ, куда мы и направились, радуясь окончанію нашего странствія и скорой встрѣчѣ съ товарищами.

Подъ самымъ уже Нифасомъ по дорогѣ попалось намъ нѣсколько Турецкихъ солдатъ, безъ оружія, шедшихъ по своимъ дѣламъ. Странно ихъ было видѣть теперь, мирно и спокойно идущихъ мимо насъ, тогда какъ нѣсколько дней тому назадъ они издали осыпали насъ градомъ пуль. Въ деревнѣ Нифасѣ на улицѣ встрѣтилъ насъ полковой командиръ. Поздоровавшись со мной и съ людьми, онъ приказалъ спѣшиться и сдѣлать выводку лошадямъ. Убѣдившись въ ихъ порядкѣ, генералъ Эттеръ благодарилъ людей и меня и, отпустивъ ихъ, пригласилъ меня къ себѣ, распрашивая о подробностяхъ нашего пребыванія въ отдѣлѣ отъ полка.

(Окончаніе впредъ).

ИЗЪ ЖИЗНИ КАТОРЖНЫХЪ ИЛГИНСКАГО И АЛЕКСАНДРОВСКАГО, ТОГДА КАЗЕННЫХЪ, ВИНОКУРЕННЫХЪ ЗАВОДОВЪ.

1848 — 1853 г.

I.

„Не спѣши карать—спѣши миловать".
(*Пословица*).

Настоящая статья никогда для печати не предназначалась. Она отрывокъ изъ моей автобіографіи, которую я пишу отнюдь не для печати, а исключительно для моихъ дѣтей. Я не писатель. Если иногда и попадало что-либо мое въ печать, то это только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда было нужно: опровергнуть неправильные о комъ-либо изъ Сибирскихъ дѣятелей отзывы; хлопотать о возстановленіи какихъ-либо правъ, или, наконецъ, поправить какое-либо невѣрное историческое или же бытовое описаніе, касающееся исключительно Сибири. Я—Сибирякъ, довольно хорошо ее знаю, и писать въ подобныхъ случаяхъ, на сколько могу и умѣю, считаю для себя обязательнымъ. Вотъ и теперь приступаю къ этому ради возбужденнаго волею горячо и сердечно заботящагося о благѣ Россіи Государя Императора (да поможетъ Господь Ему исполнить всѣ Его добрыя предначертанія!) важнаго для всего нашего отечества, а для Сибири и въ особенности, вопроса объ измѣненіи системы наказаній и отмѣнѣ ссылки.

Прежде чѣмъ приступлю къ моему разсказу, долженъ предварить, что съ каторжными, о которыхъ буду здѣсь говорить, я болѣе или менѣе ознакомился еще съ моего дѣтства, бывъ привезенъ, 21 Октября 1827 г., семилѣтнимъ мальчикомъ въ Тельминскую (тогда казенную) фабрику *) отцомъ моимъ, опредѣленнымъ туда на должность казначея. Здѣсь я провелъ почти все время до поступленія моего въ Иркутскую гимназію (1830 г.); здѣсь же первымъ учителемъ моимъ, начавшимъ правильно со мною заниматься, былъ каторжный, Иванъ Семеновичъ Поповъ, про-

*) Суконная, полотняная и стекольная.

исходившій изъ духовнаго званія и получившій образованіе въ семинаріи. За что попалъ онъ въ каторгу, не знаю; но я до сихъ поръ храню о немъ доброе воспоминаніе за его кротость въ обращеніи со мною, бывшимъ подъ единственнымъ его, кромѣ отца моего, руководствомъ, и за умѣніе преподавать. До окончанія гимназическаго курса (1835 годъ—тогда гимназіи были 4-хъ-классныя), каждую вакацію и на праздники я постоянно пріѣзжалъ къ отцу, и такимъ образомъ отношенія мои къ фабрикѣ не прерывались. Когда же я кончилъ курсъ, то пріѣхалъ къ отцу на фабрику и жилъ съ нимъ до отъѣзда моего въ Нижнеудинскъ на должность учителя, въ Январѣ 1838 г. Такимъ образомъ отношенія мои къ фабрикѣ и общеніе съ ея жителями продолжались въ теченіе 10-лѣтняго періода. За это время, въ особенности когда и прислугою у насъ въ домѣ бывали большею частью каторжные, я могъ, сначала мальчикомъ, а потомъ юношею, при нѣкоторой наблюдательности, довольно хорошо ознакомиться съ характерами и бытомъ каторжныхъ. Кромѣ того, съ нѣкоторыми изъ нихъ я имѣлъ и общеніе, ходя часто съ сыновьями ихъ, когда пріѣхалъ домой, по окончаніи уже курса, на охоту. Часто въ разговорахъ мнѣ случалось слышать, кого именно изъ начальствовавшихъ надъ ними лицъ и за что именно они хвалятъ, а кого нѣтъ. Поэтому, когда назначили меня управлять Илгинскимъ винокуреннымъ заводомъ, большая часть жителей котораго состояла изъ каторжныхъ, то я поѣхалъ туда какъ человѣкъ, болѣе или менѣе знакомый съ характерами и потребностями того люда, которымъ мнѣ приходилось управлять и о которомъ буду говорить. Такъ какъ разсказъ мой (кромѣ одного только случая, провода партіи въ 153 человѣка изъ Илгинскаго завода въ Янды) будетъ объ единичныхъ личностяхъ, то поэтому въ немъ не будетъ никакой общей связи, кромѣ того вывода, который изъ отдѣльныхъ, разсказанныхъ мною случаевъ, могутъ сдѣлать интересующіеся настоящимъ вопросомъ о томъ, какъ должно относиться къ каторжнымъ и что съ ними можно дѣлать.

Илгинскій заводъ.

Пріѣхавъ въ него и вступивъ въ управленіе, я приступилъ къ пріемкѣ заводскаго имущества и команды отъ предмѣстника моего, Василія Михайловича Петрова. Квартира моя, какъ и квартиры всѣхъ служащихъ, были въ домахъ казенныхъ. Вся, безъ исключенія, прислуга состояла изъ каторжныхъ; только въ день моего пріѣзда (помнится, послѣ того какъ уже представлялись служащіе) явился ко мнѣ одѣтый по формѣ молодой казакъ и сейчасъ сказалъ: «Къ вашему высокоблагородію на ординарцы присланъ». Я началъ его распрашивать

и оказалось, что онъ первый годъ па службѣ, родители его имѣютъ въ заводѣ маленькій домикъ и хозяйство, и что онъ, какъ это у нихъ установлено, присланъ ко мнѣ на недѣлю. Предложенный мною вопросъ, что же онъ будетъ у меня дѣлать?—видимо привелъ его въ недоумѣніе, и онъ, подумавъ, отвѣчалъ мнѣ: «что̀ прикажете». Имѣя въ виду, что приказывать-то ему мнѣ нечего, что для этого при домѣ есть человѣкъ 5—6 каторжныхъ (защитникомъ, въ случаѣ надобности, отъ нихъ онъ одинъ тоже быть не можетъ) я сказалъ, чтобы онъ ушелъ домой и занимался тамъ своимъ дѣломъ. По дорогѣ я приказалъ ему зайти къ его ближайшему начальнику, пятидесятнику Мишарину, и сказать, чтобы тотъ по свѣдѣніямъ, посылаемымъ полковому начальству, ординарцевъ этихъ у меня показывалъ, но чтобы ко мнѣ они не приходили, а занимались у себя тѣмъ, что̀ имъ нужно. Съ этого дня до того времени, какъ я въ Февралѣ 1853 года оставилъ заводскую службу, въ теченіе пяти лѣтъ, ни одного караульнаго, кромѣ каторжныхъ въ домѣ у меня не бывало.

Казаки, которыхъ на службѣ въ Илгинскомъ заводѣ подъ командою пятидесятника было 12, употреблялись на посылки при казенномъ имуществѣ и иногда за преслѣдованіемъ и поимкою бѣжавшихъ, а также и на какія-либо другія служебныя разсылки. Для карауловъ же была военная команда, называвшаяся инвалидною ротою и состоявшая изъ людей штрафныхъ, мало способныхъ, а иногда и вовсе неспособныхъ.

Въ тотъ день, когда я уволилъ перваго и послѣдняго моего ординарца, пришелъ ко мнѣ Петровъ и, удивившись, что въ передней нѣтъ никого, кто бы снялъ съ него шубу, спросилъ меня: «какъ же это до сихъ поръ не прислали къ вамъ казака?» Когда же я ему сказалъ, что присылали, но я, не имѣя никакой надобности, разъ навсегда уволилъ казаковъ отъ этой обязанности на дѣлѣ, предоставивъ имъ исполнять ее на бумагѣ. Петрова это очень удивило, и онъ началъ доказывать, что казакъ есть признакъ, что тутъ живетъ начальство; а затѣмъ, полагая, что вѣрно я каторжныхъ не знаю вовсе, началъ разсказывать, какія онъ принималъ мѣры, когда обходилъ по наружнымъ работамъ, гдѣ каторжные имѣютъ въ рукахъ какія-либо орудія, или когда посѣщалъ тѣ зданія (кузницы, столярную, мѣдячную и проч.), въ которыхъ работы производятся. Много давалъ онъ мнѣ совѣтовъ; но теперь ихъ не помню, да не стоитъ и перечислять. Скажу только одинъ, который онъ считалъ очень важнымъ: это, приходя на работы, тотчасъ же остановить ихъ и приказать положить имѣющіеся въ рукахъ инструменты и орудія. Выслушавъ терпѣливо всѣ его наставленія, я сказалъ ему: «Знаете ли что, Василій Михайловичъ? Если я буду

поступать такъ, какъ совѣтуете вы, то они—народъ опытный и смышленный—увидятъ, что я боюсь ихъ. Я же этого не хочу. Пусть боятся они меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть видятъ, что я поступаю съ ними справедливо, не позволяю никому ихъ обидѣть, вхожу въ ихъ нужды и обращаюсь съ ними какъ съ людьми».

Г. Петровъ къ словамъ моимъ отнесся съ видимымъ недовѣріемъ и говорилъ мнѣ, что впослѣдствіи я и самъ приду къ убѣжденію, что обходиться съ каторжными такъ, какъ я предполагаю, нельзя, и что съ ними нужно быть крайне осторожнымъ и беречься ихъ. Послѣ этого, съ совѣтами своими онъ ко мнѣ болѣе не обращался, вѣроятно, потому, что пока сдавалъ мнѣ заводъ, то видѣлъ, что я поступаю съ каторжными иначе, чѣмъ поступалъ онъ.

Начальства разныхъ сортовъ было надъ каторжными (не считая принадлежащихъ къ администраціи завода чиновниковъ) слишкомъ уже много: и казаки, и караульные солдаты, и даже изъ товарищей же ихъ, такихъ же каторжныхъ, назначаемые надзиратели и десятники. «Кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ». Закончивъ пріемку завода, я объявилъ всему этому, всѣхъ сортовъ, начальству, начиная съ чиновниковъ, чтобы они отнюдь не смѣли самовольно управляться съ каторжными, и въ случаѣ какой-либо надобности обращались ко мнѣ. Точно также я приказалъ и каторжнымъ обращаться, безъ всякихъ посредниковъ, прямо ко мнѣ во всѣхъ своихъ нуждахъ и обидахъ. Взысканія, по произволу каждаго, прекратились и дѣлались только, на основаніи указанныхъ закономъ правилъ, полиціей; а такъ какъ послѣдняя, вмѣстѣ съ конторой завода, была въ одномъ зданіи, въ нѣсколькихъ шагахъ (черезъ улицу) противъ моей квартиры, то и полицмейстеру, если бы онъ даже и хотѣлъ отступить отъ моихъ приказаній, это было невозможно. Но съ его стороны попытокъ на это не было. Здѣсь (чтобы не повторяться потомъ, говоря и объ Александровскомъ заводѣ), я долженъ сказать, что самъ я, за всѣ пять лѣтъ моего управленія заводами, одному только каторжному (надзирателю при выдѣлкѣ кирпича) приказалъ дать три розги. Но виноватыхъ безъ возмездія однакоже я не оставлялъ; расправа съ ними была у меня короткая: дамъ лично хорошую трепку (я былъ молодъ и силенъ), и конецъ. Виноватый, получивъ ее, зналъ, что этимъ уже кончилось все дѣло и дальнѣйшихъ возмездій, какъ прежде бывало, не будетъ. Узнавъ изъ моихъ словъ, что ко мнѣ со всѣми просьбами должно обращаться смѣло и лично, безъ всякихъ посредниковъ, каторжные держались этого порядка и шли ко мнѣ съ увѣренностью, что, если только можно, то жалоба или же просьба ихъ безъ удовлетворенія не останутся.

Жалобы ихъ состояли большею частью въ томъ, что иногда пекарь дурно выпекалъ хлѣбъ, или же поваръ давалъ худыя щи, утаивъ въ пользу свою часть мяса или крупы. Само собою, возмездіе за это производилось мною безотлагательно и какъ пекаря, такъ и повара, видя, что я часто пробую хлѣбъ и щи, отъ старыхъ привычекъ отвыкли. Просьбы же каторжныхъ касались большею частью изорвавшихся одежды и обуви, или денегъ на табакъ и на нитки, или же, наконецъ, у тѣхъ, которые были приговорены на срокъ въ кандалы (сроки были разные: 5, 10, 15 и 20 лѣтъ) о перемѣнѣ ихъ, потому что носимые ими или были очень тяжелы, или терли ногу. Жалобы и просьбы эти высказывались мнѣ каторжными, когда они приходили ко мнѣ во время утренняго у меня разныхъ служащихъ рапорта, или же когда я посѣщалъ работы. Кромѣ того, освобожденные уже отъ оковъ могли приходить и вечеромъ, пока еще не стемнѣло.

1. Однажды, когда я осматривалъ земляныя работы, подошелъ ко мнѣ одинъ каторжный и началъ просить о перемѣнѣ носимыхъ имъ кандаловъ. Видимо, что человѣкъ этотъ, по складу своему, былъ когда-то сильный, но теперь уже хилый и все покашливалъ. Вѣроятно, «умаяли бурку крутыя горки»: побѣги, тюрьмы, наказанія и неоднократныя путешествія изъ Россіи въ Сибирь и обратно. «Ты что̀, срочный что ли?» спросилъ я его. «Да», отвѣчалъ онъ, «въ кандалы на 20 лѣтъ».—«Можетъ быть, ты просишь перемѣнить ихъ для того, чтобы было удобнѣе отъ новыхъ освободиться и бѣжать?»—«Куда мнѣ, баринъ *), бѣжать? Вы видите, что я человѣкъ больной», сказалъ онъ. На вопросъ, какъ его зовутъ, оказалось—Иванъ Петровъ 6-ой. Я тотчасъ же приказалъ увести его и перековать съ тѣмъ, чтобы новые кандалы онъ выбралъ себѣ уже самъ. Спустя нѣсколько дней, не помню на какихъ-то работахъ, вижу, что онъ опять идетъ ко мнѣ. «Что же, хорошо тебѣ перековали?» спросилъ я его.—«Хорошо, очень благодаренъ». «Ну, такъ что же тебѣ еще нужно?»—«А мнѣ нужно, баринъ, съ вами переговорить; отойдемте, чтобы не слыхали другіе». Думая, что онъ хочетъ, изъ благодарности, о чемъ-нибудь предварить, я исполнилъ его желаніе, и мы отошли. Оказалось совсѣмъ другое. «Вы, баринъ, простите меня за то, что̀ я буду говорить, и не взыскивайте.» Удивленный такимъ вступленіемъ, я разрѣшилъ ему высказаться, и изъ словъ его оказалось, что онъ былъ когда-то извѣстнымъ разбойникомъ (не могу сказать навѣрное, забылъ) чуть ли не въ Подольской или Волынской гу-

*) Такъ называли нѣкоторые каторжные начальника завода; иные же обращались со словами: ваше высокоблагородіе. Первые были большею частью изъ крѣпостныхъ, а вторые—изъ дезертировъ. Сила привычки.

берніи, и имѣетъ тамъ большой запасъ золота и серебра, зарытый въ такомъ мѣстѣ, которое хорошо помнитъ и которое можно, по извѣстнымъ ему примѣтамъ, легко найти. Такъ вотъ теперь, чувствуя, что остается ему недолго жить, хочетъ, чтобы все это досталось мнѣ. Въ словахъ его и тонѣ голоса мнѣ слышалось, что онъ не вретъ. Я не сталъ его распрашивать о прежнемъ имени и другихъ подробностяхъ, поблагодарилъ за предложеніе и въ утѣшеніе сказалъ ему, что распрошу его потомъ, призвавъ къ себѣ. Это было раннею весною 1848 г., а въ концѣ Августа я уѣхалъ въ Александровскій заводъ. Къ себѣ его я не призывалъ. Такъ онъ и остался съ невысказанною тайною. Думаю, что онъ жилъ недолго. Если онъ говорилъ правду, то это, мнѣ кажется, хорошая черта благодарности

2. Съ наступленіемъ тепла винокуреніе въ заводѣ закрылось, и нужно было приступить къ исправленію винницы, которая была тогда огневая, т. е. каждый котелъ (а ихъ было 12) былъ вставленъ въ особую печь, а всѣ вмѣстѣ они представляли какъ бы одну большую, длиною во всю винницу, печь, съ 12-ю независимыми топкою одно отъ другого отдѣленіями, въ каждомъ изъ которыхъ было по котлу. По смѣтѣ, утвержденной еще при моемъ предшественникѣ, нужно было старыя печи сломать и сложить новыя. Кирпича на это назначено было много, а въ наличности, по счетамъ, его оказывалось мало. Нужно было спѣшить сдѣлать его такъ, чтобы онъ былъ готовъ своевременно, и успѣть сложить печи, не опоздавъ открыть винокуреніе. Вотъ выдѣлка этого кирпича и добыча для него двухъ сортовъ глины: обыкновенной и для внутренностей печей (огнеупорной) поставили меня въ тревожное положеніе. Почти каждый день мнѣ приходилось дѣлать, ѣздивши на эти работы, по 18 верстъ верхомъ. Если, по случаю многихъ прошедшихъ лѣтъ (слишкомъ 50) не ошибаюсь, то дорога шла такъ: сначала 6 верстъ до Константиновщины (къ мѣсту добычи обыкновенной глины, гдѣ была выдѣлка обыкновеннаго кирпича); затѣмъ, 6 верстъ до Знаменской слободы, гдѣ добывалась бѣлая глина и выдѣлывался изъ нея огнеупорный кирпичъ, и потомъ 6 верстъ домой въ заводъ. Замедленіе работы могло навлечь на меня отвѣтственность; нужно было смотрѣть хорошо. Но все, какъ выдѣлка кирпича, такъ и кладка печей, было кончено своевременно. Огнеупорная глина добывалась въ большой ямѣ. Рабочіе на время работы жили подъ военнымъ карауломъ, недалеко отъ этой ямы, въ большой избѣ. Когда они спускались для добычи глины въ означенную яму, то караулъ (солдаты съ ружьями, на десять каторжныхъ—одинъ солдатъ) стояли наверху по борту ямы. Пріѣзжая, я обыкновенно спускался въ яму, осматривалъ

работу и спрашивалъ каторжныхъ, хорошаго ли качества доставляются припасы и не нуждаются ли они въ чемъ. Всѣ рабочіе были съ тѣми орудіями, которыми работали: у кого въ рукахъ ломъ, кайла, лопата. На эту работу посылались мною исключительно срочные, т. е. тѣ, которые приговорены на извѣстный срокъ въ кандалы. Вотъ одинъ изъ нихъ, во время посѣщенія ямы, обратился ко мнѣ съ просьбою о перемѣнѣ кандаловъ. Имя и фамилія его были Андрей Кутиловъ (фамилія, очевидно, благопріобрѣтенная въ бродяжествѣ); прежде былъ онъ въ гвардіи, въ Финляндскомъ полку, приговоренъ же на 20 лѣтъ въ каторгу, изъ нихъ 5 лѣтъ въ кандалахъ. Когда я сказалъ ему, что, можетъ быть, онъ проситъ перековать для удобства къ побѣгу, то онъ, поднявъ за одинъ конецъ одною рукой бывшій у него тяжелый ломъ и указывая на стоявшихъ вверху караульныхъ, какъ-то иронически сказалъ: «Баринъ! Да неужели вы думаете, что эти солдатики, если захочу бѣжать, меня удержатъ?»... Сравнивъ могучую фигуру Кутилова, указывающаго вверхъ на караульныхъ своимъ ломомъ, съ жалкими инвалидами, я невольно сказалъ ему: «Да, ты говоришь правду,—удержать трудно», и приказалъ перековать его, взявъ обѣщаніе, что онъ не убѣжитъ. Вѣроятно, прошло съ недѣлю, а можетъ быть и больше, какъ однажды, въ то время, когда мы вдвоемъ съ Бершадскимъ *) обѣдали, я, увидѣвъ, что солдатъ привелъ къ крыльцу дома какого-то каторжнаго, извинился передъ Бершадскимъ за перерывъ обѣда и вышелъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Бершадскій пошелъ за мною. Оказалось, что приведенъ Кутиловъ. Когда я спросилъ солдата: «зачѣмъ привелъ», то онъ сказалъ, что

*) Василій Ивановичъ Бершадскій, чиновникъ особыхъ порученій при новомъ генералъ-губернаторѣ, Н. Н. Муравьевѣ, привезенный имъ съ собою изъ Тулы, одинъ изъ числа честнѣйшихъ и добрѣйшихъ при немъ людей, былъ присланъ Муравьевымъ въ Илгинскій заводъ, для производства слѣдствія надъ моимъ предмѣстникомъ. Въ виду того, что въ заводѣ негдѣ было имѣть сколько-нибудь сносный столъ, а мнѣ, такъ какъ въ то время я былъ совершенно одинокъ (незадолго умерла жена), было одному скучно, я пригласилъ В. И. обѣдать постоянно у меня, такъ какъ у меня былъ хорошій поваръ (разумѣется, каторжный, какъ и вся прислуга) и можно было имѣть всегда простой, хорошій обѣдъ. Бершадскій принялъ мое предложеніе и приходилъ ко мнѣ, если былъ здоровъ и имѣлъ свободное отъ занятій своихъ время, почти каждый день. Не разъ случалось мнѣ, по его желанію и по ходу его дѣла, брать его съ собою на работы, и ему за это время не разъ случалось видѣть мое обращеніе съ каторжными, которое ему, человѣку совершенно незнакомому съ ихъ бытомъ и только-что пріѣхавшему изъ Россіи, было ново и кинулось въ глаза. Впослѣдствіи оказалось, что по возвращеніи своемъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ Иркутскъ, онъ разсказалъ все Муравьеву; а тотъ, имѣя въ виду предстоявшее, по его ходатайству, закрытіе Илгинскаго завода и предположенное имъ увольненіе смотрителя Александровскаго завода, 3-го Августа 1848 г. перевелъ меня, совершенно неожиданно въ этотъ послѣдній.

старшій въ караулѣ за каторжными при добычѣ огнеупорной глины приказалъ ему отвести Кутилова и другого срочнаго каторжнаго, Захарку (фамилію его я забылъ) въ заводскую больницу, гдѣ они хотѣли открыть себѣ кровь (прежде это было въ большомъ употребленіи). Когда же они дошли до часовни (на половинѣ дороги къ заводу), то Захарка, сказавъ «прощай, служивый», побѣжалъ отъ нихъ, и онъ, хотя долго преслѣдовалъ его, но поймать не могъ, вернулся къ часовнѣ, нашелъ тутъ Кутилова, котораго и привелъ. «Отчего же ты не стрѣлялъ въ него?» спросилъ я. «Стрѣлялъ», отвѣчалъ онъ. Взявъ изъ рукъ его ружье, я провелъ внутри ствола пальцемъ и увидѣлъ, что никакихъ слѣдовъ копоти, которая должна была быть послѣ выстрѣла, не было. Когда же я бралъ его, то услышалъ, что внутри его о стѣнки ствола что-то стукнуло. Отомкнувъ штыкъ, я повернулъ ружье дуломъ внизъ, и мнѣ на руку выкатилась пуля, но пороха не было ни зерна. Считая послѣ этого лишнимъ распрашивать солдата, я приказалъ Кутилову разсказать, какъ все было. Отъ него я узналъ, что когда они дошли до часовни, то товарищъ его, сказавъ «прощай, служивый», побѣжалъ, а за нимъ и солдатъ; онъ же легъ на крыльцо часовни и часа два ждалъ, пока солдатъ вернулся, но только одинъ; тогда пошли они ко мнѣ. Сказавъ, что стрѣлялъ, солдатъ вралъ. Когда же я спросилъ, почему онъ не схватилъ Захарку, когда тотъ только-что кинулся, то онъ отвѣчалъ: «Дуракъ, что ли я? Солдатъ подумалъ бы, что и я хочу бѣжать, и воткнулъ бы мнѣ штыкъ въ спину». Едва ли при этомъ было у Кутилова подобное соображеніе; скорѣе можно объяснить это желаніемъ не мѣшать товарищу. «А ты какъ же не бѣжалъ?» спросилъ я. «Да вѣдь я вамъ, баринъ, обѣщалъ, что не убѣгу». Впослѣдствіи, когда часть команды Илгинскаго завода была переведена въ Александровскій, Кутиловъ пришелъ въ ней въ этотъ заводъ. За означенный поступокъ его я ходатайствовалъ о сокращеніи ему срока работъ, но мнѣ разрѣшили только выдать ему въ награду 5 рублей. Мнѣ кажется, что оцѣнка сдѣлана ниже стоимости поступка человѣка, честно сдержавшаго свое слово.

3. Въ концѣ Іюня (числа не помню, но хорошо знаю, какъ будетъ видно изъ самаго разсказа) между 24 и 29, я только-что одѣлся и хотѣлъ идти къ принятію рапорта, какъ служившій при комнатахъ каторжный сказалъ мнѣ: «Сегодня зарѣзался Лазарька, бочкарь, и его увезли въ больницу». Я зналъ его и помнилъ, что фамилія его Селезневъ. Когда я пришелъ принимать рапортъ, то полицмейстеръ, подойдя ко мнѣ, отрапортовалъ, что въ заводѣ все благополучно. Я сказалъ ему: «А Лазарька?»...—«Ахъ, извините, я ошибся!» отвѣчалъ онъ. «Гдѣ онъ и живъ ли?»—«Отвезли живого въ больницу». Я тотчасъ съ по-

лицмейстеромъ поѣхалъ въ больницу, которая была отъ меня на другомъ концѣ завода, не менѣе, какъ верстахъ въ двухъ. Заводъ находился въ глубокой пади, между двухъ горъ, и весь состоялъ почти изъ одной улицы, у которой по обѣ стороны ея было еще по закоулку, а за ними по обѣимъ горамъ лѣсъ. Войдя въ палату больницы, гдѣ былъ Лазарька, я увидѣлъ, что фельдшеръ старается сдѣлать ему перевязку, а онъ вертитъ головой, чтобы воспрепятствовать. Сѣвъ подлѣ него, я спросилъ фельдшера, глубока ли рана; а Лазарька, закрывъ рукою носъ и ротъ, изъ нея мнѣ дохнулъ. Я велѣлъ ему лежать смирно и не сбрасывать перевязки, и сказалъ ему, что за это никакого, кромѣ церковнаго покаянія, наказанія не будетъ. Онъ успокоился, и перевязка кончилась хорошо. Тогда я сталъ его расправшивать, зачѣмъ онъ хотѣлъ лишить себя жизни. «Вы что же, баринъ, какъ будто не знаете? Сами же посылали десятниковъ, чтобы взять меня за убійство солдатки Чудинихи». Показавъ ему видъ, что это мнѣ извѣстно и подтвердивъ строго слушать фельдшера, мы съ полицмейстеромъ вышли, и я, зная, что у Селезнева есть жена, приказалъ привести ее поскорѣе, а потомъ, обратившись къ стоявшему у дверей часовому, спросилъ его, есть ли у нихъ солдатъ Чудиновъ, а если есть, то холостой или семейный? Онъ отвѣтилъ, что Чудиновъ есть, отставной, семейный, и живетъ близъ больницы. Я приказалъ его тотчасъ позвать, и когда онъ пришелъ, то изъ словъ его оказалось, что жена его ушла наканунѣ Иванова дня (бываетъ 24 Іюня) на праздникъ въ Константиновщину и до сихъ поръ не вернулась. Пока я разспрашивалъ Чудинова, привели жену Лазарьки Отпустивъ того, я сталъ разспрашивать ее, и изъ словъ ея оказалось, что послѣ Иванова дня мужъ ея, возвратившись съ добычи бочкарнаго лѣса домой, чтобы провести вмѣстѣ Петровъ день (29 Іюня), былъ въ какомъ-то особенномъ, непривычномъ для нея расположеніи духа: все задумывался, молчалъ и какъ бы чего-то боялся. Вечеромъ, когда они легли спать, онъ очень тревожился, метался и, наконецъ, указывая на окно, сказалъ: «Смотри, баринъ прислалъ десятниковъ забрать меня», а потомъ, вскочивъ, схватилъ со стола оставшійся на немъ послѣ ужина ножикъ, черкнулъ имъ себѣ по горлу и побѣжалъ на гору, скрывшись тотчасъ изъ глазъ ея въ близкомъ къ дому лѣсѣ; она же побѣжала объявить полиціи. Пока что, вдругъ услыхали крикъ часового, стоявшаго въ караулѣ у провіантскаго магазина, находящагося въ полугорѣ, не очень далеко отъ квартиры священника, у котораго она служила въ кухаркахъ. Оказалось, что часовой увидѣлъ идущаго ея мужа и, замѣтивъ на немъ кровь, поднялъ тревогу. Сбѣжались десятники, народъ, привели ея мужа и дали знать полицмейстеру, который и приказалъ увезти его въ больницу. Отпустивъ ее домой, я

возвратился къ Лазарькѣ, который лежалъ спокойно. Фельдшеръ сказалъ, что кровь остановилась. Я подошелъ къ раненому и сказалъ ему прямо: «Ну, вотъ теперь разскажи мнѣ, какъ убита Чудиниха?» Изъ словъ его оказалось слѣдующее. Онъ былъ на добычѣ бочкарнаго лѣса*) и пошелъ въ заводъ, чтобы на разговѣнье (Петровъ день) быть дома. Проходя чрезъ Константиновщину, онъ встрѣтилъ около кабака знакомаго поселенца, «Антошку плѣшиваго», который былъ вмѣстѣ съ Чудинихой и который пригласилъ его зайти съ ними выпить. Зашли, выпили, побыли недолго, и Антошка, купивъ штофъ водки, пригласилъ Чудиниху и его идти по дорогѣ къ заводу въ березникъ, чтобы распить водку. Такъ и сдѣлали; отошли съ версту или полторы, засѣли въ кустахъ и начали попивать, а тутъ Антошка за что-то началъ съ Чудинихой браниться. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше; наконецъ, Антошка ударилъ сидѣвшую съ ними на землѣ Чудиниху такъ сильно, что она опрокинулась, а онъ, сорвавъ съ нея платокъ, завернулъ его кругомъ ея шеи, затянулъ наглухо, завязалъ и, оттащивъ Чудиниху, концами платка привязалъ ее у самой земли къ березкѣ. Все это Лазарька видѣлъ и, боясь Антошку, котораго считалъ далеко сильнѣе себя, не смѣлъ ему противодѣйствовать. Покончивъ съ Чудинихой, Антошка, какъ ни въ чемъ не бывало, присѣлъ къ водкѣ; кончили ее всю и разошлись. Антошка, строго-настрого сказавъ ему, чтобы онъ не проговорился, вернулся въ Константиновщину, а онъ пошелъ въ заводъ, гдѣ и мучился воспоминаніемъ всего видѣннаго и хотѣлъ съ собою покончить.

Распросивъ хорошо о мѣстности, я приказалъ полицмейстеру распорядиться поднять трупъ Чудинихи, а самъ поѣхалъ въ Знаменскую лободу, къ засѣдателю Александру Николаевичу Скрябину, который тотчасъ же приказалъ одному изъ волостныхъ начальниковъ поѣхать захватить и привезти Антошку, что̀ и было вскорѣ исполнено. Возвратившись отъ Скрябина въ заводъ, я приказалъ принесть мнѣ статейный списокъ (формуляръ каторжнаго) Лазарьки, для того, чтобы узнать, за что онъ попалъ въ каторгу. Оказалось, что за убійство. Меня очень удивило то, что человѣкъ, сосланный за убійство, мучился такъ угрызеніями совѣсти, видѣвши убійство, совершенное при немъ другимъ, что былъ преслѣдуемъ видѣніями и рѣшилъ перерѣзать себѣ горло. Пріѣхавъ однажды въ больницу (работы и всѣ помѣщенія рабочихъ я осматривалъ почти ежедневно) и видя, что Селезневъ поправ-

*) Каторжные, дѣлающіе бочки для водки, находились на задѣльной платѣ: сами добывали на боковье и днища бочекъ лѣсъ, выдѣлывали изъ него въ заводской бочкарнѣ бочки и потомъ разсчитывались за все это по извѣстной, опредѣленной таксѣ. Въ числѣ бочкарей былъ и Селезневъ.

ляется, встаетъ съ кровати, сидитъ и ходитъ, я рѣшился разспросить его объ этомъ. Оказалось, что онъ не только никогда никого не убивалъ, но въ первый разъ видѣлъ, какъ убили человѣка, и это мучило его такъ, что онъ рѣшилъ съ собою покончить. Сослали же его, какъ онъ выразился, по оговору и подозрѣнію, безъ всякой вины, а такъ себѣ, ни за что, ни про что.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, когда изъ Илгинскаго завода я переѣхалъ въ Александровскій, то Селезневъ остался въ больницѣ. Пріѣхавъ же въ Илгинскій заводъ, по порученію генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1849 г. для выбора и препровожденія каторжныхъ, имѣвшихъ строить Николаевскій желѣзодѣлательный заводъ, я узналъ, что Лазарька умеръ, а Антошка, ни въ чемъ не сознавшійся, выпущенъ и свободенъ. Въ 1853 году, когда уже я былъ опредѣленъ на должность Иркутскаго земскаго исправника, онъ, по представленію моему, былъ переселенъ за Байкалъ.

Александровскій заводъ.

Сдавъ Илгинскій заводъ моему преемнику Дмитрію Егоровичу Муромову, я, черезъ Иркутскъ, въ половинѣ Сентября 1848 г. пріѣхалъ въ Александровскій. Здѣсь, точно такъ же, какъ и въ Илгинскомъ, явился ко мнѣ на ординарцы казакъ, которому было сказано, чтобы службу эту они отбывали дома въ своемъ хозяйствѣ. Точно также повторялись и моимъ предшественникомъ П. Т. Шипицынымъ совѣты относительно осторожности въ обращеніи съ каторжными, и разсказы объ ихъ неблагонадежности. И его удивляло мое къ нимъ довѣріе. Такъ, напримѣръ, однажды онъ видѣлъ, что я даю встрѣченному на дорогѣ каторжному серебряную табакерку и посылаю ее домой, чтобы онъ попросилъ моего человѣка насыпать табаку и тотчасъ же принесъ ко мнѣ. Въ другой разъ, что я снимаю верхнее пальто и отсылаю съ каторжнымъ къ себѣ домой. Я привелъ два случая изъ нѣсколькихъ. Видя это, Шипицынъ спрашивалъ меня потихоньку, такъ чтобы не слышали рабочіе, бывшіе у пріемки: «Какъ это, И. В., вы имъ такъ довѣряете?» А я обыкновеннымъ голосомъ отвѣчалъ ему: «Что же онъ сдѣлаетъ? Я думаю, что довѣріе, съ которымъ я, главный ихъ мѣстный начальникъ обращаюсь къ нимъ, для нихъ лестно». Система управленія осталась у меня таже, что и въ Илгѣ, и довѣріе мое каторжными никогда не было обмануто; въ домѣ моемъ, кромѣ одного случая, о которомъ разскажу ниже, никогда ничего не было украдено. Въ комнатахъ у меня прислуги было три человѣка: истопникъ (и онъ же лакей при столѣ) Матвѣй Манжосъ, родомъ изъ Бессарабіи; второй лакей и онъ же храни-

тель всѣхъ припасовъ—изъ Петербургскихъ мѣщанъ Иванъ Филип. Бутылкинъ, и третій—хранитель оружія и при разныхъ посылкахъ, Осетинъ Тотурбекъ Цореовъ. Каждый изъ нихъ былъ, какъ значилось въ статейныхъ спискахъ, сосланъ за убійство. Вотъ они трое, да еще двѣ собаки, были моими охранителями въ домѣ, въ которомъ было болѣе 9 комнатъ. Окна въ нихъ ни зимой, ни лѣтомъ ставнями не закрывались; а лѣтомъ, въ теплую ночь не закрывались въ нѣкоторыхъ комнатахъ даже самыя створки оконъ. По обѣ стороны дома были два флигеля. Въ одномъ изъ нихъ, съ отдѣльными хозяйственными службами, жилъ казначей—Карлъ Петровичъ Лисковацкій; а въ другомъ были мои хозяйственныя службы, гдѣ помѣщалась и остальная прислуга (кучеръ, два повара, охотникъ и коровница), и кромѣ того еще отдѣленіе изъ двухъ комнатъ, въ одной изъ которыхъ былъ билліардъ и цвѣтоводство. Прочитавъ, что у меня было два повара, можно подумать, что я былъ большой гастрономъ. Напротивъ: одинъ изъ поваровъ этихъ, лучшій и очень хорошій, былъ больной переведенъ въ числѣ многихъ ко мнѣ сюда изъ Илги и дослуживалъ свой срокъ. Его, какъ человѣка часто хворавшаго, мнѣ жаль было посылать въ непривычную ему работу, и онъ былъ въ числѣ моей прислуги. Тотурбекъ Цореовъ, о которомъ я сказалъ выше, въ число прислуги моей попалъ случайно. Однажды, когда съ предмѣстникомъ своимъ я повѣрялъ въ одной изъ кладовыхъ наличность имущества, замѣтилъ я въ числѣ каторжныхъ, бывшихъ при этой работѣ, одного, повидимому, изъ горцевъ. По разспросамъ оказалось, что онъ Осетинъ, присланный въ каторгу за убійство. По его словамъ: «голова 12 куска рубалъ» сосѣду, который началъ ухаживать за его женою. Говорилъ по русски онъ очень худо, но все таки можно было кое-какъ понимать. Я спросилъ его, хочетъ ли онъ жить у меня, и онъ съ радостью сказалъ, что хочетъ *). Когда онъ пришелъ, то я, давъ ему денегъ на Черкескую одежду, назначилъ для житья мѣсто въ той передней, съ главнаго входа въ домѣ, въ которую я обыкновенно, послѣ рапорта полицмейстера, выходилъ къ разнымъ надзирателямъ и простымъ рабочимъ-каторжнымъ, поговорить о томъ, что было нужно. На стѣнѣ ея висѣли мои ружья и другое оружіе, которое я предоставилъ его наблюденію, чему онъ былъ искренно радъ, и очень часто показывалъ его каждому изъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ

*) Я спросилъ его согласія вмѣсто того, чтобы приказать, потому что у него было нѣсколько своихъ мазанокъ въ родѣ дрянныхъ саклей, которыя онъ, въ свободное отъ работъ время, умѣлъ какъ-то смастерить изъ собираемыхъ тутъ же на горѣ камней. Въ мазанки эти онъ пускалъ за ничтожную плату бездомныхъ рабочихъ, а въ одной жилъ самъ.

въ заводъ откуда-либо гостей. Стоило его только спросить, и онъ готовъ былъ, хоть говорилъ худо, разсказывать цѣлые часы.

Одно изъ такихъ показываній оружія чуть-чуть не кончилось большимъ несчастіемъ. Въ числѣ разнаго рода оружія были у меня два Кавказскихъ пистолета, у которыхъ спуски замка были очень своеобразны, и нужно было обходиться съ ними осторожно. Осенью 1849 г. управлявшій Иркутскимъ солеваренным заводомъ, директоръ Тельминской фабрики и я, условились устроить на острову Ангары, удобномъ для всѣхъ насъ, охоту на козъ. Узнавъ отъ меня о времени, когда она назначена, ко мнѣ пріѣхалъ изъ Иркутска бывшій тогда при генералъ-губернаторѣ Н. Н. Муравьевѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ Иванъ Петровичъ Корниловъ (въ настоящее время почетный опекунъ) и привезъ съ собою двоихъ страстныхъ, молодыхъ охотниковъ—Михаила Сергѣевича Волконскаго (теперь оберъ-гофмейстеръ и членъ Государственнаго Совѣта) и Николая Васильевича Баснина (который потомъ, служа въ Нижегородскихъ драгунахъ, въ 50-хъ годахъ былъ убитъ подъ Курюкъ-Дара). Кромѣ означенныхъ гостей и меня былъ еще пріѣхавшій ко мнѣ Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій. Молодымъ охотникомъ захотѣлось посмотрѣть мой охотничій арсеналъ, и они пошли въ переднюю. Тотурбекъ того только и ждалъ, чтобы пуститься въ свои непонятные для многихъ разсказы. Для объясненія и изъ осторожности пошелъ туда и я. Все оружіе было развѣшено по стѣнѣ; около нея былъ ларь, а близъ него стояли всѣ мы. Стоя между обоими молодыми людьми, я что-то показывалъ Баснину, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета, который держалъ въ рукахъ Михаилъ Сергѣевичъ, и пуля ударила между нами въ крышку ларя, пробивъ ее насквозь. Оказалось, что Михаилъ Сергѣевичъ въ то время, какъ мы говорили съ Баснинымъ, снялъ опять со стѣны осмотрѣнный имъ уже раньше пистолетъ, хотѣлъ повѣсить его и вѣроятно плохо укрѣпилъ на первомъ взводѣ, вслѣдствіе чего онъ и выстрѣлилъ. Увидѣвъ его невредимымъ, я былъ отъ души радъ какъ за него, такъ и за его почтенныхъ и уважаемыхъ родителей, что выстрѣлъ кончился такъ счастливо. Охота наша была неудачна, и гости мои, переночевавъ у меня, уѣхали на завтра въ Иркутскъ.

Главное занятіе Тотурбека (очень для меня важное, потому что требовало надежнаго человѣка) было обойти ночью около заводскихъ зданій, въ которыхъ могла быть опасность пожара отъ огней, какъ напримѣръ винница, и посмотрѣть, не спятъ ли поставленные тамъ для карауловъ каторжные. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано ему, идя мимо военныхъ карауловъ, посмотрѣть, какъ стоятъ на часахъ и сол-

даты, но только не подходя къ нимъ и не вступая съ ними ни въ какой разговоръ, чтобы не вышло никакихъ столкновеній. Съ осмотра этого онъ возвращался обыкновенно въ то время, когда я былъ уже въ постели и читалъ. Придя ко мнѣ въ спальную комнату, онъ разсказывалъ подробно, гдѣ и что видѣлъ, а иногда случалось, говорилъ и о томъ, какъ онъ испугалъ караульнаго каторжнаго: увидѣвъ, что тотъ лежитъ и спитъ, онъ вскакивалъ на него и хваталъ его за горло какъ бы съ намѣреніемъ душить.

Только что закончилъ я пріемъ завода, и оставалось подписать пріемныя вѣдомости, какъ генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ предписалъ мнѣ ѣхать за покупкою хлѣба для винокуренныхъ заводовъ и другихъ мѣстъ гражданскаго вѣдомства, получивъ на это деньги изъ Иркутскаго казначейства. Соображая количество назначеннаго къ закупу хлѣба, я видѣлъ, что денегъ на это для того, чтобы не тратить потомъ времени на разъѣзды за ними взадъ и впередъ, потребуется брать съ собою довольно значительное количество, и что для охраны ихъ нужно имѣть съ собою вооруженнаго надежнаго человѣка, съ которымъ вмѣстѣ, въ случаѣ надобности, можно бы было постоять за себя. Я рѣшилъ взять съ собою каторжнаго Тотурбека. На казаковъ, бывшихъ въ командѣ завода (24 человѣка), хотя были между ними люди очень хорошіе, я какъ-то не рѣшился бы, въ случаѣ опасности, положиться. Тотурбекъ былъ вооруженъ, какъ говорится, до зубовъ. На немъ было ружье, пистолетъ, кинжалъ и шашка. Надобно было видѣть удовольствіе его, когда онъ все это навѣсилъ на себя, и какъ онъ былъ доволенъ, что ѣдетъ со мною, чтобы охранять казенныя деньги.

„Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ“,

сказалъ нашъ великій поэтъ. Кромѣ того я взялъ съ собою бульдога, очень хорошо натравленнаго, который, стоило только ему приказать, кидался тотчасъ же на человѣка и дѣлалъ скачекъ, чтобы схватить за горло.

Проѣздивъ недѣлю и закупивъ довольно значительную часть хлѣба, я, проѣздомъ черезъ Иркутскъ въ другой край округа, явился къ Муравьеву доложить о томъ, какъ идетъ закупъ. Поблагодаривъ меня за успѣхъ и цѣны, по которымъ я покупаю, онъ спросилъ меня, сколько и какъ я вожу съ собою денегъ и кто со мною для охраны. Я отвѣчалъ ему, что они, по 10 тысячъ рублей, зашиты у меня въ карманахъ того пальто, которое я ношу (это для того, чтобы, если лошади разнесутъ, опрокинутъ повозку и меня выбросятъ, то деньги остались

бы при мнѣ); что я взялъ собою въ первый разъ 40 тысячъ рублей, а потомъ буду брать по мѣрѣ расхода, и что для охраны вожу съ собою хорошо вооруженнаго Черкеса-каторжнаго. Муравьевъ улыбнулся и спросилъ, откуда и за что онъ попалъ въ каторгу. Муравьевъ горцевъ, по своей службѣ па Кавказѣ, любилъ. Отвѣтивъ на вопросы его, я попросилъ позволенія прислать къ нему моего Черкеса, чтобы онъ сказалъ ему ласковое слово за охрану денегъ. Онъ позволилъ, и я, возвратившись въ квартиру, послалъ Тотурбека во всемъ оружіи кромѣ ружья, къ Муравьеву. Возвратившись домой часа черезъ два, Черкесъ былъ видимо чрезвычайно радъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что Муравьевъ сказалъ ему спасибо, спрашивалъ его и далъ записку, приказавъ отнести ее къ Молчано (Дмитрій Васильевичъ Молчановъ), и когда онъ пришелъ къ тому, то, прочитавъ записку, онъ далъ ему 15 р., а записку по его просьбѣ, возвратилъ ему[1]). Вопросъ Муравьева относительно храненія мною денегъ послѣдовалъ, какъ я потомъ слышалъ, вслѣдствіе чьего-то сообщенія ему о томъ, какимъ неузаконеннымъ способомъ я оберегаю деньги. Положимъ, оно и такъ; но за то надежно.

Покупка всей возложенной на меня для разныхъ мѣстъ годичной пропорціи хлѣба была начата мною 6 Ноября 1848 г. и кончена въ началѣ Апрѣля 1849 г. Въ продолженіе всего этого времени Тотурбекъ ѣздилъ со мною. На него самого, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго, довѣріе, съ которымъ я къ нему относился, и смѣлость моя произвели большое впечатлѣніе. Въ одинъ изъ пріѣздовъ нашихъ въ заводъ, послѣ обычнаго, какъ сказано выше, ночного обхода его, онъ, закончивъ свой разсказъ о томъ, что̀ видѣлъ, обратился ко мнѣ со словами: «Я тебѣ[2]) сказать хочу. Можно?» Видя, что это что-то особое, выходящее изъ обычнаго доклада, я разрѣшилъ ему высказаться. Тогда онъ сказалъ мнѣ: «Ты, однако, молодецъ». Услышавъ отъ него такую похвалу себѣ, я спросилъ его: «А ты теперь только узналъ, что я не баба?» Тогда онъ объяснилъ мнѣ, что онъ давно хотѣлъ сказать мнѣ, что я молодецъ, потому что вожу съ собою много денегъ и беру караульнымъ его, каторжнаго, не боясь, что онъ мнѣ сдѣлаетъ «сѣкимъ баш-

---

[1]) Записку эту Тотурбекъ бережно хранилъ и увезъ съ собою на родину, когда его, какъ будетъ ниже сказано, возвратили.

[2]) Мѣстоимѣніе „вы“ въ употребленіи у него не было. Самый высшій и единственный титулъ, съ которымъ онъ обращался, начиная съ меня и къ высшимъ лицамъ, былъ „ваше благородіе“. Такъ онъ говорилъ и генералъ-губернатору и архіепископу Нилу, когда тотъ однажды лѣтомъ, объѣзжая по епархіи, въ отсутствіе мое изъ завода, заѣзжалъ и переночевалъ у меня въ домѣ.

ка». Разсмѣявшись надъ такою откровенностью, я сказалъ, что не боюсь и что онъ этого не сдѣлаетъ. Тѣмъ и разрѣшился этотъ занимавшій его, какъ видно давно, вопросъ.

Здѣсь кстати, чтобы обрисовать его понятія, разскажу еще слѣдующее: 1) Однажды, точно также по окончаніи его разсказа объ обходѣ, я замѣтилъ, что онъ хочетъ что-то сказать мнѣ, но не рѣшается, и потому спросилъ, что ему нужно. Тогда онъ обратился ко мнѣ съ просьбою, чтобы я дозволилъ ему поджечь домъ у одной изъ жительницъ завода, которая взяла у него взаймы рубль и не отдаетъ. Къ этой просьбѣ онъ добавилъ, что у нихъ дома онъ бы сдѣлалъ ей «сѣкимъ башка»; но такъ какъ здѣсь этого дѣлать нельзя, то онъ и проситъ позволенія сжечь домъ. Онъ былъ такъ убѣжденъ въ возможности получить отъ меня подобное позволеніе, что мнѣ долго пришлось разъяснять ему, что я, начальникъ завода, не могу дозволить ему жечь, и что за это будетъ такое же наказаніе, какъ и за «сѣкимъ башка». Едва-едва понялъ онъ меня и согласился со мною. 2) Тотурбекъ былъ православный; но стоило только начать спрашивать его о томъ, какъ его окрестили, то онъ тотчасъ же начиналъ, на сколько умѣлъ, ругать по-русски того купца (въ Симбирскѣ или Саратовѣ, не помню), который уговорилъ его, какъ и нѣсколькихъ другихъ горцевъ, креститься, обѣщая, что за это возвратятъ ихъ домой. Не знаю, какъ теперь; но прежде бывали въ разныхъ сословіяхъ такіе добровольцы-миссіонеры, которые, для полученія наградъ, старались побольше обращать въ православіе и, представляя списки о своихъ крестникахъ, хлопотали о своей за такое усердіе наградѣ. Вотъ, въ виду того, что Тотурбекъ былъ православный, я, при наступленіи Великаго поста, приказалъ и ему, точно также, какъ и другимъ каторжнымъ, ходить въ церковь и быть у исповѣди и Св. Причастія. Долго онъ меня не могъ понять; но, наконецъ, усвоивъ то, что я ему говорилъ, онъ пошелъ. Я объяснилъ ему, что и какъ онъ долженъ дѣлать въ церкви, а главное, чтобы смотрѣлъ, какъ будутъ дѣлать другіе и подражалъ имъ. Когда же я объяснилъ ему, насколько онъ могъ понять, что исповѣдь есть признаніе въ томъ, что сдѣлано худого и обѣщаніе не дѣлать этого впередъ (слова грѣхъ онъ не понялъ), то онъ мнѣ сказалъ, что худого онъ не дѣлалъ, ничего не укралъ, а «сѣкимъ башка» дѣлать было надо: это не грѣхъ. Когда закончилось его хожденіе въ церковь и онъ возвратился домой, то я спросилъ его, понялъ ли онъ что изъ того, что видѣлъ и слышалъ въ церкви, то онъ сказалъ: «Ничего не понимай». А когда въ тотъ же день зашелъ ко мнѣ священникъ заводской церкви, о. Гавріилъ Синявинъ, и я спросилъ его, понялъ ли онъ то, что

говорилъ ему Тотурбекъ на исповѣди, то онъ тоже отвѣчалъ, что не понялъ ни слова. Такъ другъ друга и не поняли.

Кстати, я разскажу здѣсь другой взглядъ на грѣхъ и убійство, но уже человѣка Русскаго и православнаго отъ рожденія. Въ числѣ каторжныхъ Александровскаго завода былъ Гаврило Минаевъ, приговоренный на 20 лѣтъ въ кандалы. Однажды на работѣ, увидѣвъ, что я открылъ табакерку и нюхаю табакъ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Баринъ, позвольте понюхать табачку». Такимъ довѣрчивымъ отношеніемъ ко мнѣ я былъ внутренно очень доволенъ и, узнавъ отъ него, что онъ очень любитъ табакъ, но рѣдко его имѣетъ, я, не пуская его съ грязными руками въ табакерку, высыпалъ на что-то ему изъ нея почти все содержимое. Съ подобными просьбами онъ, когда случалось мнѣ гдѣ-нибудь проходить близко отъ него на работахъ, обращался ко мнѣ не разъ. Бывшіе близко къ намъ товарищи его по работѣ смѣялись и, не стѣсняясь, говорили: «Минаевъ опять полѣзъ къ барину за табакомъ». Я всегда отсыпалъ ему на руку и иногда, если случались въ карманѣ мелкія деньги, давалъ ему нѣсколько копѣекъ на покупку табаку. Разъ какъ-то я спросилъ его, за что именно онъ приговоренъ на 20 лѣтъ въ кандалы? Подумавъ и какъ бы стѣсняясь нѣсколько, онъ отвѣчалъ: «Да за самые пустяки, баринъ: за то, что зарѣзалъ двухъ Жидовъ». Сколько я ни старался растолковать ему, что это отнюдь не пустяки, что Евреи такіе же люди, какъ и всѣ, и что зарѣзать Еврея, какъ и всякаго другого иновѣрца, точно такой же грѣхъ, какъ и зарѣзать христіанина; но убѣдить его я не могъ. Онъ остался при своемъ мнѣніи, что совершенное имъ преступленіе—пустяки, добавляя къ этому, что какіе же они люди, когда распяли Христа. Всѣ убѣжденія мои оказались напрасными.

Закончивъ въ началѣ Апрѣля 1849 г. порученный мнѣ закупъ хлѣба и составивъ объ этомъ отчетъ, я полагалъ, что буду уже теперь, какъ мои предмѣстники, сидѣть въ заводѣ и управлять имъ, какъ вдругъ получилъ предписаніе Муравьева пріѣхать немедленно въ Иркутскъ. Когда я явился къ нему, то, послѣ двукратныхъ съ нимъ объясненій, получилъ приказаніе отправиться въ Илгинскій заводъ, выбрать тамъ 150 каторжныхъ и передать ихъ горному инженеру И. А. Бароцци-де-Эльсъ, которому была поручена постройка Николаевскаго желѣзодѣлательнаго завода. Какъ и почему дано мнѣ было это порученіе, говорить не буду. Это описано мною въ книгѣ моей: «Графъ Муравьевъ - Амурскій предъ судомъ профессора Буцинскаго», стр. 117—121. Здѣсь разскажу только подробности моего похода съ каторжными, чего въ книгѣ той, какъ не

подходящаго по содержанію, я не помѣстилъ. Получивъ это порученіе, я немедленно отправился въ Илгинскій заводъ, гдѣ, предъявивъ оное преемнику моему, Д. Е. Муровому, на завтра же приступилъ къ выбору людей и заготовленію на дорогу припасовъ. Нужно было спѣшить, чтобы, закончивъ все дѣло, вернуться къ 15 Мая, дню выѣзда изъ Иркутска Муравьева, и доложить ему объ исполненіи порученія.

По приказанію, данному имъ мнѣ, я долженъ былъ выбирать людей болѣе молодыхъ, здоровыхъ и крѣпкихъ. Большая часть ихъ оказалась изъ срочныхъ, приговоренныхъ на 5, 10, 15 и 20 лѣтъ въ кандалы. Они и составляли главную часть моей партіи. Нѣкоторые изъ рабочихъ просились въ отрядъ сами, даже женатые, но только бездѣтные. Между женатыми были двое, имена и фамиліи которыхъ я помню и теперь. Это были Григорій Ѳедоровъ, который по счету одинаковыхъ именъ и фамилій (таковые соименники бывали часто и отличались нумерами), теперь не помню, но знаю, что онъ былъ съ №, и Фпилатъ Нестеровъ. Первый изъ нихъ былъ срочный. Оба они слыли, какъ я зналъ, между товарищами за отчаянныхъ. Я взялъ ихъ обоихъ, предварительно поговоривъ съ ними насчетъ возможности исправить поведеніе и сдѣлаться хорошими людьми.

Обходя однажды ту камеру, въ которую были отдѣлены выбираемые мною рабочіе, я увидѣлъ на нарахъ случайно не спрятанную скрипку, разумѣется, самой примитивной работы. На вопросъ мой, кому она принадлежитъ, хозяинъ отозвался тотчасъ. Скрипка эта навела меня на мысль составить походный оркестръ, и я спросилъ, нѣтъ ли въ партіи еще какихъ музыкантовъ и кто изъ нихъ на чемъ играетъ. Умѣющіе отозвались тотчасъ же. Всего нашлось ихъ человѣкъ 7—8. Между ними, помню какъ и теперь, были: Василій Шараль, Цыганъ, игралъ на бубнѣ, и Дубровинъ, забылъ его имя, на такъ-называемой имъ бандурѣ. Это что-то въ родѣ гитары, но только четырехструнной. Инструменты были не у всѣхъ. Для тѣхъ, у которыхъ ихъ не было, я купилъ, у заводскихъ же рабочихъ, на свой счетъ, и такимъ образомъ составился у меня походный оркестръ.

Я думаю, что въ первый, а можетъ быть и въ послѣдній разъ, шла такая партія каторжныхъ, въ которой, вмѣсто звона цѣпей, раздавались звуки музыки, подъ которые желающіе пускались въ плясъ. Когда каторжные исправили для похода, насколько то было возможно, свою одежду и обувь, и когда были заготовлены припасы, изъ которыхъ самыми главными были сухари, крупа и квашеная капуста, я назначилъ день выступленія. Раннимъ утромъ, на площадь предъ вин-

ницей завода, военная команда, въ послѣдній для нея разъ, привела тѣхъ каторжныхъ, которые жили подъ ея карауломъ въ заключеніи. Повѣривъ наличность ихъ, я попросилъ приглашеннаго мною заводскаго священника, о. Михаила Некрасова, отслужить молебенъ, по окончаніи котораго мы двинулись: обозъ съ припасами, живымъ скотомъ для мяса и имуществомъ рабочихъ впереди; за нимъ рабочіе пѣшкомъ, а я, 6 казаковъ и бывшій со мною для услугъ мальчикъ—верхами. Только-что шедшіе впереди другихъ рабочихъ музыканты, идя еще заводскимъ селеніемъ, по приказанію моему заиграли, какъ нѣкоторые любители пустились уже въ плясъ.

Въ 6 верстахъ отъ завода находится большое село «Знаменка», въ которомъ были Илгинское волостное правленіе, квартиры земскаго засѣдателя и церковнаго причта, а также повѣреннаго, существовавшаго еще тогда (недоброй памяти) откупа, и разныхъ торгующихъ. Между заводомъ и Знаменкой, не доходя до послѣдней версты съ двѣ, а можетъ быть немного и больше, намъ нужно было своротить съ тракта на проселочную дорогу, черезъ волокъ, съ Илги на Ангару. Большая часть жителей Знаменки ждала насъ близъ этого сворота, чтобы посмотрѣть, какъ идетъ такая большая партія рабочихъ безъ обычнаго военнаго конвоя, да еще и съ музыкой. Многіе изъ зрителей, когда мы остановились, чтобы устроить порядокъ нашего обоза, подавали, кто припасы, а кто деньги, холстъ и полотенца. Все это собирали, для раздѣла потомъ, двое артельныхъ старостъ: Филиппъ Атаманчукъ и Павелъ Масютинъ (изъ Московскихъ торговыхъ людей). Пользуясь остановкою, я приказалъ всѣмъ бывшимъ въ кандалахъ каторжнымъ снять ихъ и положить въ свой у каждаго мѣшокъ, что̀ и было исполнено живо. Снимать и даже расклепывать ихъ они умѣютъ какъ-то скоро. Затѣмъ, съ пѣснями и музыкой, мы двинулись впередъ. Старшимъ между казаками, какъ по годамъ, такъ и по службѣ, былъ очень опытный и бойкій Гавріилъ Константиновичъ Кузнецкій, а изъ остальныхъ трое были молодые ребята, поступившіе въ тотъ только годъ на службу. Кузнецкаго, какъ человѣка исполнительнаго и бойкаго, предмѣстники мои посылали иногда ловить убѣгавшихъ по этой дорогѣ каторжныхъ. Онъ зналъ хорошо мѣстность и находящіяся по дорогѣ деревушки. Разспросивъ его, въ какихъ изъ нихъ есть кабаки, а въ какихъ нѣтъ, я рѣшилъ первыя проходить мимо и, миновавъ ихъ съ версту, останавливаться для завтрака и отдыха, а во вторыхъ уже ночевать. По разстоянію (кромѣ одного мѣста, о которомъ скажу ниже) это было вездѣ удобно. Приближаясь къ первымъ, я посылалъ впередъ двухъ казаковъ, съ приказаніемъ стоять по обѣ стороны дверей кабака,

наблюдая, чтобы кто-нибудь изъ каторжныхъ или изъ погонщиковъ обоза не завернулъ за водкой. Казакамъ этимъ я давалъ денегъ на полтора ведра водки и оставлялъ при нихъ двоихъ изъ партіи, съ имѣвшимся при нихъ ушатомъ. Въ ушатъ этотъ выливали купленную водку, вдергивали въ ушки палку и приносили на нашу за селеніемъ стоянку, гдѣ ее и выпивали. На 159 человѣкъ (153 каторжныхъ и 6 казаковъ) полутора ведеръ было довольно, такъ какъ нѣкоторые изъ каторжныхъ и казаковъ не пили вовсе. Ко времени нашего на эту стоянку прихода обѣдъ былъ уже готовъ, потому что кухня и всѣ припасы посылались впередъ на лошадяхъ, ранѣе нашего выхода съ ночлега. По окончаніи обѣда, все это опять отсылалось немедленно на то мѣсто, гдѣ должны были ужинать и ночевать; мы же оставались часа два отдохнуть, а потомъ опять въ походъ, до мѣста ночлега, на который приходили такъ, что до сумерекъ оставалось еще много времени. На усмотрѣніе партіи предоставлялось ужинать тотчасъ или спустя нѣсколько времени. Въ первомъ случаѣ послѣ, а въ послѣднемъ до ужина, начиналась музыка, и желающіе (а такихъ было много) пускались въ плясъ. Дамы, какъ я сказалъ уже выше, были свои въ числѣ партіи, а залъ для танцевъ обширный, потому что таборъ нашъ устраивался противъ какого-либо дома, въ такъ-называемомъ телятникѣ (пространствѣ, огороженномъ для молодого скота). Заинтересованные музыкою, пляскою и новыми пришельцами, которые, если и проходили когда-либо прежде черезъ эти мѣста, то бѣглыми, по одиночкамъ, а тутъ шли такою большою партіей, жители поселка обоихъ половъ собирались вокругъ насъ. Услышавъ отъ меня, что и они, если хотятъ, могутъ тоже участвовать въ пляскѣ, они сначала перемипались, какъ бы конфузясь, а потомъ тоже начинали плясать. Повеселившись такимъ образомъ, расходились на отдыхъ въ отведенныя въ домахъ или другихъ пристройкахъ квартиры, а со свѣтомъ, не позже 2 часовъ пополуночи, опять въ походъ. Каждый день одно и тоже, и на счастье наше погода все время была превосходная, теплая. Люди шли хорошо и весело. Дневокъ я нигдѣ не дѣлалъ: торопился, чтобы, кончивъ порученіе, застать Муравьева еще въ Иркутскѣ. Сколько дней шли мы, не помню; но полагаю, что никакъ не менѣе недѣли. Всѣ ночлеги были въ деревняхъ, исключая одного, при перевалѣ черезъ хребетъ (кажется, зовутъ его Березовымъ), съ котораго одна часть рѣчекъ составляетъ притоки Ангары, а другая—Лены. Здѣсь должны мы были, для ужина и ночлега, остановиться на довольно обширной, сухой, хорошей полянѣ, на берегу рѣчки, названія которой не помню, вокругъ разведенныхъ костровъ.

Выйдя изъ тайги и пройдя еще нѣсколько деревушекъ, я остановился въ одной довольно большой, которая называлась «Милославская». Она была на правомъ берегу Ангары и принадлежала Яндинской волости (тогда Нижнеудинскаго, а теперь, кажется, Балаганскаго округа) не доходя до селенія «Янды», которое находилось на томъ же берегу, въ 12 отъ насъ еще верстахъ впереди. Туда долженъ былъ приплыть Бароцци-де-Эльсъ; но я рѣшилъ ждать его въ Милославской, въ которой не было кабака, а въ Яндахъ онъ былъ, и я опасался его за моихъ людей, потому что «во хмѣлю всяко бываетъ». Въ ожиданіи г. Бароцци, я провелъ здѣсь если не 2 недѣли, то навѣрное дней 10. Ужасно досадно было ждать его. Я боялся, что не застану Муравьева въ Иркутскѣ, и онъ уѣдетъ въ Камчатку, а потомъ на Амуръ, безпокоясь, исполнено ли и какъ мною порученіе, а мнѣ потомъ придется ѣхать вслѣдъ за нимъ къ Якутску, чтобы догнать и успокоить его докладомъ о благополучномъ исполненіи. Наконецъ-то г. Бароцци приплылъ, въ тотъ же день пріѣхалъ ко мнѣ, и мы рѣшили, что на завтра я приведу къ нему въ Янды мою партію и сдамъ ему. По отъѣздѣ его, я собралъ рабочихъ, приказалъ приготовиться къ завтрашнему походу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы заковали тѣхъ, которые должны были быть въ кандалахъ. Пройти на завтра 12 верстъ до Яндовъ было недолго. Тамъ распростился я съ каторжными и казаками, въ пріемѣ первыхъ получилъ отъ г. Бароцци квитанцію; послѣднимъ же приказалъ отправиться обратно въ Илгинскій заводъ, и поскакалъ въ Иркутскъ.

Я забылъ сказать въ началѣ разсказа о нашемъ походѣ, что наканунѣ выхода нашего изъ завода я приказалъ всѣмъ рабочимъ, не исключая и находившихся еще за военнымъ карауломъ, собраться противъ моей квартиры, раздѣлиться на десятки и выбрать себѣ десятниковъ. Всѣхъ десятковъ было 15, но одинъ изъ нихъ вмѣсто 10 заключалъ въ себѣ 13 человѣкъ. Это все были Кавказцы, разныхъ племенъ. Когда все это они исполнили, то я призывалъ по очереди къ себѣ въ комнату каждый десятокъ, объясняя, что вмѣсто обычнаго препровожденія, подъ военнымъ конвоемъ, чрезъ Иркутскъ, до мѣста назначенія, этапнымъ порядкомъ, я могу вести ихъ прямымъ, ближайшимъ путемъ, безъ военнаго конвоя, если только они дадутъ мнѣ крѣпкое слово, что не убѣгутъ; если же убѣгутъ, то мнѣ придется за нихъ отвѣчать. Когда перебывали у меня всѣ десятки, то я вышелъ къ нимъ на улицу и повторилъ, уже всей партіи, то, что говорилъ каждому десятку порознь. Испытавъ раньше ходьбу по этапамъ, всѣ предпочли идти прямымъ путемъ и дали въ томъ, что не убѣгутъ, слово, которое и сдержали свято.

Ни въ одномъ изъ селеній, въ которыхъ мы имѣли ночлеги, ни въ Милославскомъ, въ которомъ, въ ожиданіи г. Бароцци, долго жили, не было ни на одного каторжнаго никакой жалобы. Единственное, въ чемъ ихъ заподозрили, это было бѣгство вслѣдъ за партіей, когда мы пошли въ Янды, трехъ или четырехъ (хорошо не помню) подражательницъ «прекрасной Елены». Когда я, сдавъ г-ну Бароцци партію, возвращался къ Милославской, то встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ тамошнихъ крестьянъ, ѣхавшихъ верхами за своими, по словамъ ихъ, убѣжавшими за партіей, дѣвицами. Желая успокоить ихъ, я сказалъ имъ, что въ партіи съ нами ихъ не было, а если они убѣжали стороной отъ дороги, то г. Бароцци на плоты съ собою бѣглянокъ не возьметъ. Выслушавъ меня, они однакоже все-таки поѣхали въ Янды. Чѣмъ и какъ кончились поиски ихъ, не знаю; потому что, перемѣнивъ въ Милославской только лошадей, я поспѣшилъ въ Иркутскъ.

Закончивъ разсказъ о нашемъ походѣ, съ хорошей его стороны, я не долженъ умолчать и о бывшихъ у насъ незначительныхъ неполадкахъ, которыхъ было всего три.

1. На одной изъ нашихъ въ дорогѣ, для завтрака, остановокъ, бойкій и сметливый Кузнецкій перехватилъ и представилъ мнѣ штофъ водки, передаваемый однимъ парнемъ изъ ямщиковъ одному каторжному, и ихъ обоихъ. Парню этому, для стыда и чтобы не было повадно другимъ, я приказалъ дать тотчасъ же три розги. Съ каторжнымъ же (котораго фамиліи теперь не помню) поступилъ иначе и для него тяжелѣе. Собравъ въ кружокъ всѣхъ принадлежавшихъ къ партіи женщинъ, я сказалъ имъ, что такой-то попросилъ у меня позволенія угостить ихъ, отдалъ имъ водку (водки въ походѣ женщинамъ не давалось) и приказалъ выпить за его здоровье, что̀ они, при мнѣ же, немедленно исполнили, при общемъ хохотѣ ихъ и зрителей. У виновнаго же, который все это слышалъ и видѣлъ, «по усамъ текло, да въ ротъ не попало».

2. На одномъ изъ ночлеговъ, когда я обходилъ по обыкновенію, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, всѣ помѣщенія, гдѣ размѣщены были рабочіе *), при входѣ въ одну большую избу, гдѣ было ихъ человѣкъ болѣе 20, меня рѣзко поразилъ запахъ водки, чего къ ночи, послѣ бывшаго днемъ обѣда, никакъ не должно было уже быть. Идя медленно по большой комнатѣ, въ которой стояли каторжные, я все внюхивался (въ молодости обоняніе у меня было превосходное), а они, видя это и при-

*) Мѣстами я говорю „каторжные“, а мѣстами „рабочіе“, какъ попадется; но это все одно и тоже. Дѣлаю эту оговорку, чтобы не ввести читателя въ недоумѣніе.

выкнувъ къ моему съ ними обращенію, говорили между собою, не стѣсняясь, такъ что мнѣ было слышно: «что́ это баринъ такъ нюхаетъ?» Я на ходу отвѣчалъ имъ: «а вотъ увидите что». Когда я, пройдя эту комнату, вошелъ въ другую меньшую (кутъ, загородка около печи), то здѣсь увидѣлъ одного изъ старостъ, Атаманчука, отъ котораго и пахло водкой. «А ну-ка, Филиппъ», сказалъ я, «дохни на меня». Оказалось, и онъ тотчасъ же сознался, что дѣйствительно пилъ онъ. Послѣдовала обычная моя расправа, а затѣмъ, уходя въ другую избу, я сказалъ: «ну, теперь узнали, что́ я нюхалъ». Повидимому, ихъ очень изумило, что я такъ скоро и легко нашелъ виноватаго.

3. Во время одной остановки на берегу Ангары, только что подали порцію, но еще не размѣстились для обѣда, я увидѣлъ, что кто-то изъ рабочихъ, раздѣвшись, кинулся въ воду и поплылъ на островъ, находящійся въ 30—40 саженяхъ. Оказалось что, это Филатъ Нестеровъ захотѣлъ показать свою удаль. Опасаясь, чтобы отъ холодной воды не сдѣлались съ нимъ судороги и онъ не утонулъ, я нѣсколько разъ крикнулъ ему, чтобы вернулся, но онъ все-таки переплылъ. Не желая спускать непослушаніе, я подошелъ къ водѣ, и когда онъ только что вышелъ изъ нея, то получилъ отъ меня надлежащую награду. Послѣ нея, опасаясь, чтобы продолжительное плаваніе и холодный вѣтеръ не имѣли для его здоровья вредныхъ послѣдствій, я приказалъ подать ему стаканъ водки, чѣмъ все кончилось.

Вотъ и всѣ, бывшія у насъ въ теченіе нашего похода неполадки.

Въ воспоминаніяхъ о Сибири 1848—1854 г. одинъ изъ лучшихъ, бывшихъ при Муравьевѣ людей, Б. В. Струве говоритъ о походѣ этомъ (стр. 38) такъ: «Ефимовъ, менѣе чѣмъ въ три недѣли, совершилъ этотъ переходъ. Съ пѣснями и весельемъ, бубнами и барабанами, онъ провелъ эту ватагу, и у него не было ни одного бѣглаго. Дѣло было сдѣлано безпримѣрно хорошо, и немалыя суммы сбережены».

Прибывъ въ Иркутскъ раннимъ утромъ 15 Мая, я тотчасъ же поѣхалъ къ Муравьеву, который, какъ сказалъ мнѣ встрѣтившійся близъ его дома Б. В. Струве (тогда чиновникъ при немъ особыхъ порученій) очень безпокоился о томъ, что не получалъ отъ меня никакихъ свѣдѣній. Когда же я вошелъ къ нему и доложилъ объ успѣшномъ исполненіи порученія сдачею всѣхъ каторжныхъ Бароцци, то онъ искренно обрадовался, обнялъ и благодарилъ меня, а затѣмъ сказалъ, что, тотчасъ по отъѣздѣ его, мнѣ опять придется ѣхать докупать оказавшееся нужнымъ количество хлѣба.

При разъѣздахъ по этому закупу, который былъ конченъ мною 16 Іюня, я бралъ съ собою другого изъ служившихъ при домѣ каторжныхъ—Ивана Бутылкина, а Тотурбекъ оставался дома. Вотъ въ этотъ мой выѣздъ и останавливался у меня въ домѣ преосвященный Нилъ. Вѣроятно Тотурбекъ ему понравился, потому что, когда того возвратили на родину, и онъ, по указанію моему, заходилъ къ преосвященному проститься, то получилъ отъ него очень хорошей работы финифтяный образъ Божіей Матери. Тотурбекъ, разсказывая о полученіи этого подарка, говорилъ, что Ильчеримъ (такъ онъ называлъ архіепископа) перекрестилъ его и подарилъ ему «патретъ».

Въ проѣздъ мой въ 1888 г. чрезъ Владикавказъ, который Тотурбекъ называлъ «капкай», я разспрашивалъ о немъ, но ничего разузнать не могъ. Жаль, что я не зналъ названія того аула, къ которому онъ принадлежалъ.

Не могу не разсказать еще слѣдующіе два случая. Зимою 1850 г. пріѣзжалъ ко мнѣ въ заводъ Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, чтобы ѣхать вмѣстѣ со мною въ Олонки, на свадьбу моего покойнаго брата, женившагося на дочери В. Ѳ. Раевскаго. Теперь уже не помню, два или три дня пробылъ у меня Михаилъ Сергѣевичъ *), а потомъ собрался возвратиться въ Иркутскъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ, видимо стѣсняясь изъ своей деликатности, сказалъ мнѣ, что въ числѣ мелкихъ денегъ, которыя лежали у него близъ кровати на столикѣ, былъ одинъ полуимперіалъ, котораго теперь нѣтъ, но что онъ хорошо не помнитъ и можетъ быть тогда, какъ онъ ложился, его уже не было, и онъ потерялъ его какъ-нибудь раньше днемъ. Я сказалъ ему, что вѣроятнѣе всего случилось послѣднее, а люди, которые служатъ, взять не могли. Когда онъ уѣхалъ, я разсказалъ объ этой потерѣ моимъ людямъ, что очень ихъ огорчило. Послѣ отъѣзда Михаила Сергѣевича, можетъ быть черезъ недѣлю, а можетъ быть и меньше, они пришли ко мнѣ и радостно заявили, что полуимперіалъ нашелся и который-то изъ нихъ его мнѣ подалъ. Оказалось, что его укралъ взятый незадолго до того мною мальчикъ-сирота, сынъ одного каторжнаго (Я взялъ его для услугъ по просьбѣ его матери). Я спросилъ его, и онъ сознался. Оставить этого мальчика у себя я уже теперь не могъ: прислуга моя просила уволить его, говоря, что онъ опять что-нибудь украдетъ, а подозрѣвать будутъ ихъ. Я считалъ себя не въ правѣ имъ отказать и отослалъ его къ матери.

*) Древнее княжеское достоинство возвращено ему тогда еще не было.

Въ концѣ зимы того же года, не помню уже по какому порученію, пришлось мнѣ поѣхать на нѣсколько дней по Иркутскому округу, и я, оставивъ хозяйничать въ домѣ по обыкновенію Цореова и Бутылкина, взялъ съ собою казака Звѣрева, человѣка бойкаго и хорошаго. Торопясь выѣздомъ изъ завода, я забылъ замкнуть комнату, въ которой на столѣ лежали бумаги, а на нихъ 1000 рублей. Когда я черезъ нѣсколько дней вернулся домой, то помянутые выше люди, сказавъ о моей забывчивости и объ оставленныхъ деньгахъ, передали мнѣ ключъ. Въ комнатѣ все оказалось на своемъ мѣстѣ, и деньги лежали, какъ и прежде. А ихъ, если бы оба каторжные захотѣли бѣжать и унести съ собою, было для нихъ слишкомъ достаточно, чтобы приписавшись гдѣ-нибудь подъ другими именами (что́ часто бывало) на поселеніе, обзавестись своимъ хозяйствомъ.

Большею частью все, что́ описано мною, было извѣстно Муравьеву и, какъ я полагаю, могло имѣть нѣкоторое вліяніе на измѣненіе присмотра или, точнѣе сказать, караула за каторжными и нѣкоторыя имъ облегченія, что́ будетъ видно изъ слѣдующаго.

1. Не помню хорошо, въ концѣ ли 1849 или началѣ 1850 г., но только зимою, пріѣхалъ въ заводъ и, по указанію общихъ знакомыхъ, прямо ко мнѣ, незнакомый еще со мною бригадный генералъ Павелъ Ивановичъ Запольскій. Онъ сказалъ мнѣ, что Муравьевъ поручилъ ему съѣздить въ оба завода и Тельминскую фабрику, чтобы узнать на мѣстѣ отъ начальствующихъ ими, нельзя ли уменьшить количество военныхъ карауловъ, а также нельзя ли изъ инвалидныхъ командъ обоихъ заводовъ взять, послѣ этого уменьшенія, часть годныхъ солдатъ въ другія мѣста. Говорю объ инвалидахъ собственно въ заводахъ; караулы же въ фабрикѣ содержались солдатами линейнаго баталіона, которые, конечно, всѣ были годны. Солдаты тогда были нужны по случаю предполагавшагося движенія на Амуръ. При этомъ Муравьевъ поручилъ ему прежде всѣхъ видѣться и обсудить все со мною, добавивъ, что я, по мнѣнію его, знакомый съ этимъ вопросомъ лучше другихъ, могу дать ему такія свѣдѣнія, которыми и должно уже руководиться относительно солеваренаго завода и фабрики. Затребовавъ отъ командира инвалидной роты свѣдѣнія обо всѣхъ военныхъ въ заводѣ караулахъ, Запольскій просилъ меня отмѣтить въ немъ, какіе именно изъ нихъ я нахожу возможнымъ отмѣнить совершенно, а какіе оставить. Я просилъ его оставить попрежнему всѣ караулы, которыми охранялись деньги и разное казенное имущество, а затѣмъ всѣ караулы за каторжными на разныхъ работахъ, какъ въ самомъ заводѣ, такъ и внѣ его (какъ то въ дровосѣкахъ, кирпичныхъ сараяхъ

и другихъ мѣстахъ) отмѣнить, оставивъ только одинъ при заводской тюрьмѣ (острогѣ), въ которой жили тѣ каторжные, которые не были освобождены еще отъ оковъ. На вопросъ его, чѣмъ замѣнится въ такомъ случаѣ военный караулъ, я отвѣчалъ, что десятниками изъ каторжныхъ же. Къ этому я добавилъ, что число побѣговъ, какъ думаю я, не увеличится, а солдаты не будутъ подвергаться отвѣтственности за упускъ изъ подъ своего надзора каторжныхъ, слѣдить за которыми въ сущности было невозможно, потому что одинъ солдатъ долженъ былъ, хотя и посмѣнно, наблюдать за 10 каторжными. Генералъ Запольскій, вполнѣ согласившись съ моими предположеніями, сказалъ, что доложитъ объ этомъ Муравьеву, когда кончитъ съ фабрикою и солеваренным заводомъ. Какъ былъ рѣшенъ вопросъ этотъ тамъ, не знаю. У меня же съ тѣхъ поръ, для надзора гдѣ бы то ни было на работахъ за каторжными, назначались десятники изъ каторжныхъ же. Они же, предъ началомъ работъ, приходили въ тюрьму и тамъ счетомъ получали отъ военнаго караула людей, разводили ихъ по работамъ и потомъ счетомъ же, по окончаніи работъ, ихъ сдавали. Само собою, при этомъ бывали и недочеты: кто-нибудь, а иногда и нѣсколько, оказывались бѣжавшими. Но число бѣжавшихъ, какъ я и предполагалъ, не только не превысило числа убѣгавшихъ при военномъ караулѣ, но было немного меньше. Вѣроятно, каторжные, берегли караульныхъ изъ своей братьи больше, чѣмъ караульныхъ инвалидовъ.

Опредѣлить въ точности % побѣговъ, не имѣя къ тому данныхъ, которыя всѣ сгорѣли во время пожара въ моемъ Томскомъ домѣ, не могу. Писать наобумъ, не помня хорошо, не желаю. Если я сказалъ, что побѣги при надзорѣ каторжныхъ были немного меньше, чѣмъ при надзорѣ за каторжными инвалидовъ, то собственно потому, что это мнѣ хорошо памятно по слѣдующему обстоятельству. Однажды отъ III-го отдѣленія главнаго управленія В. Сибири, за подписомъ начальника его Н. Е. Тюменцова, я получилъ увѣдомленіе, что, по приказанію генералъ-губернатора, дѣлается мнѣ, за значительные побѣги рабочихъ, замѣчаніе. Я находилъ, что начальникъ отдѣленія переступилъ за границу того, что ему дозволено закономъ, и рѣшилъ, пользуясь поѣздкою въ Иркутскъ, доложить объ этомъ Муравьеву. Для этого я приказалъ составить въ конторѣ завода сравнительную вѣдомость о побѣгахъ каторжныхъ за 2 или за 3 предшествовавшіе года, и именно за тѣ мѣсяцы, о которыхъ шла рѣчь въ сдѣланномъ мнѣ именемъ генералъ-губернатора замѣчаніи. Оказалось, какъ я сказалъ выше, побѣговъ меньше; но сколько %, не помню. Поѣхавъ въ Иркутскъ, я захватилъ съ собою, какъ эти свѣдѣнія, такъ и бумагу, которою сдѣ-

лано мнѣ замѣчаніе. Явившись къ Муравьеву, я доложилъ ему, что получилъ незаслуженное и несправедливое, именемъ его, замѣчаніе. Это его чрезвычайно удивило, и онъ, разсмотрѣвъ поданныя мною бумаги, сказалъ, пожавъ плечами, чтобы я оставилъ ихъ у него. Больше они ко мнѣ не возвращались, и тѣмъ кончился этотъ разговоръ со мною. Полагаю, что продолженіе его было уже съ Н. Е. Тюменцевымъ. Для меня было ясно, что Н. Е. Тюменцевъ не могъ еще отстать вполнѣ отъ *привычки* изображать изъ себя начальство. Привычки этой, во времена другихъ до Муравьева генералъ-губернаторовъ, придерживались многія изъ лицъ, близко къ нимъ стоявшихъ. Муравьевъ этого не терпѣлъ. Настоящій случай съ Н. Е. Тюменцевымъ былъ у меня второй и послѣдній. Больше этого не повторялось.

2. Осенью, если не ошибаюсь, 1851 года Муравьевъ пріѣхалъ ко мнѣ на заводъ часовъ въ 10 или 11 утра. День былъ чисто лѣтній, прекрасный. Онъ посѣтилъ острогъ, больницу, гауптвахту, всѣ производимыя постройки и работы, а потомъ, послѣ ранняго обѣда, мы вдвоемъ съ нимъ поѣхали на Ангару, откуда, черезъ деревню Жилкину, возвратились въ заводъ, уже другою дорогой. Отъѣздъ изъ завода онъ назначилъ на завтра раннимъ утромъ, говоря, что торопится для того, чтобы не опоздать пріѣхать въ селеніе Усть-Куду на свадьбу Елены Сергѣевны Волконской съ Дмитріемъ Васильевичемъ Молчановымъ. Назадъ тому года 3 или 4, видѣвшись въ Петербургѣ съ Еленой Сергѣевной, я спрашивалъ ее о днѣ свадьбы, и она сказала мнѣ, что это было 17 Сентября 1851 года. Значитъ, Муравьевъ пріѣзжалъ въ заводъ 16 Сентября 1851 г. Когда мы съ нимъ, отправляясь на осмотръ завода, вышли изъ комнаты во дворъ, то тамъ къ нему обратилась толпа просительницъ, каторжныхъ женщинъ, прося, чтобы онъ разрѣшилъ мнѣ не заковывать ихъ. Это его чрезвычайно удивило, и онъ, приказавъ просительницамъ дождаться, возвратился въ комнаты и спросилъ меня, чтó это значитъ. Я доложилъ ему, что хотя въ уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ изд. 1845 г. есть правило, что женщины, ссылаемыя на заводы, вмѣсто безсрочныхъ работъ въ рудникахъ, должны содержаться въ оковахъ ручныхъ и ножныхъ, но менѣе тяжелыхъ, но что я никогда ни одной не заковывалъ, да и не рѣшусь на это. Пользуясь этимъ случаемъ, я также доложилъ ему, что точно такое же отступленіе я дѣлаю относительно каторжныхъ мужчинъ. О нихъ, въ этихъ же правилахъ, сказано, что снятіе оковъ, когда это необходимо для работъ, должно быть также разрѣшаемо высшимъ мѣстнымъ начальникомъ, но только на время работъ; по окончаніи же ихъ заковывать вновь. Къ этому я добавилъ, что въ сня-

тіи въ этомъ случаѣ оковъ я руковожусь тѣмъ, что главный мѣстный начальникъ я, и поэтому полагаю, что отступленія отъ правилъ тутъ нѣтъ; но оно состоитъ въ томъ, что, разъ снявъ оковы, вторично заковывать въ нихъ я уже не приказываю, если только раскованный ведетъ себя хорошо. Расковываніе предъ работами и заковываніе послѣ нихъ заставляли бы кузнецовъ тратить по пустякамъ время, необходимое для другихъ заводскихъ работъ; а на того, надъ кѣмъ это будетъ каждый день производиться, не говоря уже о вредѣ для его ногъ, могли производить не только угнетающее, но и озлобляющее дѣйствіе: не зная, что это дѣлается по извѣстнымъ правиламъ закона, онъ могъ видѣть тутъ произволъ и надсмѣхательство надъ нимъ. Выслушавъ все это, Муравьевъ одобрилъ мои дѣйствія и сказалъ, чтобы я такъ поступалъ и впередъ, а затѣмъ сказалъ просительницамъ, что заковывать ихъ никто не будетъ. Всѣ онѣ, поблагодаривъ его за это, отправились кому куда слѣдовало; но изъ нихъ осталась одна, не принадлежавшая къ числу ихъ и пришедшая просить за своего мужа, который былъ въ тюремномъ навсегда заключеніи, въ отдѣльной камерѣ, при гауптвахтѣ, вмѣстѣ съ такимъ же другимъ. Оба они, находясь уже въ каторжной работѣ завода, сдѣлали, каждый порознь, убійства, были наказаны съ прикованіемъ къ стѣнѣ на пять лѣтъ на цѣпь, а по окончаніи этого срока оставлены навсегда въ тюремномъ заключеніи, и засталъ я ихъ, принимая заводъ. Одинъ изъ нихъ былъ холостой, а другой женатый и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Вотъ жена-то его, во время утреннихъ мнѣ рапортовъ служащихъ, приходила по крайней мѣрѣ два раза въ мѣсяцъ просить о пособіи, которыя я и дѣлалъ. Но главная просьба ея была отпустить изъ тюрьмы ея мужа домой. Не имѣя возможности исполнить этой просьбы, я говорилъ ей: «Дождись, когда пріѣдетъ генералъ-губернаторъ, и проси уже его. Онъ, можетъ быть, и выпуститъ». Когда пріѣхалъ Муравьевъ въ заводъ, то я послалъ ее позвать. Вотъ она и обратилась къ нему съ просьбою. Объяснивъ на вопросы его все дѣло, я сказалъ, что покажу ему ея мужа, когда будемъ осматривать заводъ, что́ и исполнилъ. Когда мы вошли въ ту камеру, гдѣ помѣщались означенные двое заключенныхъ, то Муравьевъ началъ ихъ разспрашивать, и тотъ изъ нихъ, который былъ холостой, произвелъ, видимо, на него непріятное впечатлѣніе. Послѣ него онъ обратился къ тому, за котораго просила его жена. Поговоривъ съ нимъ, мы вышли, и когда поѣхали дальше, то Муравьевъ началъ меня разспрашивать относительно того, можно ли его употребить на работу, и что не сдѣлаетъ ли онъ, если выпустить его, новаго преступленія. Я отвѣчалъ, что употреблять на работу, когда онъ по спискамъ считается въ тюрьмѣ, я, изъ опасенія, какъ

бы не произошло на работахъ какого-нибудь, хотя не отъ него, а отъ другихъ, несчастнаго случая, нахожу неудобнымъ; что уже, если выпустить его, то исключительно съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ дома и работалъ на семью. Того же, чтобы онъ сдѣлалъ опять какое-либо преступленіе, насколько я могъ узнать его, бывая за время управленія моего заводомъ (съ 1848 г.) довольно часто въ мѣстѣ заключенія, я не опасаюсь. Вотъ за товарища его, добавилъ я, не могъ бы ручаться; потому что каждый разъ, какъ вхожу къ нимъ въ камеру, мнѣ, можетъ быть и неосновательно, приходитъ, при его видѣ, мысль, какъ бы чѣмъ не ударилъ. Выслушавъ все это, Муравьевъ разрѣшилъ мнѣ выпустить семейнаго къ его женѣ и не употреблять на работы*). Уходя часовъ около 11 вечера спать, Муравьевъ повторилъ мнѣ свое приказаніе, чтобы отправить его часовъ въ 7, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ мнѣ приготовить и подать къ отъѣзду записку обо всемъ, что̀ я докладывалъ ему относительно каторжныхъ и о надобностяхъ завода. Все, что̀ было имъ приказано, я исполнилъ, и онъ уѣхалъ изъ завода раннимъ утромъ. Въ записку мою я включилъ просьбу о возвращеніи на родину, за оказанное усердіе къ охраненію казенныхъ денегъ, Тотурбека Цореова, который, по сношенію Муравьева съ намѣстникомъ Кавказа (кажется, тогда еще графомъ Воронцовымъ) и былъ, какъ сказалъ я выше, возвращенъ.

(Продолженіе будетъ).

---

*) Въ Илгинскомъ заводѣ я принялъ отъ предмѣстника и оставилъ, уѣзжая въ Александровскій, четверыхъ каторжныхъ, приговоренныхъ за повторенныя преступленія, къ прикованію къ стѣнѣ на разные сроки. Одинъ изъ нихъ былъ довольно грамотный, и я давалъ ему для чтенія вслухъ книги. Посѣщая часто ихъ камеру, я спрашивалъ ихъ, читаетъ ли товарищъ имъ то, что̀ я даю. Они благодарили меня за книги, а его за чтеніе, и говорили, что теперь имъ не такъ скучно сидѣть, какъ прежде. Я долженъ добавить здѣсь для характеристики вообще каторжныхъ, что какъ къ этимъ, такъ и вообще ко всѣмъ, содержавшимся подъ военнымъ карауломъ, для того, чтобы показать имъ довѣріе, съ которымъ отношусь къ нимъ, я входилъ всегда одинъ, не дозволяя входить за мною караульнымъ солдатамъ, и закрывалъ за собою дверь. Довѣріемъ этимъ они, видимо, были всегда довольны. Не разъ случалось мнѣ, пріѣхавъ вечеромъ неожиданно въ острогъ и войдя въ камеру, застать играющихъ въ карты или юлу (6 гранный волчекъ; на каждой изъ граней точки отъ 1 до 6; кого упалъ бо̀льшимъ къ верху числомъ точекъ, тотъ и выигралъ). Инвалиды были плохіе караульные, даже иногда попадались съ проносимою водкой; то и другое я отбиралъ, а участникамъ игры доставалось обычное возмездіе. Неучаствовавшіе въ этомъ обыкновенно надъ ними смѣялись. Точно такъ же, какъ юлу и карты, я отбиралъ при посѣщеніи ночью винницы отъ встрѣтившихся рабочихъ трубки, если они на ходу ихъ курили, разумѣется, иногда и не безъ обычнаго взысканія. Въ одинъ обходъ случилось отобрать трубки 3—4. Я приносилъ ихъ къ той жаровнѣ, около которой, какъ поставленной въ безопасномъ мѣстѣ для обогрѣванія рабочихъ, было разрѣшено мною курить. Принесенныя трубокъ я клалъ на огонь, а стоявшіе тутъ и курившіе рабочіе обыкновенно надъ тѣми, у которыхъ я отобралъ, смѣялись и говорили: „по дѣло̀мъ; не кури, гдѣ не велѣно“.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Н. С. СОХАНСКОЙ (КОХАНОВСКОЙ)

къ М. В. Вальховской *).

(13 Сентября 1876). При теперешнихъ обстоятельствахъ нашего общественнаго настроенія духа, такъ и хочется туда, гдѣ говорится, дѣйствуется, гдѣ все ожидаетъ съ напряженіемъ и волнуется святымъ братскимъ сочувственнымъ волненіемъ. Эти потоки родной Славянской крови омоютъ нашу душу отъ многихъ и многихъ сквернъ нашего послѣдняго матеріализма, невѣрія, безбожія. А Англія, а двуличная Австрія, а зять нашего Государя, командующій кораблемъ «Султанъ» и стоящій въ Безикской бухтѣ! Намѣренное или ненамѣренное это жало, но можно ли не чувствовать острія его?

(15 Сентября 1876). Цѣлый вчерашній день я не могла унять свое воображеніе, которое безпрестанно создало мнѣ умилительныя картины, что наша церковь съ священникомъ, съ дьякономъ, съ чудными Чудовскими пѣвчими уже прибыла въ станъ, и вотъ въ странѣ, осиливаемой Мусульманствомъ, совершается это торжественное поднятіе Христова Креста. И небо, и земля, и возвеличенныя мученичествомъ христіанскія сердца, все оглашается совокупнымъ моленіемъ: «*Спаси, Господи, люди Твоя*». Я совершенно согласна съ покойнымъ Иваномъ Васильевичемъ *(Кирѣевскимъ)*, что Русскій нашъ народный гимнъ именно долженъ быть *этотъ*, а не дѣланный и передѣланный «*Боже, Царя храни*». И въ «*Спаси, Господи*» есть царь, да еще благовѣрный государь; но прежде всего есть *людіе;* на нихъ призывается благословеніе Господне, и затѣмъ испрашивается побѣда на сопротивныя, и охраненіе всего знаменіемъ креста. Это самый великій народный христіанскій гимнъ, пѣснь Богу нашему, во всѣ дни торжествъ и бѣдъ народныхъ... А ка-

---

*) Письма Кохановской къ М. В. Вальховской далеко не сохранились во всей цѣлости; до насъ дошло только 86 писемъ, съ большимъ промежуткомъ въ годахъ. Въ Сентябрѣ и Октябрѣ 1866 г. Кохановская ѣздила на Волынь, съ цѣлію помочь бѣдному православному люду, страдавшему отъ Евреевъ; объ этой поѣздкѣ она напечатала рядъ статей въ газетѣ Аксакова „*Москва*“. *С. П.*

ковъ чудный воинскій кличъ нашихъ Русскихъ офицеровъ между Сербами: *«За мной, братья!»...*

(21 Октября 1876). Именно *«роковое свершилось!»*, какъ сказано въ депешѣ изъ Землина. Сербская армія упала духомъ, разсѣяна, бѣжитъ, отказалась повиноваться Черняеву; а мы все пѣли-пѣли свои дипломатическія ноты, пока Турція стянула свои войска изъ всѣхъ частей Азіи, Египта, и задавила подъ наши пѣсни несчастную Сербію....! А кровожадный Турецкій котъ все ѣлъ себѣ, да ѣлъ, пока не съѣлъ Славянскаго цыпленка. Слезамъ, и горю, и негодованію нѣтъ мѣры, какъ нѣтъ ея несчастію и потокамъ крови Славянъ. Какъ правовѣрнымъ Мусульманамъ не рѣзать и не презирать Христіанъ всѣхъ націй, когда одна Турція глумится (и по праву) надъ соединенными усиліями всѣхъ державъ Европы, которыя расточаютъ ей свои почтительныя увѣщанія; а она, ничему не внимая, водитъ ихъ за носъ, выигрываетъ себѣ время и дѣлаетъ, что́ она положила себѣ сдѣлать: до конца задушила своими непомѣрными силами Сербію и, теперь, торжествуя, можетъ принять миръ, какой *она* хочетъ, а не какой думали дать ей Европейскія державы. Господи, Господи! Одинъ Ты можешь исцѣлить сокрушенное и возстановить съ корнемъ погибшее!..

Извините меня, что я въ письмѣ къ вамъ изливаю бурю захватившихъ душу чувствъ скорби и негодованія... Грустно, печально, уныло!... Какъ будто проходишь посреди огня... А что́ сдѣлали (Турки) съ нашими Русскими офицерами! Раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ, ихъ обвертѣли соломою и сожгли. Вотъ смерть великихъ мучениковъ христіанства! Только въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовомъ такъ въ Римѣ Неронъ неистовствовалъ надъ Христіанами. Но вѣдь Неронъ, Римъ, былъ владыкою міра, а это въ XIX вѣкѣ совершаетъ презрѣнная Турція, и владычествующая Европа, не магометанская, а христіанская, видитъ это и знаетъ,—и не содрогнется, окаянная ненавистница Славянъ! Воздаждь ей, Господи, воздаяніе ея, которое воздала она намъ и братьямъ нашимъ! Нѣтъ силъ ни писать, ни думать о чемъ-либо: одна скорбь потокомъ заливаетъ душу... Господи, воля Твоя Святая да будетъ съ нами! *«Никтоже, притекаяй къ Тебѣ, тощъ отходитъ»;* но какое испытаніе Ты даешь намъ въ лицѣ нашихъ братьевъ: это знаешь Ты одинъ, Господи!..

(1876 г. Ноября 10). Переписываю вамъ почти все письмо, которое я посылаю въ Москву къ **N. N.**

«Да, великое время переживаемъ мы, и даже не человѣческое, а Божіе. Апокалипсическое избіеніе христіанъ, старыхъ и малыхъ, нечеловѣческія истязанія, муки, поруганіе ихъ! Оскверненіе всего, что́ только можетъ быть осквернено! Умерщвленіе младенцевъ еще нерож-

денныхъ, вырываемыхъ изъ утробъ матерей! Бойня людей, какъ скота, разсвирѣпѣлыми язычниками! Зарѣзываніе Христіанъ православныхъ (и только ихъ однихъ!) цѣлыми тысячами, селеніями, городами,—развѣ это можетъ быть *нашимъ* временемъ?! Оно есть острое обрѣзываніе символическихъ гроздовъ винограда на землѣ, есть *терпѣніе святыхъ*, соблюдающихъ заповѣди Божіи и вѣру въ Іисуса; слѣдовательно, не *наше* время, а Божія великая пора!

Читая вашу «Вѣчную память» павшимъ за любовь и вѣру братьямъ, мнѣ было такъ сочувственно понимать, что, при ужасѣ и недоумѣніи совершающихся событій, и вы, и я, мы заглядываемъ въ одно и тоже великое пророческое зеркало... Вы мнѣ говорите, вы не можете не говорить, о бурѣ народнаго чувства, пронесшагося надъ Москвою. Вы жалѣете, что меня не было съ вами 29-го Октября, въ средѣ этого, какъ сами вы называете, *стихійнаго* восторга, расколыхавшагося вѣчевымъ колоколомъ по Москвѣ, котораго звонъ отзовется на всю Россію... Да, отзовется! И далѣе Россіи — и даже отозвался у братьевъ Славянъ...

Съ какою сердечною болью, скорбью, со слезами на глазахъ, я пишу вамъ это, и такъ же, какъ вы, не могу не писать. Какъ же вы, Москва-то, Москвичи, передовые Россіи, восторгаясь будто за братьевъ, ликуя свою любовь къ нимъ, воспѣвая правду Божію и братскій союзъ креста... Господи, помилуй насъ!... Какъ же мы, въ это самое время, добили, дорѣзали, не до конца вырѣзанныхъ Сербовъ! Сдѣлали то, что̀ самый заклятый врагъ ихъ, Турція, не могъ имъ сдѣлать: мы ихъ опозорили несмываемымъ позоромъ...

«Черногорцы показали себя въ этой *неравной борьбѣ*, какъ всегда, истинными героями. *Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о Сербахъ*, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за Славянское дѣло» *).

Кому, на что были нужны эти жестокія, несчастныя, не усомнюсь назвать прямо, несправедливыя слова?... А развѣ для Сербіи это была *равная* борьба? Горстка людей, вчерашнихъ поселянъ, на пространствѣ любой нашей губерніи, и четыре мѣсяца сряду выдерживать сраженія, пораженія, неустанный бой съ полчищами Азіи, Африки, всѣхъ соединенныхъ силъ Турецкой имперіи! Да былъ ли еще въ исторіи примѣръ подобной стойкости? Хотя бы вспомнили недавніе Седанскіе

*) Строки эти въ подлинномъ письмѣ *закапаны слезами* въ минуту писанія. *С. П.*

позоры и сдачу Меца... 104.000 войска и 250 пушекъ навалились на 28.000 человѣкъ!..

Послѣ вашихъ *стихійныхъ* восторговъ, вотъ гдѣ наше *разумное* горе!

Кто этотъ убійственный врагъ, хитрая лисица, подкравшаяся къ бѣдному курятнику Славянства и подсказавшая эти братоубійственныя слова? Вѣдь подобныхъ рѣчей не говорятъ экспромтомъ... Что это вышло не изъ редакціи Горчакова, можно замѣтить изъ его циркулярной депеши, въ которой онъ какъ бы именно старается притушить огонь этихъ (опять скажу) *несчастныхъ* словъ, указывая на то, что пока нашъ государственный концертъ въ Ливадіи все пѣлъ и пѣлъ свои протяжныя ноты, Турки собрали отовсюду войска и раздавили Сербовъ, какъ копыту слона нельзя не раздавить куринаго яйца, прибавлю я отъ себя. И скажу еще, потому что, разъ начавши, не могу не высказать всего, что́ есть на душѣ. «Наши добровольцы *поплатились кровью* за Славянское дѣло»... Какое неблагородное, унижающее выраженіе,— мысль о *платѣ* тамъ, гдѣ дѣло шло о *жертвѣ* братской, народной любви. Повѣрьте, что всею совокупностью этихъ словъ Сербія принесена въ жертву Австріи. Австрія прогнѣвалась за провозглашеніе Сербіи *королевствомъ* и объявила, что она не допуститъ образованія у себя на границѣ 3.000.000 Славянскаго единенія, и вотъ Россія поворотилась къ Сербіи спиною, но прежде еще плюнула ей въ истомленное, окровавленное лицо...

Простите ѣдкую горечь этихъ словъ: вотъ жатва вашихъ *стихійныхъ* восторговъ. Если бы не слезами, а кровью можно было смыть тѣ бѣдственныя слова, я была бы изъ первыхъ, чтобы предложить свою... Грустно, скорбно... Весь энтузіазмъ по Сербіи потушенъ, загасъ... Я совсѣмъ не своя. Душа болитъ, и сердце щемитъ, и все нравственное существо волнуется и негодуетъ...

А какой адресъ представило Московское дворянство! Ни силы выраженія, ни силы пониманія великаго дѣйствія настоящей минуты! И это ничтожество еще болѣе выступаетъ наружу при монументальности адреса отъ городского общества Москвы. Какой языкъ силы и непобѣдимаго убѣжденія! *Всегда, вездѣ, на всѣхъ путяхъ, высоко, честно и грозно пребудетъ съ тобою великое имя Россіи, и да перейдетъ слава Царя Освободителя далеко за Русскій рубежъ, на благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во славу истины Божьей.*

Читайте этотъ нескрываемый пылъ правды моей души; но онъ *не для многихъ*. Вы это хорошо поймете.

(1876 Ноября 25). Вы прочли адресъ Чешскаго Общества, адресъ удивленія и благодарности нашимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Комитетамъ, Московскому и Петербургскому, какъ представителямъ

нашей общественной благотворительности въ пользу Славянъ. Какъ ни многозначительно подобное свидѣтельство и указаніе *вчужѣ*, но я люблю основываться на *своихъ* прямыхъ Русскихъ данныхъ. Къ кому Черняевъ во всѣхъ своихъ нуждахъ обращался прямо, безъ фразъ,— «*нужно то и то: церковь, пѣвчіе, сапоги, шинели*», не къ Московскому ли Славянскому Комитету? Вотъ *наше* несомнѣнное доказательство. Откуда черпалъ *Черняевъ*, съ довѣріемъ, съ простотою Русскаго человѣка, вложившаго душу свою въ святое братское дѣло? *Тотъ* колодезь и слѣдуетъ намъ наполнять, тѣмъ болѣе, что мы именно въ руки Черняева желаемъ сердечно передать все наше, что́ мы приносимъ на пользу Славянскаго дѣла. Итакъ, всѣ деньги, что́ вы можете имѣть на святую жертву, шлите ихъ прямо въ Московскій Славянскій Благотворительный Комитетъ. Пожертвованіе же вашего Владимира *) такъ важно для него и для самого Черняева, какъ главы Славянскаго дѣла, что съ нимъ нужно повременить, пока Черняевъ возвратится изъ Вѣны и, такъ-сказать, опредѣлится въ своемъ новомъ фазисѣ Славянской борьбы, чтобы это завѣтное приношеніе ребенка не подверглось никакимъ случайностямъ, а какъ великій знаменательный даръ того нравственно-воспитательнаго движенія, которое совершаетъ Славянское дѣло въ нашемъ обществѣ, этотъ дѣтскій золотой палъ бы въ самую *первую* руку, протянувшуюся на братскую защиту Славянства. Мнѣ говорили, что въ Моск. Вѣдомостяхъ было напечатано прелестное письмо Черняева *къ молодымъ его друзьямъ*, гимназистамъ, кажется, одной изъ Одесскихъ гимназій, которые послали ему Крестъ и Евангеліе, прося его передать это въ одну изъ разоренныхъ, самыхъ бѣдныхъ Сербскихъ или Болгарскихъ церквей. Видно, что душа великаго труженика отдыхала въ прелестно-сердечныхъ, простыхъ, освѣжительныхъ строкахъ, которыми онъ завѣщалъ своимъ молодымъ друзьямъ продолжать и совершить Славянское дѣло. И по тому можно судить, какъ высокъ будетъ по цѣнѣ для Черняева золотой Владимира, въ пору всяческихъ дрязгъ и клеветы. Нѣтъ, *не медлите*, а посылайте прямо въ Славянскій Комитетъ, на имя члена-распорядителя г. Попова. Объясните ему въ письмѣ семейную драгоцѣнность жертвы и просите доставить прямо въ руки М. Г. Черняева. Обозначьте вашъ адресъ, и вы получите отвѣтъ изъ Комитета. Я посылала уже отсюда 40 р., жертвованныхъ копѣйками, и получила отвѣтъ, безъ всякаго желанія и домогательства получить отвѣтное увѣдомленіе. Итакъ, вмѣстѣ съ другими деньгами высылайте и золотой; пусть онъ идетъ, какъ высо-

*) Малолѣтняго внука М. В. Вальховской. *С. П.*

кая память достойнаго дѣда [1]), пересаженная въ живое чувство малолѣтняго внука. Скажите Владиміру, что я кланяюсь ему низко и прошу позволенія поцѣловать его въ голову.

Благодарю васъ премного за стихи Тургенева:

„Нѣтъ, ваше величество! Вамъ уже не смыть
Той крови невинной во вѣки!“ [2]).

И теперь быть или не быть войнѣ—виситъ на волоскѣ, и этотъ волосокъ въ рукахъ Англіи. Отвратительная, предательски-барышная, она всячески пресмыкалась предъ Бисмаркомъ, чтобы подкупить его противъ Россіи; но, кажется, со стыдомъ должна была зажать въ руку свою взятку, которую она было предлагала Германіи, и поплестись въ Константинополь на конференцію, какъ говорится по-русски, не солоно хлебавши.

А что касается до убѣжденія, что «нечего волноваться, что если Богу угодно, то такъ или иначе, а Славяне будутъ освобождены», безъ всякаго сомнѣнія! Если мы умолкнемъ, то камни возопіютъ. А для чего же даны таланты: кому пять, кому два, кому одинъ, судя по силѣ каждаго, и велѣно *дѣлать въ нихъ*, т.-е. дѣйствовать по ихъ назначенію? И за что же наказанъ тутъ недостойный слуга, который *ничего худого* не сдѣлалъ, а только *бездѣйствовалъ* своимъ талантомъ, наказанъ не только отнятіемъ у него таланта и отдачею тому, кто болѣе дѣйствовалъ и болѣе пріобрѣлъ, а извержeніемъ его, какъ лѣниваго и нерадиваго раба, въ тьму внѣшнюю изъ славы и радости духовнаго царства? Нѣтъ, мы всѣ должны дѣйствовать всѣмъ существомъ нашимъ: волноваться, скорбѣть, желать, ожидать, молиться и дергать корпію, если ничего другого наши немощныя руки не въ состояніи болѣе дѣлать. Россія имѣетъ великій талантъ, данный ей: эту страшно-сплотившуюся 80-милліонную силу. На что другое она можетъ, и должна, и опредѣлена употребить ее, какъ не на защиту отъ убіенія, отъ истребленія, отъ оскверненія своихъ одноплеменныхъ, однокровныхъ, единовѣрныхъ братьевъ? На что же она считается старшею въ Славянскомъ родѣ? Если она не исполнитъ этого своего назначенія, страшно сказать: она будетъ проклята, какъ та смоковница, не принесшая своего плода. И такъ, мы всѣ, великіе и малые, призываемся потрудиться въ этомъ святомъ нашемъ и братскомъ дѣлѣ; будемъ, какъ рабочія пчелы одного большого улья. И когда Господь Богъ благословитъ совершиться этому сладчайшему соту—освобожденію братьевъ

[1]) Т.-е. Владимира Дмитріевича Вальховскаго. Это извѣстный Кавказскій генералъ, по Лицею товарищъ Пушкина. П. Б.

[2]) Изъ его стихотворенія „Крокетъ въ Виндзорѣ“, см. Полное собраніе сочиненій Тургенева, изд. Маркса. 1898, т. IX, стр. 273. *С. П.*

изъ пятивѣкового мучительства, чтобы мы имѣли тогда радость любви сказать себѣ съ умиленіемъ: «*И моего здѣсь меду капля есть!*»

Я сейчасъ изъ собора [1]). Служили оба архіерея напутственный молебенъ выступающимъ полкамъ. Господь да благословитъ, Господь да помилуетъ ихъ, Господь да управитъ путь ихъ предъ лицемъ Своимъ!

(1876 Декабря 16). Мы всѣ въ томительномъ ожиданіи: что будетъ? Чѣмъ кончатся эти слова, слова, одни слова?[2]) И въ промежутокъ этого времени я стараюсь кончить свои замѣтки по Крыму [3]).

(1877 Марта 16). Вы говорите, что Россія стоитъ наканунѣ своего великаго предназначенія. Развѣ у васъ, въ Москвѣ, есть другіе слухи, кромѣ газетъ? А по газетамъ, Россія стоитъ наканунѣ позорнѣйшаго мира, что эта гора породитъ мышь, что это—синица съ оборваннымъ хвостомъ, которая хвалилась зажечь море и которой выщипали хвостъ благопріятели, и она, захлебываясь въ своемъ позорѣ, двинется во-свояси. Нѣтъ! Всѣ святые! Да будетъ *нѣтъ!* Да мимоидетъ насъ эта чаша позора, наполненная братской кровью и предлагаемая намъ съ язвительнымъ хохотомъ всей заграничной печатью. Говорятъ такъ: что тотъ, кто имѣетъ въ Россіи властительное право хотѣть или не хотѣть, во что бы то ни стало не хочетъ войны; что ему предсказала какая-то гадальщица, что если начнется война Восточная, то она будетъ несчастлива и *смерть его въ ней...* Мало ли у Россіи и у Славянства враговъ, чтобы сумѣть подставить эту гадальщицу, съ ея прорицаніями!..

Вотъ мысли, желанія, упованія и страданія, которыми теперь, какъ въ мукахъ рожденія, болитъ всякая Русская душа. И благо ей, что болитъ этими муками она. Она пріобщается, эта душа, страданіямъ мучениковъ и можетъ получить награду ихъ, по тому непреложному обѣтованію: «*пріемляй пророка во имя пророка, мзду пророчу пріиметъ*». А принимающій къ сердцу мученическія страданія братьевъ, онъ ли не приметъ на душу то *неописанное,* что обѣщано мученикамъ?

(1877 Ноября 22). Благодаря прошлогодней и нынѣшней нашей святой и великой войнѣ, нашъ общественно-нравственный воздухъ очистился. Въ «Народной Помощи» прекрасно сказано, что «эти подвиги любви и мужества, которые явила эта война, не даромъ совершаются. Они искупаютъ грѣхи цѣлыхъ поколѣній; они даютъ смыслъ и цѣну истощившейся жизни; они сѣютъ на будущее время сѣмя великой нравственной силы въ народѣ». Да, если въ экономіи... (не хочу этого

---

[1]) Въ это время Н. С. Соханская была въ Харьковѣ, гдѣ прожила Сентябрь, Ноябрь и Декабрь. *С. П.*

[2]) Изъ стихотворенія Пушкина. „Не дороги цѣню я громкія права.“ П. Б.

[3]) Лѣтомъ этого 1876 года Н. С. Соханская ѣздила въ Крымъ. *С. П.*

иностраннаго слова, а скажу такъ): если въ домостроительствѣ вселенной и упадшій листъ съ дерева не теряется безплодно, а уносится иногда очень далеко, чтобы истлѣть и утучнить собою почву: то можетъ ли это великое паденіе столькихъ жертвъ, это многомощное сотрясеніе Русскаго державнаго дерева, осыпавшаго, подъ бурею войны, столько не зеленыхъ листьевъ, а дорогихъ жизней, можетъ ли оно нравственно не утучнить всего великаго поля, называемаго духомъ общественной жизни? Оглянитесь вокругъ, чтобы видѣть, сколько душъ очистилось страданіемъ, сколько сердецъ умилилось скорбію, сколько рукъ святится служеніемъ раненымъ и больнымъ! Вотъ она, благодатная жатва, собираемая ангелами и архангелами съ великихъ бѣдствій человѣческой войны.

Есть слухъ, что Москва (послѣ смерти Сергія Максимиліановича) посылала депутацію къ Государю, съ всеподданнѣйшею просьбой, чтобы Его Величество не вдавался въ опасность и чтобы, по крайней мѣрѣ, Наслѣдника уберегалъ отъ нея, на что Государь будто бы отвѣчалъ такъ: «Вѣдь Москва сама хотѣла этой войны. Она меня почти принудила къ ней, и теперь, что бы ни случилось, скажите Москвѣ, я не отступлю до конца!» Прекрасныя, сильныя, вполнѣ слова Русскаго Царя, но были ли онѣ говорены?—вотъ вопросъ! *)

Очень просятъ для раненыхъ—*кисетовъ* ситцевыхъ, яркихъ, пестрыхъ; ничто не доставляетъ такого удовольствія, какъ хорошенькая трубочка и пестрый, яркій кисетъ. Я на дняхъ отправила въ Харьковъ, въ Красный Крестъ, для слѣдованія въ Яссы, большой тюкъ солдатскаго бѣлья; но о *кисетахъ* я тогда не знала и очень жалѣю, и потому сообщаю вамъ. Для праздничнаго подарка какая радость солдату, не избалованному радостями жизни!

Насъ было совсѣмъ заплевали въ Европѣ, но Карсъ окончательно утеръ эти ядовитыя слюни. Наконецъ выясняется, что это за войска, которыхъ такъ много шлетъ Египетъ на помощь султану. Это—Англія, въ знакъ своего нейтралитета, подвозитъ изъ своей Индіи... Что дѣлаютъ наши консулы въ Египтѣ? Что дѣлаетъ нашъ генералъ-адмиралъ, не имѣя изъ Балтійскаго флота ни одного крейсера въ Средиземномъ морѣ, чтобы помѣшать этой перевозкѣ войскъ нейтральной державою?

(1878 Іюня 22). Вѣсти доброй и веселящей душу нѣтъ, которою бы сердце рвалось подѣлиться и порадоваться вмѣстѣ. Все такъ уныло и боязливо хоронится внутри, не зная, чѣмъ это нескончаемое томле-

*) По словамъ Сербскаго посланника Протича (нашего товарища по Московскому университету), покойный Государь Александръ Николаевичъ сказалъ ему (въ 1879 г.), что онъ беретъ назадъ свои слова о Сербахъ, о чемъ и было сообщено Протичемъ въ Бѣлградъ. П. Б.

ніе разрѣшится. Послѣднее время я не могла читать газетъ: эти толки о конференціи, о нашей уступчивости; сегодня миръ съ Англіей наканунѣ новой войны съ Турціей; завтра—миръ съ Турціей наканунѣ неизбѣжной войны съ Англіей и Австріей;—это положеніе между молотомъ и наковальнею до того разбивало душу, что я брала въ руки новый нумеръ газеты и не могла читать... За это время какія двѣ крупныя неожиданности создались: нашъ добровольный флотъ и раны 80-лѣтняго Германскаго императора. Стрѣляютъ дважды: рабочій и *докторъ философіи!* Есть надъ чѣмъ призадуматься хитроумной головѣ Бисмарка. Теперь желѣзная рука сумѣетъ придавить голову этой распущенной въ Европѣ интернаціоналки, съ которою только наше правительство принуждено было считаться у себя.

(1878 Августа 7). **Sic transit gloria mundi**; кажется, такъ пишется по-латыни, чтобы дать разумѣть по-русски: какъ преходящи слава и величіе здѣшняго міра. Старшій сынъ Б. поступаетъ въ *реальную* гимназію. Я видѣла этого разбойника-мальчишку, вопервыхъ, съ жадностію схватившаго обѣими руками сухари къ кофе такъ много, что они выпали изъ рукъ на полъ, и онъ, не могши взять сухарь руками, которыя были полны, какъ собаченка, взялъ его съ полу зубами, и такимъ образомъ, въ рукахъ и въ зубахъ съ хлѣбомъ, направился за Англичанкою къ столу. Это одна знаменательная картина свѣтлаго младенчества; а другая—не знаю, хуже или лучше. Этотъ птенецъ дворянскаго гнѣзда сидѣлъ за столомъ между матерью и дядею, который (какъ выражался самъ онъ) боготворитъ этого ребенка, а это боготворимое нѣжное дитя схватило ножъ въ руку и швырнуло имъ чрезъ столъ прямо въ Англичанку, и ни дяденька, ни маменька ни словомъ, ни взглядомъ, не видали и не замѣтили, что̀ сдѣлало милое дитя. Но, вѣроятно, мой ужасъ, и изумленіе, и негодованіе слишкомъ ясно выразились на моемъ лицѣ, потому что мы встрѣтились съ Англичанкой глазами и безъ словъ поняли другъ друга. «Видите вы, что̀ дѣлается», сказала она мнѣ съ гордой печалью. И сдѣлалось, что этотъ первенецъ, сынъ двухъ камеръ-юнкеровъ, отца и дяди, поступаетъ въ реальную гимназію. Рожденный будто орленокъ садится въ воронье гнѣздо.

(1878 Августа 26). День срѣтенія Владимірской Божіей Матери, спасшей древнюю Москву отъ какого-то изъ Татарскихъ погромовъ, день Бородинской битвы, день паденія Севастополя, день коронованія на царство родившагося въ Москвѣ Освободителя Русскаго народа,—великій день! Но я праздновала его болѣе памятію столькихъ убіенныхъ воиновъ. О нихъ молитва, о нихъ моленіе! И вспомнилось мнѣ Севастопольское стотысячное (кладбище), и братскія цвѣтущія могилы. И какъ желалось душѣ и сердцу побыть этотъ день тамъ, на этомъ

полѣ смерти, и слышать *вѣчную память*, воспѣваемую въ духѣ вѣры и любви! И я не лишена была этой празднующей отрады и насладилась ею вполнѣ. «*Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышится*». И я несомнѣнно вѣрую, что мой скорбный и слабый молящійся голосъ былъ услышанъ въ великомъ Божіемъ гласѣ, говорящемъ душамъ усопшихъ: «Отнынѣ блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ. Ей, говоритъ Духъ, онѣ успокоются отъ трудовъ своихъ». Какъ-то ближе и роднѣе становится небо, когда чувствуешь и знаешь, что тамъ много близкихъ и родныхъ своихъ. Но довольно о свѣтлыхъ тайнахъ неба въ такомъ маленькомъ письмецѣ!

....Получила письмо отъ Соловьева. Онъ слышалъ про сочиненіе *(О Духѣ)* Харузина († 1878) и искалъ его, и вдругъ оно является ему изъ степи, изъ дали неизвѣстнѣйшей. Духовныя воззрѣнія Соловьева меня привели въ ужасъ, на сколько онъ ихъ высказалъ въ письмѣ. *Реализировать Бога въ природѣ*, т. е. существо, духъ тончайшій, незримый, неисповѣдимый, всякую тѣлесность создавшій изъ ничего, однимъ Своимъ Божественнымъ изволеніемъ, пребывающій превыше всего видимаго и невидимаго человѣческимъ глазомъ и разумомъ, духовное существо, живущее въ свѣтѣ неприступномъ для какой бы то ни было плотяности, сущее въ непостижимомъ для человѣческаго разумѣнія тріеличномъ единствѣ Бога (Одного нераздѣлимаго и Трехъединаго), и этого Великаго Бога искрошить философски на кусочки и осуществить Его въ видимой природѣ, т. е. оземленить Всевышняго Творца, Котораго все небо—только престолъ, а земля, одно подножіе ногъ Его! И это еще слишкомъ большая честь для земли, потому что астрономія знаетъ и говоритъ намъ, какая незначительная планета наша земля въ числѣ другихъ тѣлъ небесныхъ. Вотъ всей этой страницы я и не думала писать вамъ, и она будто сама написалась къ слову о Соловьевѣ. Я живу прекраснѣйше, въ тиши, въ довольствѣ своего труда, который, слава Богу, движется впередъ, надѣляя меня наслажденіями выше всякой обыденной радости. Какъ весело будетъ, если Господь дастъ увидѣться съ вами на праздникахъ и побыть въ вашей живой человѣческой семьѣ, послѣ міра фантазіи, который однако я стараюсь довести до совершенной жизненности *).

(1879 Мая 2). Что вамъ сказать о себѣ? Нехорошее состояніе духа. Все раздражаетъ и печалитъ душу. Какими ужасами наполнены наши дни! Вотъ наша золотая молодежь! И что съ нею дѣлать? И какъ исцѣлить это извращеніе душевныхъ силъ и обуяніе ума? И строгостію,

*) Рѣчь идетъ о романѣ „*Степная Барышня*“, который Н. С. Соханская не успѣла ни окончить, ни обработать что написано. С. П.

и милостію, и благостію, и свободою всѣмъ дѣйствовали, и только вызвали инстинкты звѣря въ считающей себя европейски цивилизованной молодежи нашей. Истинно, вотъ тьма-то безъ вѣры и святыни, тьма, которая у насъ сдѣлалась *тьма кольми*, и задушаетъ всѣ прирожденные инстинкты человѣческой души. И не содрогнулась нечестивая, окаянная рука убійцы ни передъ лицемъ царя своего народа, ни передъ днемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. *Иже Единъ, окаянныя моея души недугъ и всея исцѣленіе вѣдый:* припомнились мнѣ слова одной изъ молитвъ при каѳизмахъ Псалтыря *), и эти слова должны быть воплемъ нашего общественнаго, торжественнаго покаянія. Не безъ корней же выросли эти убійственные плоды на деревѣ нашей великой Россіи, называвшейся нѣкогда *Святою Русью* и терпя потерпѣвшей полустолѣтнее царствованіе Грознаго безъ того, чтобы поднялась рука или появился замыселъ убить этого страшнаго кровопійцу, убивавшаго тысячи и десятки тысячъ невинныхъ всякаго пола и возраста и званія. Мы пожинаемъ, что посѣяло наше отступничество отъ народныхъ основъ и преданій и что оно пріобрѣло намъ въ такъ называемой Европейской цивилизаціи. Я вамъ привезу брошюру Цитовича, логически и исторически показывающую, откуда народились эти страшные ядовитые грибы нашего общественнаго строя.

(1879 Іюня 13). Писать не пишу, а читать есть что: я выписываю «Русскій Вѣстникъ» и «Недѣлю», которая была запрещена на три мѣсяца и теперь пуста совершенно безсодержательною пустотою, и высылаетъ, взамѣну, вѣроятно, содержанія своего, книжки повѣстей и романовъ; а я, не смотря на свои сѣдѣющіе волосы, все-таки люблю и люблю живопись человѣческаго сердца въ жизненныхъ картинахъ художественнаго слова. Вотъ вамъ неожиданно кусочекъ моей душевной исповѣди!

(1880 Марта 16). Французское правительство не выдало Гартмана. Это возмутительно! Къ какой же политической партіи принадлежитъ онъ, чтобы имѣть военно-непріятельское право взрывать цѣлый поѣздъ желѣзной дороги?..

(1880 Марта 26). Въ с. Савинцы наѣхало цѣлое медицинское отдѣленіе, съ двумя сестрами милосердія, лѣчить дифтеритъ. И Господи! Что это за безтолчь, неразуміе, непоминаніе и наше обычное Русское самовластіе: *Мы начальство! Что хотимъ, то дѣлаемъ!* Народъ въ сильнѣйшемъ негодованіи, и ежели не выгонитъ эту медицину дубьемъ, такъ это будетъ чудо народной выносливости. Для начала, можете себѣ представить такой опытъ и его впечатлѣніе на народъ: господинъ

*) Послѣ 9-й каѳизмы.

докторъ, по какимъ-то новѣйшимъ пріемамъ лѣченія дифтерита, взялъ да и вырѣзалъ дифтеритную опухоль у ребенка! И еще не успѣлъ помыть рукъ, какъ ребенокъ умеръ. Понятно чувство простого вѣрующаго отца и другихъ отцовъ и матерей, которые въ одинъ голосъ вопіютъ: «пускай же наши дѣти умираютъ, коли имъ такъ Богъ судилъ; а мы не дадимъ, чтобъ нашихъ дѣтей мучили и рѣзали на нашихъ глазахъ!» Медицинскому начальству, конечно, за обиду стало: «какъ смѣть такъ говорить!? Неучи! Въ холодную ихъ, на хлѣбъ на воду!» Этими ли мѣрами просвѣщенная наука должна помогать народному бѣдствію? И что же вышло? Не только старики, но и сами больныя дѣти, какъ только заслышатъ колокольчикъ, прячутся на печь и со слезами кричатъ: «У меня ничего не болитъ, ай-ай! не болитъ!» Для примѣра выкуриванія заразы совсѣмъ разорили человѣка въ его хатѣ. Не говоря о другихъ вещахъ, на стану было полотно (и еще чужое) у бѣдной женщины; посрывали, повыкидали на дворъ; въ хатѣ полъ взрыли; сидѣла гусыня на яйцахъ—и ту выкинули. «Якъ Татаре перешли!» сказывалъ мнѣ все это толковый, хорошо разумѣющій свое по своему мужикъ. А какъ же съ людьми, съ хозяевами этой хаты поступили медицинскіе Татары? Вывѣтривать ихъ прямо на улицѣ, при теперешней погодѣ, старыхъ и малыхъ, конечно, должно было показаться несовмѣстно. Ихъ *перевели къ сосѣдямъ!* Спрашивается: въ комъ сильнѣе могла затаиться зараза? Въ матери ли съ отцомъ, которые, по народному выраженію, *убивались* вокругъ своего умирающаго дитяти, или въ гусынѣ, сидѣвшей неподвижно въ самомъ дальнемъ и укромномъ углу? О, Господи, куда дѣвается у нашихъ ученыхъ простой здравый смыслъ! Вотъ настоящій основной критеріумъ, который сказалъ мнѣ все тотъ же мужикъ: «А жалованье, кажуть, имъ велике йде.. Се-бъ то за помочь? А какая отъ нихъ буде помочь? На что вчера великій праздникъ былъ Благовѣщеніе! Служеніе въ Божьемъ дому уже такое шло, мало какъ не на самый свѣтлый праздникъ; а ихъ, лѣкарей, ни одного не було въ церкви! Я нарочно приглядался: ни самого лѣкаря, ни тыхъ лѣкарокъ не було!...»

(1880 Іюля 22). Хотя я не съ вами, но сердце мое при васъ всѣмъ сердечнымъ пожеланіемъ вамъ всѣхъ тѣхъ осеннихъ благъ жизни, которыми еще дорога̀ бываетъ она въ любви, преданности и радости обѣ окружающихъ насъ въ родной и дорогой семьѣ. Я поручаю Машенькѣ-внучкѣ крѣпко и крѣпко обнять свою бабушку и поцѣловать ее живьемъ, радостнымъ, свѣтлымъ и смѣлымъ поцѣлуемъ родного сердца за меня чужую и далекую.

Повторяю: хотя я и не съ вами, но безъ празднованія я не оставляю этотъ день Маріи Магдалины, такъ давно и такъ по праву со-

ставляющій большой праздникъ нашей царской семьи. И вотъ сегодня первый разъ, что нѣтъ ея, усопшей Императрицы, на ея великомъ семейномъ праздникѣ! Какъ грустенъ долженъ показаться этотъ день Государю и Маріи Александровнѣ дочери! Не Англійская свекровь замѣнитъ ей Русскую царицу-мать. *Учрежденіе Краснаго Креста*—вотъ истинный, болѣе нежели золотой крестъ на могилѣ покойной Императрицы. Дай Богъ ей царство на небеси, какъ она царствовала на землѣ! Вѣдь она, моя личная благодѣтельница. У меня два образа ея благословенія, и былъ ея царскій даръ, присланный мнѣ за *Кириллу Петрова*. Не помню, случалось ли мнѣ сказать вамъ, что это была большая брошь—сапфиръ, осыпанный крупными брилліантами съ рубинами и изумрудами. И именно эта пестрота мнѣ совершенно не понравилась; да и мнѣ ли, въ моей Макаровкѣ, на что и для кого хранить было такую вещь, когда у меня шубы не было? И вотъ я сдала эту брошь въ кабинетъ подарковъ и, кажется, получила за нее 700 или 800 р., не помню хорошенько, и сдѣлала себѣ у придворнаго поставщика великолѣпную шубу, тоже хотя бы и не для Макаровки. Мѣхъ и воротникъ ея я и теперь еще ношу съ любовію въ своей бархатной шубѣ. И вотъ всѣ эти причины живо коснулись моего уединеннаго сердца, и я сегодня помянула мою благодѣтельницу не только словомъ молитвы, но и дѣломъ маленькой милостыни, помянула по-русски *блинами*, накормила кое-кого больныхъ и неимущихъ (а ихъ сколько теперь въ этотъ тяжелый годъ!). Слава Богу о всемъ, что есть, что было и что можетъ быть!

(1881 Января 29). Мы съ вами на столько Русскіе, что не можемъ не поздравить себя съ побѣдою, одержанною Скобелевымъ. Грѣшная моя душа! Радуясь за себя, т. е. за Россію, я съ неменьшей радостію думаю объ Англіи. Какой это ей bouton на носу ея Афганскихъ и прочихъ другихъ хищническихъ ея дѣлъ, гдѣ ея непобѣдимыя войска разбиваютъ сотни полудикихъ племенъ! А у Скобелева-то (страшно подумать!) 2600 человѣкъ, безъ всякой опоры сзади, удаленные непроходимыми, безводными степями отъ всякой помощи человѣческой, и взять крѣпость, защищенную храбрымъ и отчаяннымъ, вооруженнымъ Англіею, почти въ 12 разъ сильнѣйшимъ, непріятелемъ! Слава Господу силъ! Не намъ, не намъ, а имени Твоему хвала и благодареніе, Господи, что братія наши не погибли, вдали отъ родины, на радость повсюднымъ нашимъ врагамъ!.. Храмъ Божій, со всѣмъ величествомъ славы Господней службы на землѣ, такъ близко отъ васъ, и всегда можно понести въ него тревогу и радость сердца и принять въ немъ то, чего никакія сообщества человѣческія и блага мірскія не могутъ

дать душѣ, которая не пресмыкается змѣею на землѣ, а и чувствуетъ у себя небесныя крылья.

(1881 Февраля 14). (Посылая своей корреспонденткѣ стихотвореніе *Я слышалъ, въ келіи простой* *), которое Саханская довѣрчиво признавала Пушкинскимъ, она продолжаетъ): Какъ, я, помню, подсмѣивались надо мною, что я въ своемъ *Цвѣткѣ на могилу Пушкина* нашла поэму духа человѣческаго въ его жизненномъ развитіи, заканчивающемся высокими пророческими видѣніями вѣры. Пушкинъ *вѣрующій!* Это казалось такъ смѣшно и необычайно людямъ, помнившимъ только одно, что Пушкинъ когда-то пилъ и кутилъ съ ними и волочился за женщинами, а забывавшими его глубокую поэтическую исповѣдь: *Пока не требуетъ поэта...* Это-то высокое и святое пробужденіе души поэта не примѣтили его застольники и собесѣдники. На то нужно *грядущее поколѣніе,* чтобы въ тѣнь отошелъ человѣкъ и выступилъ поэтъ.

(1881 Марта 8). Крикъ скорби, ужаса, негодованія и даже проклятія цареубійственной рукѣ вырывается неудержимымъ воплемъ на всю Россію, на весь міръ этой хваленой цивилизаціи XIX вѣка, породившей ужасы варварскихъ, неосмысленныхъ, невообразимыхъ убійствъ. О Боже нашъ! Боже нашъ! Боже нашъ!.. Совершилось!.. И что покушались злодѣи столько разъ, попустилъ Господь быть тому. И конечно, уже не въ земную, а въ небесную славу того, кто пройдетъ во всѣ вѣка и народы съ его именемъ *Освободителя.* «Благой царь!» невольно вырывается изъ сердца залитое слезами слово къ нему, принявшему мученическую кончину, на величайшую скорбь и печаль и ужасъ Россіи и, вѣрую несомнѣнно, въ божественное благо душѣ его. Мученически пролитою кровію своею онъ воздалъ, во Христѣ, за тѣ грѣхи человѣческаго естества, о которыхъ слово вѣры говоритъ намъ: «нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ». И, перенесясь черезъ свой страдальчески истерзанный трупъ, душа его изъ царственной славы земной вступила въ великую славу Господа въ небесахъ.

Да, завтра 9-й день его кончины. Я украсила и приготовила все, что можно и должно совершить въ честь его царственной памяти, и завтра помяну его съ самыми малѣйшими и никогда невѣдомыми ему бывшими его вѣрноподданными. Завтра Сорокъ Мучениковъ съ извѣстнымъ нашимъ народнымъ преданіемъ, что въ этотъ день первыми вылетаютъ 40 жаворонковъ и начинаютъ пѣть, и въ честь мучениковъ

---

*) Объ этомъ стихотвореніи были въ концѣ 1898 и въ началѣ 1899 г. продолжительные газетные толки, изъ коихъ выяснилось, что оно написано около 1850 года Анатоліемъ Мартыновскимъ, впослѣдствіи архіепископомъ Могилевскимъ († 1872). С. П.

старыя Русскія хозяйки пекутъ жаворонки для дѣтей. Этотъ народный обычай всегда сохранялся въ нашемъ помѣщичьемъ быту, и доселѣ я люблю его поддерживать. И такъ, завтра ко мнѣ соберутся всѣ дѣти изъ хутора, большія и самыя малѣйшія, и вотъ съ ними-то и съ весенними жаворонками, представляя себѣ душу почившаго Государя какъ пернатую птичку, прилетѣвшую изъ тѣлесной золоченой клѣтки земного царства, мы помолимся о немъ младенческой молитвою и помянемъ его дѣтскимъ поминовеніемъ сердецъ нашихъ... Ахъ, какъ скорбно!.. Какъ тяжело это изувѣрство сатанинскаго безвѣрія нашихъ дней, осмѣливавшаго поднять руку на царственную главу всѣхъ насъ! О, да пошлетъ Господь новому Государю мужество мудрости въ правдѣ: считать убійство убійствомъ, преступленіе преступленіемъ и карать ихъ всею казнію заслуженнаго правосудія! Наши судьи изолгались за все это время новой возвѣщенной правды. Они съ возмутительною неправдою ставили невинными на судѣ убійцъ, клятвопреступниковъ, прелюбодѣевъ, всему давая поблажку, все извиняя, все оправдывая у существа разумнаго невмѣняемостію его дѣйствій воли. О, хотя бы этотъ громъ очистилъ воздухъ нашей общественной заразы и далъ намъ наконецъ вздохнуть чистымъ и свѣжимъ воздухомъ силы государственнаго вождя, не малодушевствующаго передъ порокомъ и злодѣйствомъ, не послабляющаго растлѣнію общественной правды и карающаго, кого нужно карать, и милующаго, кого миловать поистинѣ. Ахъ, дорогая моя М. В! Я написала вамъ цѣлый листокъ порывомъ скорби, порывомъ накипѣвшаго горя, которое у меня не съ кѣмъ раздѣлить отвѣтно. Въ простотѣ сердецъ окружающихъ меня дѣтей простого люда, мы плачемъ, мы жалѣемъ, мы молимся; но во всемъ этомъ конечно, я—лицо всеобъясняющее, толкующее, сказывающее; а поговорить мнѣ не съ кѣмъ!..

Въ Среду, т. е. 4 Марта, я только что окончила молитву, выхожу, и вдругъ мнѣ говорятъ: что есть извѣстіе, что *Государь скончался!* И я не знаю, чему это приписать мою недогадливость? Ну, ни малѣйше мнѣ не впало на умъ, что это—убійство. Народъ требовали къ присягѣ, и тамъ вездѣ только одно слышно: *умеръ* и *умеръ!* И простыя сердца сейчасъ подыскали причину: «*Зажурился за Царицею и году не выжилъ!*» На почту за газетами нѣтъ доступа. Разливъ воды, зажоры; верховой ѣздилъ,—чуть лошади не утопилъ и возвратился съ полдороги. И только въ Пятницу послѣ обѣда я получила листокъ съ телеграммами. Я и прежде еще умилялась, думая о томъ, что Царская фамилія обыкновенно говѣетъ на первой недѣлѣ поста, и эта смерть на другой день сообщенія Св. Таинъ! А оказалось, что это не смерть, а мученическая кончина въ святѣйшія минуты человѣческой христіанской жизни.

чудесно спасая столько разъ, Провѣдѣніе попустило совершиться злодѣйству, когда душа покойнаго была готова къ переходу отъ низшаго царства къ высшему. Объ этомъ мы можемъ и должны благодарить Господа.

(1881, 9 Марта.) Сейчасъ я получила оба ваши семейныя письма, и общая скорбь, общій ужасъ нашъ сочувственно раздѣлены. Кромѣ первыхъ телеграммъ, я еще ничего не знаю,—не читала; но соображая время совершенія убійства и часъ кончины, прихожу къ убѣжденію, что едва ли Государь скончался даже во дворцѣ, а не въ первомъ подходящемъ домѣ, куда можно внести Его. Я закрываю глаза руками въ жалости, въ скорби и въ раздирающемъ душу страданіи, представляя себѣ, что̀ было, что̀ должно слѣдовать... Если лошади не разомъ легли истерзанныя на мѣстѣ, вѣдь онѣ должны были понести карету и волочить его... Боже мой!.. Растерзаннаго безпомощнаго, обливать улицу его царственной кровію. И это—Русскаго Царя и Освободителя своего народа! Боже мой! Неужели вы уже знаете, что преступники — *Русскіе* съ Русскими фамиліями? Это сатанинская насмѣшка надъ Русскимъ народомъ, надъ его любовью къ Царю!.. «Ахъ, Иванъ Сергѣевичъ (въ первую минуту набросала я нѣсколько строкъ къ Аксакову), что̀ вы скажете? что̀ вы должны сказать въ вашей *Руси*? Варварская древняя Русь, перетерпѣвшая всѣ ужасы болѣе чѣмъ сорокалѣтняго царствованія Грознаго и не поднявшая цареубійственной руки, и Россія XIX вѣка, освобожденная отъ ига и позора рабства, цивилизованная по-европейски и залитая мученическою кровью своего Царя-Освободителя! Есть отъ чего воспрянуть всѣмъ и каждому и наложить намъ на себя общественное покаяніе»...

(1881, Апрѣля 17) Христосъ воскресе! И пришелъ Великій день, и уже минуетъ насъ, и встрѣтимъ ли и дождемъ ли мы его? А все печально было и въ эти самые торжественные дни. Въ чистый Четвергъ сороковый день выходилъ, и мнѣ Господь даровалъ ознаменовать его торжественнымъ общественнымъ поминовеніемъ. И такъ мнѣ вышло, что я 9-й день поминала Государя съ дѣтьми и 40-й. Къ этому дню говѣла Савинская школа, самое меньшее отдѣленіе, и сообща съ торгующими и бѣднѣйшими старушками, которыя, истинно какъ евангельскія вдовы, приносили мнѣ по одной-единой копеечкѣ, мы сдѣлали большое прекраснѣйшее коливо, украшенное конфектами и пасхальными цвѣтами. Семь большихъ свѣчей за престоломъ, двѣ на престолѣ, у священника и діакона, передъ коливомъ, та свѣча, что̀ несутъ передъ Евангеліемъ,—всѣ они, большія, бѣлыя, были перевязаны черными лентами, и горѣли всю утреню, и обѣдню, и панихиду, и остались горѣть на Страсти Господни и на Плащаницу, до самой Воскресной за-

утрени. И такъ сороковой день смерти Государя слился съ великими днями страданія и смерти Господней. Это какъ-то утѣшительно, знаменательно говоритъ душѣ. И также мы пріобрѣли мелкихъ свѣчей и роздали ихъ на великую панихиду; всѣ дѣти стояли со свѣчами, и почти вся церковь теплилась заупокойной свѣчой и задушевной мольбой. По окончаніи панихиды и всей службы, мы еще раздавали сладкую милостыню дѣтямъ—пряники и конфекты, съ повторяемой молитвой: «Упокой, Господи, душу убіеннаго Государя нашего». Я и сама говѣла и удостоилась сообщиться Св. Таинъ въ этотъ святѣйшій день...

Я очень довольна, что вы читаете *Русь* и, вѣроятно, прочли въ 21 № и мое слово къ нашей общей печали. Въ душѣ столько накопляется чувствъ, которыя требуютъ исхода, и вы будете встрѣчаться съ ними въ *Руси*.... Но печатать хотя бы только легендарную часть моего *романа* въ этотъ годъ цареубійства, ужасовъ, смуты—я не хочу и наотрѣзъ отказала Аксакову.

(1881, Апрѣля 23) Сегодня у меня вдвойнѣ праздникъ—великаго нашего Юрія, Страстотерпца и Побѣдоносца, почитаемаго всѣми Славянскими племенами, и братскій праздникъ моего маленькаго братства на Волынѣ. Меня сподобилъ Господь послать туда пять большихъ мѣстныхъ иконъ, и слѣдовательно, церковь, какъ бы обновленная и украшенная, теперь тамъ празднуетъ и молитвенно меня вспоминаетъ. Можетъ быть, потому и у меня на душѣ такъ празднично-радостно. Да какъ и не быть чувству свѣтлому въ этой весенней радости земли! День прекраснѣйшій, свѣтлый, теплый, съ легкими облачками, обѣщающими росу небесную; соловей поетъ неумолкая, мой старый семилѣтній соловей, который возвращается и всегда запѣваетъ неизмѣнно на одномъ и томъ же мѣстѣ въ моемъ цвѣтничкѣ, подъ окнами залы,—и нынѣ же собирается у меня маленькое празднество. Бабы съ хутора, кому угодно, придутъ къ вечеру полить мои посадки въ саду изъ моего колодезя, въ которомъ за зиму прибавилось $1\frac{1}{4}$ аршина воды; а я въ саду устрою имъ чай на травѣ, подъ деревьями, что и будетъ мой Макаровскій откликъ по случаю праздника. Волею и неволею мнѣ приходится по-евангельски устраивать мои праздники: не звать ни друзей, ни сосѣдей богатыхъ, которыхъ поблизу меня нѣтъ никого, а именно звать бѣдныхъ, труждающихся, неимущихъ, которые и въ великій постъ и великій праздникъ одно терпятъ—крайнюю нужду, и не всѣ могли разговѣться даже крашеными яичками... Господи,.. умилосердися о нихъ и о насъ: имъ въ крайней тѣлесной нуждѣ оскудѣнія, а намъ, глаголящимся быти мудрыми и обезумѣвшимъ въ нравственномъ мракѣ думъ нашихъ—подаждь Свое Божественное исцѣленіе и свѣтъ, просвѣщающій нашу тьму!

(1881 Сентября 22) Печальное и страшное происшествіе, писанное въ вашемъ письмѣ [1]), не было для меня новостью. Я уже знала о немъ; узнала очень нездоровою, лежа въ постелѣ... Боже мой, Боже мой! Ученый міръ не вѣритъ чудесамъ Евангелія, а это спасеніе не чудо? На такомъ далекомъ разстояніи, спящей, больной, отяжелѣвной глухотою и разными повязками на головѣ, вдругъ среди ночи услышать задушаемый крикъ мужа и едва имѣть силы передвинуться черезъ комнату, и все-таки, этимъ безсиліемъ и безпомощностію, спасти того, кто былъ совершенно въ рукахъ убійцъ и ни откуда не могъ ожидать помощи. Знаете ли, моя неоцѣненная, этотъ недомыслимый чудодѣйственный подвигъ жены Господь какъ будто даровалъ ей въ вѣнецъ завершенія всей ея преданной, самоотверженной жизни жены, великой и благодатной помощницы мужа? Не смѣешь сказать въ молитвенномъ смиреніи: да благословитъ ее Господь Богъ, потому что рука видимаго Господня благоволенія и благословляющей силы Его почила на ней. Эта великая радость должна окрасить поздніе дни ея, дни спасенія, въ немощахъ нестарѣющею силою святой супружеской любви. Въ эту самую минуту мнѣ захотѣлось написать къ нимъ, къ блаженнымъ супругамъ, какъ будто вновь дарованнымъ другъ другу. Право, хорошо, когда сидишь одна: не выболтаешься, какъ на людяхъ; а мысль и чувство, себѣ невѣдомо, созрѣваютъ въ душѣ и явятся въ стройномъ словѣ. Знаете ли? Я все это время покушалась послать ваше описаніе въ «Южный Край», и исполню. Если подобныя событія нашей общественной жизни будутъ проходить такъ себѣ, что мы въ первую минуту возбудимся, а затѣмъ и дѣлу молчокъ: то вѣдь насъ всѣхъ одинокихъ передушатъ какъ цыплятъ. Чѣмъ ограждена наша безопасность? Развѣ только тѣмъ, что на мѣсто происшествія явится не только становой, а еще урядникъ—смотрѣть въ пустой слѣдъ? Но въ этомъ дѣлѣ и слѣдъ-то, кажется, не совсѣмъ пустъ. Узнать отъ ночного сторожа, кто его спаивалъ, кто угощалъ. По чьему приглашенію онъ безъ спроса отправился на цѣлую ночь пьянствовать въ Каменкѣ, и кто съ нимъ былъ и пилъ въ шинкѣ? И затѣмъ *поддевка и фуражка* не на всякомъ мужикѣ, и ружья тоже у кого есть? Все это можно дознать.

(1881 Декабря 12) Жизнь идетъ, а что́ душа вноситъ въ нее? Богъ вѣстъ! Вчера я прочла извѣстіе о смерти воспитателя теперешняго Государя, Бориса Алексѣевича Перовскаго, дѣда казненной, возмутительной Перовской [2]). Это бывшій «самый усердный поклонникъ моего

---

[1]) Ночное покушеніе разбойниковъ на убійство барона А. Е. Розена (Декабриста). С. П.

[2]) Софья Перовская была внучкою не графа Б. А. Перовскаго, а его старшаго брата

таланта», какъ самъ онъ рекомендовался мнѣ въ Царско-Сельскомъ дворцѣ, человѣкъ самый Русскій при нашемъ Нѣмецко-Россійскомъ дворѣ покойнаго Государя. Если Россія имѣетъ задатки Русскаго ума и народнаго чувства въ теперешнемъ Государѣ, она этимъ обязана покойному Перовскому, который, не мудрствуя лукаво, былъ Русскимъ человѣкомъ, умомъ и сердцемъ, и заронилъ это великое сѣмя въ душу того, кому судилъ Господь быть православнымъ царемъ Русскаго міра. Мнѣ такъ хочется помолиться за упокой его скорбной души. Могла ли эта душа не скорбѣть, зная убійцу Царя въ своей семьѣ? Боже мой, какъ все это ужасно!

(1882 Февраля 23). А Славянскія-то загорающіяся дѣла! И опять кровь, и стонъ, и вопли удушаемаго народа... Австрійцы работаютъ... Право, будто чувствуешь, что это апокалипсическія страданія вѣрныхъ—малаго стада, имѣющаго на челѣ свидѣтельство Христово... Я не могу читать извѣстій *Руси.* Заглянувъ въ нихъ, я откладываю въ сторону, и сердце, въ молчаніи скорбнаго слова, говоритъ однимъ воплемъ чувства: Ты видишь, Господи!

(1882 Марта 23) Городъ (Харьковъ) далъ вамъ полную возможность соучаствовать не только духомъ вѣрою и любовію, но и всею полнотою человѣческаго существа въ этихъ нашихъ печальныхъ и важныхъ случаяхъ торжественныхъ богослуженій Церкви, когда вся Россія, весь Славянско-православный міръ, молился и благословлялъ память одного вѣнценоснаго Царя своего, почившаго въ кровавой порфирѣ мученика, и призывалъ обиліе новыхъ благодатныхъ силъ на душу того, кто долженъ царствовать твердо и мудро въ годину смутъ отъ вражескихъ козней. Да поможетъ Ему Господь правосудный, видящій и знающій то, чего не предвидитъ никакая человѣческая мудрость, ни даже въ образѣ князя Бисмарка.... Что дѣлаетъ Австрія съ Славянами и какъ потакаетъ ей вся Европейская политика, объ этомъ сердце болитъ и душа негодуетъ. Но это—судьба истинной Церкви Христовой на землѣ. Она не можетъ быть безъ вѣнца мученическаго. Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновый и умеръ распятымъ на крестѣ. И насъ распинаютъ въ лицѣ нашихъ младшихъ братьевъ, и насъ равно ненавидятъ, и презираютъ, и проносятъ имя наше *яко зло,* потому что истина наша Православно-русская не вмѣщается въ нихъ. Да воздастъ имъ Господь воздаяніе ихъ!.. *«И будете ненавидимы всѣми имене Моего ради».* Нужно только Славянину измѣнить Православію, чтобы онъ сдѣлался лелѣемымъ чадомъ Европы, что

(по отцу) Николая, который не назывался Алексѣевичемъ, а Ивановичемъ. См. нашу статью о графѣ Б. А. Перовскомъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 года (III, 475) П. Б.

осязательно видимо на Полякахъ. Душа болитъ и сердце негодуетъ; но Церкви Христовой заповѣдано терпѣніе. *«Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ»*. Къ Славянскимъ нашимъ племенамъ можно отнести тѣ слова апостола Павла, которыми онъ обозначаетъ первыхъ носителей духа Христова: *«умерщвляемы — и вотъ мы живы силою умершаго за насъ и воскресшаго»*. А вотъ уже скоро тотъ свѣтлый и великій день, въ который вся ликующая православная Церковь возгласитъ въ восторгѣ вѣры: *Христосъ воскресе*! А у меня былъ свой маленькій очень свѣтлый праздникъ, который пришелся въ Пасхальную Субботу, когда я, по нынѣшней ранней веснѣ, должна была закрыть свое маленькое училище. Дѣти мои къ этому дню выучились читать акаѳистъ Божіей Матери и даже пѣть припѣвы: *«радуйся, невѣсто неневѣстная»* и *«Аллилуіа»*. Какъ совершилось послѣднее, я не могу сказать, какъ-то самоучкою. Съ способностію нашихъ Малороссіянъ вообще къ пѣнію, мальчики, бывши въ церкви, подслушали эти припѣвы, а также *Достойно есть* и *Спаси, Господи, люди твоя*, и по истинѣ спѣлись прекрасно. И вотъ въ моей свѣтленькой залѣ, передъ иконою Божіей Матери, которой кротко-божественную задумчивость надъ лежащимъ на Ея колѣняхъ Христомъ-Младенцемъ вы хорошо знаете, дѣти мои стали въ рядъ, съ двумя меньшими впереди, и одинъ въ одинъ, голосъ въ голосъ и слово въ слово, подученные къ тому, они прекраснѣйше прочитали весь акаѳистъ, прерывая свое чтеніе собственнымъ пѣніемъ: *Радуйся, невѣсто неневѣстная* и *Аллилуіа*! Я стояла вдали, позади ихъ, на колѣняхъ и, признаюсь, плакала отъ какого-то невольнаго чувства умиленія, и не я одна. Случился отецъ одного изъ мальчиковъ, и его прошибла слеза, когда онъ въ кухнѣ только услышалъ долетающее пѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, эта маленькая глухая Макаровка получаетъ голосъ и слово къ Богу.

„Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа!
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Чтó сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученной ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ благословляя“.

И Онъ будто благоволилъ заглянуть въ Макаровку....

Я съ великой надеждой вѣрующаго и торжествующаго сердца смотрю на эту будто необѣщающую много весну. Великъ и богатъ

Богъ милостію! *«Не бойся, только вѣруй»*, сказалъ Онъ въ лицо возвѣщенной смерти, и я ничего не боюсь, и только вѣрую и вѣрую за всякую душу въ трудѣ, въ скорби и въ печали ожидающую Бога милующаго и подающаго щедроты Его вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанскаго сердца. До свиданія, сердечно и радостно дорогія и милыя!

(1882, Мая 8). Завтра день празднованія вашего, да и нашего, общаго все-Русскаго отца, помощника въ скорбяхъ, нуждахъ и печаляхъ, чудотворца Николая. Я думаю ѣхать въ Кунье [1]), помолиться и поклониться на прахѣ разрушенной Николаевской церкви, отъ которой я имѣю плиточку на могилѣ матушки.

Очень и очень хочется увидѣться и послушать васъ, и разговориться сердцемъ, безмолвствующемъ у меня цѣлые мѣсяцы. А Англія! Посмотримъ, будетъ ли она прощать своихъ убійцъ и манерничать съ ними, какъ у насъ манерничаютъ, по письму Виктора Гюго, прощая цѣлую пятерицу убійцъ, всею силою и правдою государственнаго закона осужденныхъ на смерть. *«Вся взявшіеся убійственно за мечъ мечомъ погибнутъ»*, это слова Самого Христа Господа. Да, мечъ убиваетъ одного, ну—пять человѣкъ, а динамитъ—сотни и тысячи! Скорбно, и грустно, и тяжело отовсюду! Господи, пожалуй намъ милости, отрады на всю эту горечь, переполнившую душу! Мнѣ писали изъ Москвы, что тамъ ожидали коронаціи, какъ Страшнаго Суда; теперь эта мучительная страсть отложена надолго. Дай Богъ намъ чѣмъ-либо порадоваться! Такъ уже изныло сердце во всѣхъ нашихъ тоскахъ и тревогахъ.

(1882 Май). А мнѣ-то сегодня какая благодатная радость! Пріѣзжаю изъ церкви, мнѣ подаютъ письмо изъ Харькова, и въ немъ прекрасный фотографическій снимокъ съ той новопрославившейся иконы (что у графини Капнистъ), которая исцѣлила ея калѣку дочь [2]). Судя по оттиску ризы, икона очень древняя и, знаете?—она какъ будто напоминаетъ какую-то изъ Мадоннъ Рафаэля. Матерь Божія держитъ ручку Предвѣчнаго Младенца, очень свободно, по-дѣтски, раскинувшагося на Ея колѣняхъ; а между тѣмъ эта ручка, какъ бы вмѣсто игрушки, держитъ простой *Греческій* крестъ, т.-е. равный на всѣ четыре стороны. Лицо у Богоматери какъ бы глубоко и строго-задумчивое, съ совершенно опущенными глазами, устремленными къ Младенцу-Господу. Такъ смотритъ душа, а не любопытные глаза...

---

[1]) Сосѣднее село, имѣнье баронессы Меллеръ-Закомельской, гдѣ былъ нѣкогда престольный праздникъ 9 Мая. С. П. Мать баронессы, Марія Ивановна Шидловская, ур. Зарудная. У нея жила Кохановская въ молодости. П. Б.

[2]) Икона эта нынѣ находится въ селѣ Козельщинѣ, Кобелякскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ женской общинѣ. С. П.

«Дождя, дождя!» проситъ Господа засохшая вся земля и всякая унылая душа. Не дастъ Господь съ неба, не будетъ четвертый годъ хлѣба. Неужели же мы должны будемъ сосчитать всѣ семь тощихъ колосьевъ Фараона? Воля Божія! Народъ, бѣдный, голодающій народъ! И жукъ уже появился: все подобіе казней ветхозавѣтнаго Египта... Но у насъ есть Заступница всемощная, Матерь Господа Вышняго. Отъ Нея ждемъ умилостивленія Господа.

(1882. Сентября 17). Когда въ семьѣ есть любовь, то все есть, все небо на землѣ, какія бы ни были житейскія нужды, скорби и печали. Всему есть исцѣленіе въ Божіемъ великомъ благословеніи... А я, пріѣхавши, была очень неблагополучна извѣстными вамъ обстоятельствами моего здоровья: два дня пролежала въ постели, и вотъ уже другой годъ въ великій день Воздвиженія Святаго Креста не была въ церкви.

Ваше извѣстіе о Львѣ Толстомъ привело меня въ нравственный ужасъ. «*Господи, помилуй!*» такъ и вырвалось изъ сердца. Истинно: мудрость человѣческая объюродѣвшая, т.-е. философія разума нашихъ дней. Послѣ постоянныхъ ссылокъ на Канта и Шопенгауэра, Левъ Толстой у Молоканъ ищетъ знанія и свѣта жизни!.. Я не посылаю вамъ «Исповѣди». Вамъ я не могу не сказать слова отъ сердца. Мысль и властное чувство какъ будто побуждаютъ меня написать графу объ его «Исповѣди». У меня есть возможность вступить на этотъ путь горькаго и скорбнаго чувства высказывающейся вѣрующей души. Нужно было освоиться съ мыслію: можно ли? Не говорю: должно ли? Но могу ли *я*, владѣю ли *я* мечомъ духовнымъ, чтобы выйти и сражаться за Божье дѣло? Господь поможетъ! Но молчать было бы малодушіе и наша обычная лѣность... Кончаю при самыхъ сильнѣйшихъ приступахъ загадочнаго состоянія моего здоровья. Прощайте, прощайте! Очень печально звучитъ это слово въ слухѣ моего сердца. Прощайте! Господь съ вами!

(1882. Октября 30). Такъ мнѣ хотѣлось выписать вамъ изъ *Руси* одно мѣсто въ школьной статьѣ Рачинскаго, гдѣ онъ, съ привѣтомъ, съ чувствомъ духовнаго радованія, обращается къ нашей сѣверной природѣ и благословляетъ ее за то, что она своею силою полагаетъ предѣлъ внѣшнимъ трудамъ Русскаго человѣка и даетъ ему возможность, волею и неволею, углубиться въ себѣ и изъ этой сердечной глубины возвести свои помыслы къ высотѣ Божіей. Но... пишу извѣстное вамъ Возраженіе и, кажется, не плохо: просто и сильно, т.-е. истинно. Пошли, Господи, поскорѣе окончить. Но чѣмъ больше вчитываешься и вдумываешься, тѣмъ на большее возражать должно.

Народъ ждетъ и думаетъ о коронаціи. Для него некоронованный царь все равно, что̀ некрещеный человѣкъ. Оно и правда: нареченъ, но не помазанъ на царство, не принялъ благодатныхъ даровъ Св. Духа на его великое служеніе. Тою молитвою, которой у насъ уже никогда не читаютъ по церквамъ, является иногда сильнѣйшее побужденіе помолиться ею за нашего Государя и за этихъ заблудшихъ и погибающихъ въ невѣріи и ожесточеніи. Да поможетъ Милосердый Господь исцѣлиться этой нашей язвѣ! Такое гнетущее положеніе, и все будто чего-то ждешь, и нѣтъ бодрости, нѣтъ прямого, ощутимаго вѣянія жизни; а вдали будто стоитъ грозовая туча и вотъ-вотъ она надвигается.

„Унеси ты, вихорь, тучу грозовую,
Сбереги намъ, Боже, ниву золотую!“ *).

(1882. Декабря 1). Я живу, какъ жила; время проходитъ до того незамѣтнымъ образомъ, что его едва достаетъ на необходимую житейскую подѣлку; а все, что̀ сверхъ сего, должно совершаться въ тишинѣ и безмолвіи ночи.

А у меня недавно совершилось мое великое торжество. Ноября 21, на самое Введеніе, истекло ровно 20 лѣтъ, какъ извѣстная вамъ большая икона Матери Божіей, моя неизрѣченная Радость и неизглаголанная Благодать, оставила храмъ Савинской церкви и перешла къ намъ въ домъ. Этотъ день и всегда былъ мнѣ дорогъ и праздновался мною наравнѣ самыхъ великихъ праздничныхъ дней—Рождества и Свѣтлаго Христова Воскресенія; а теперь *двадцать лѣтъ,* какъ я прожила въ мирѣ, въ тишинѣ, въ довольствѣ, безъ болѣзней, безъ огорченій, безъ какихъ-либо большихъ затрудненій, безъ обидъ отъ кого-либо, я, одинокая, сирая, безъ чьего-либо видимаго руководства и заступленія, подъ однимъ, вѣруемымъ и признаваемымъ, покровомъ Ея, Царицы Небесной, воспріявшей на Себя попеченіе, дерзаю сказать, о всякомъ днѣ, и часѣ, и шагѣ моей жизни! Какъ же мнѣ было не постараться отпраздновать этотъ великій и знаменательный для меня, глубоко-торжественный день? Прежде всего я должна была дать почувствовать всей нашей Макаровкѣ, что Матерь Божія благоизволила прійти и вселиться между нами *не ко мнѣ одной* съ Ея милостями и щедротами. Потомъ я порѣшила: *быть у меня всенощной въ домѣ.* И какъ подъ самый праздникъ священникъ долженъ былъ служить въ приходѣ, то я избрала самое подходящее время: за день, съ Пятницы на Субботу, когда начинается предпразднество Введенія во храмъ. Я сдѣлала все

*) Изъ стихотворенія Жадовской, но у поэта—туча *градовая,* нива — *трудовая.* (Стихотв. Жадовской, Спб. 1858, стр. 120). Вообще Кохановская многое приводила въ письмахъ наизусть.

возможныя приготовленія къ торжеству: убрала Матерь Божію свѣжими, новокупленными цвѣтами; у меня былъ давно привезенный изъ Харькова прекрасный церковный ставникъ-свѣча; я его зажгла, привезли большой подсвѣчникъ изъ церкви. У меня были заказаны большіе всенощные хлѣбы для освященія, какъ средней величины прекрасныя булки, и при нихъ на блюдѣ поставленъ большой столовый графинъ церковнаго вина, котораго я припасла цѣлое полведра. Все это для того, чтобы послѣ всенощной совершить подобіе древней христіанской *вечери любви*, а благословенные хлѣбы и вино раздѣлить между всѣми собравшимися на молитву, старыми и малыми, мужчинами и женщинами. Такъ и было сдѣлано. При мvрованіи священникъ раздавалъ всѣмъ раздробленные хлѣбы, на подобіе тѣхъ пяти хлѣбовъ, которыми Господь насытилъ пять тысячъ. А послѣ всенощной и молебна Матери Божіей, съ акаѳистомъ Ея державному Покрову и съ освященіемъ воды, куда погружено было древо Животворящаго Креста, въ эту воду влито благословенное вино, и всѣ-всѣ вкусили этой двойной святыни. Затѣмъ на моей маленькой застольной, изъ чего Богъ послалъ, предложенъ былъ ужинъ, и человѣкъ до ста насытились, подвеселились варенцомъ изъ меду и возблагодарили Матерь Божію... Вы знаете мое маленькое зало, гдѣ стоитъ благодатная икона; все оно, ярко освѣщенное, убранное, наполненное самымъ благоуханнымъ ѳиміамомъ, пѣніемъ и молящимся народомъ, совершенно походило на маленькую домовую церковь. Послѣ молебна, въ той крошечной комнаткѣ, которую вы занимаете, когда счастливите меня вашимъ дружескимъ посѣщеніемъ (и эта комната маменьки, гдѣ она умерла), тамъ совершена была торжественная панихида, съ богатыми пятью хлѣбами, съ изукрашеннымъ коли́вомъ, «*по всѣмъ отъ вѣка почившимъ*». И, наконецъ, для духовенства и для тѣхъ немногихъ гостей, которымъ погода дозволила прибыть, у меня былъ настоящій радостный, великопраздничный столъ. Какая у меня рыба была! Какъ будто Сама Матерь Божія выбрала всю лучшую изъ Донца и прислала ко мнѣ, для Своего торжества! И, начиная съ осетрины и до бланманже, все лучшее было у меня на столѣ. Вино—одно церковное; но за то я угощала имъ отъ всей души. Я хотѣла, чтобы мои гости повеселились, какъ на настоящемъ свѣтломъ, радостномъ торжествѣ. За десертомъ, который тутъ же былъ соединенъ съ чаемъ, пробка не хлопнула; но бѣлое Донское зашипѣло въ бокалахъ, и я поднялась съ мѣста (что̀ заставило и всѣхъ моихъ гостей встать), съ бокаломъ въ рукѣ и, обратясь къ радостно сіяющей иконѣ, предъ которой продолжали горѣть всѣ богослужебные огни, я сказала не Англійскимъ спичемъ, а нашимъ простымъ, пришедшимъ на душу словомъ: «Апостолъ говоритъ: «*аще ясте, аще піете*,

вся во славу Божію творите»; выпьемъ же мы это сладкое вино въ честь и славу Матери Божіей, Которая этой Своей святѣйшею иконой благоизволила оставить храмъ Божій и прійти и пребывать со мною цѣлыхъ двадцать лѣтъ въ этомъ домѣ!» И всѣ выпили и, по моему слову, «Достойно» пропѣли: «*Достойно есть яко воистинну блажити Тя, Богородицу»*... И чтобы вы уже все знали, я вамъ скажу и о моемъ десертѣ. На большомъ подносѣ, покрытомъ тѣмъ расшитымъ полотенцемъ съ кружевами и съ уточками, которое мнѣ подарила Анна Владимировна *), были горою положены: посрединѣ свѣжія яблоки, а по угламъ, четырьмя пирамидами, конфекты, орѣхи и двухъ сортовъ пряники; по обоимъ концамъ стола были вазы съ вареньемъ и также стояли, помните?—тѣ двѣ корзиночки, которыя я купила вмѣстѣ съ вами у какихъ-то промышляющихъ Славянъ. Эти корзиночки наполнены были покупнымъ печеньемъ, кромѣ большой сухарницы, съ заказными превкусными бубликами и Изюмскими хлѣбами и плюшками, неожиданно присланными мнѣ въ гостинецъ. Затѣмъ для мужчинъ, не вкушавшихъ чая съ вареньемъ, былъ чай съ маленькимъ инымъ добавленьемъ... Вотъ вамъ весь перечень моего великаго торжества. И теперь, и тогда вы были со мною и стояли въ моемъ сердцѣ больше нежели свѣтлой памятью, а какъ бы самимъ незримымъ присутствіемъ; не говорю уже о томъ, что на молебныхъ ектеніяхъ вы поминались гласно. Итакъ, мнѣ было свѣтло и благодатно, когда всѣ разъѣхались, остаться одной, съ сіяющей святой иконой, въ торжественной красѣ и въ моей тишинѣ! Я забыла сказать, что на разъѣздѣ мы выпили по другому бокалу и, уже безъ моего напоминанія, всѣмъ одушевленіемъ пропѣли въ другой разъ *Достойно есть;* священникъ предложилъ, въ честь Животворящаго Креста, пропѣть «*Спаси, Господи, люди Твоя»*, и затѣмъ онъ прочиталъ какой-то особенный *отпустъ*, съ благословеніемъ дому и мѣсту сему и всѣмъ живущимъ въ немъ, и опять все завершилось пѣніемъ и въ третій разъ *Достойно есть.* Такъ все это какъ-то чудно слилось, что какъ бы и ужинъ, и чай, и мой десертъ— все это были тѣже части и продолженіе богослуженія, и все завершилось благословеніемъ и отпустнымъ пѣніемъ. И на конецъ-концовъ, все къ тому, чтобы вы уже *до ниточки* знали о моемъ торжествѣ, я прилагаю вамъ письмо Куньянскаго священника, котораго вы знаете и который обѣщалъ у меня быть и не могъ, по немощамъ своимъ.

Теперь уже все выписала и высказала вамъ досконально. Я хотѣла было въ тотъ же вечеръ писать вамъ; но такой былъ свѣтлый и радостный отдыхъ въ душѣ, что за работу пера не взялась рука,

*) Дочь М. В. Вальховской. П. Б.

и дѣло продолжилось вотъ до какихъ поръ, и къ лучшему! Тогда впечатлѣніе было слишкомъ живо во всѣхъ его мелочахъ, а смыслъ событія и существенныя черты его выступаютъ, когда нѣсколько удалишься...

Примите съ любовію, всѣ мои дорогія, хотя *малое нѣчто* отъ торжества Божіей Матери, бывшаго у меня въ домѣ, чтобы не только духомъ, но хотя малѣйшей частицею нашей существенности, вы были причастны ему. Очень желаю, чтобы вы аппетитно кушали мои маленькія угощенія.

Господь съ нами, и со всѣми, кто знаетъ Господа, съ Россіею нашей и съ Государемъ нашимъ! Помогай ему Богъ, велій и чудный!

Какое прекраснѣйшее, единое истинное и самое полное, самое свѣтлое средство вы избрали, чтобы соединить въ одномъ чувствѣ вѣры и любви къ Господу вашу скорбь и любовь объ отшедшемъ блаженномъ отрокѣ! Со смиреніемъ Евангельскаго упованія можно всеполно вѣровать, какъ душа его обрадовалась этой родной, божественной ласкѣ поцѣлуя, переданной ему объятіемъ Христа, въ которое Онъ и васъ принялъ въ Своемъ таинствѣ пріобщенія, т.-е. богообщенія. А Богъ Господь нашъ не Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ, и мы въ Немъ всѣ живы, всѣ предстоимъ Ему въ истинѣ нашей любви. Поздравляю васъ глубоко и свѣтло съ этой божественной радостью, дарованною вашей земной скорби. Полно печалиться о *немъ*, когда онъ ликуетъ и торжествуетъ тамъ, избавленный отъ всѣхъ ужасовъ заблужденій, тьмы и грѣха, которые губятъ и губятъ, и столькихъ товарищей его, по лѣтамъ возраста, готовятъ къ ужасамъ вѣчной, нескончаемой тьмы; а онъ, избавленный, какъ голубокъ отъ сѣти ловца, витаетъ въ объятіяхъ славы и любви Того, Кто еще на землѣ Божественнымъ Странникомъ обнималъ и благословлялъ дѣтей и сказалъ Свое вѣчное Евангельское слово: «Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ, ибо для такихъ есть Царствіе Божіе».

Объ исповѣди Толстаго. Мнѣ такъ желалось окончить свой отвѣтъ къ празднику; но по мѣрѣ того, какъ приходится вникать и разбирать ложь и сбивчивость его положеній, отвѣтъ все выходитъ пространнѣе; потому что если возражать съ Божіею помощію, то возражать обстоятельно, полно, безъ всякихъ недомолвокъ, чтобы святыня и истина были выражены съ такою опредѣленною ясностію, которая бы не допускала никакихъ лжетолкованій. Мнѣ большею частію приходится отвѣчать какъ бы на текстъ Евангельскій: *отъ словъ твоихъ сужду тя.* И даже вотъ передъ праздникомъ, работая съ усиленнымъ вниманіемъ, я увидѣла, что въ одинъ разъ отвѣтить на все нельзя. Отвѣтъ мой имѣетъ форму какъ бы очень пространнаго письма.

(1883. Января 3). Вотъ и Новый годъ, и вдругъ мнѣ вспомнились какіе-то и откуда-то стихи стародавніе:

„Что день грядущій мнѣ готовитъ?
„Его мой взоръ напрасно ловитъ *)

въ какой-то онъ, не помню, скрывается мглѣ. Что̀ говорится здѣсь о днѣ, то самое и совершенно вѣрно можно сказать о наступившемъ нашемъ новолѣткѣ-годѣ. Что̀ онъ намъ готовитъ? Никакой взоръ не можетъ уловить, кромѣ одного всевидящаго ока Провидѣнія. О, да призритъ же на насъ милостивно это богосвѣтлое, всезрячее око Господне! Какихъ самыхъ основныхъ благъ приходится желать этому наступившему году? Народнаго здравія, Европейскаго мира, хлѣбодарованія и боговѣнчанія нашего Государя. Подай, Господи!

Толстому я пошлю свой собственноручный (экземпляръ). И не дамъ мѣсто гнѣву, т. е. я съ мѣсяцъ подожду, не оглашая: какъ будетъ «принято», отвѣтитъ ли? или не отвѣтитъ? Потому что я желала бы этому придать не характеръ литературнаго возраженія, а чтобы мое писаніе оставалось тѣмъ, что̀ оно есть, т. е. скорбнымъ, задушевнымъ словомъ, съ тѣми порывами негодованія, которыхъ нельзя было превозмочь. Я сама того мнѣнія, что вообще для невѣрующихъ мой отвѣтъ не слишкомъ годится, потому что онъ всецѣло обращенъ на личныя, уже очень своеобразныя, *недоговорки* философскихъ, якобы, положеній Толстого. Намъ заповѣданы и мудрость змѣиная, и кротость голубиная. Поймите меня, что̀ я этимъ хочу сказать. Буду ожидать: что̀ вы скажете и какъ найдете, по душѣ ли мой отвѣтъ?

(1883. Января 17). Я боялась и боюсь тонкихъ, одухотворенныхъ ядовъ подслащеннаго невѣрія. Все-таки прежде вѣра, а потомъ дѣла. Язычники—другое дѣло; они естествомъ законное творятъ и, конечно, отъ глубины милосердія Божія, яко не знавшіе воли Творца своего, могутъ быть облегчены, но (не) христіане, отвергшіе Христа Господа, отвергшіе Его страданія за нихъ, смерть и воскресеніе, и благодѣтельствующіе сами о себѣ, т. е. показывающіе, что Христосъ вовсе и не нуженъ имъ, они сами собою, своими нравственными подвигами, могутъ спастись; а кромѣ Христа Господа нѣтъ спасенія! Апостолъ Іоаннъ въ посланіяхъ своихъ говоритъ: «*кто не исповѣдуетъ Христа Господа пришедшаго во плоти, тотъ есть антихристъ*», и апостолъ Павелъ сказываетъ, что въ послѣднія времена будутъ люди, «*образъ благочестія имущіе,* силы же его *отвергшіеся*», а это именно наши невѣрующіе благодѣтели человѣчества, отвергшіеся Христа какъ Бога и между тѣмъ поступающіе по Его ученію. Это дьявольская прелесть,

*) Это стихи изъ „Евгенія Онѣгина“. П. Б.

чтобы отнять у человѣка щитъ вѣры, которымъ мы защищены отъ нападеній и лукавства бѣсовскаго.

Насчетъ «*Чѣмъ люди живы*» можно довольно сказать, да некогда. Разумѣется, заблужденіе невѣрующаго, не понявшаго того, что если бы ангелъ не послушался повелѣнія Господа Бога, то онъ сталъ бы уже не ангеломъ, а дьяволомъ. Но главное, что̀ я нахожу ненужнымъ при этомъ разсказцѣ, это въ эпиграфѣ всѣ выписки: что Богъ любы есть, и что пребываяй въ любви въ Богѣ пребываетъ. Вотъ это-то и есть прельщеніе. Все любовь да любовь, а объ вѣрѣ ни слова! А любовь союзъ совершенства; а съ чѣмъ же ей *союзиться*, когда нѣтъ ни вѣры, ни надежды на Бога, первыхъ двухъ, неразлучныхъ отъ послѣдней, богословскихъ добродѣтелей; а онѣ суть въ ихъ нераздѣльной совокупности: вѣра, надежда и любовь. И въ духовномъ и въ вещественномъ всякое разумно начинаемое дѣло начинается съ начала, а не съ конца.

(1883 Февраля 5. Полночь). Кончила!.. Я вполнѣ знаю и чувствую, что вы раздѣляете мою духовную радость. Слава Богу! И кажется, что хорошо. И какое у меня довольство сердечное при нездоровьѣ тѣлесномъ! Препровождаю вамъ, наконецъ, всю полноту того, что̀ мнѣ далось написать въ скорби и негодованіи о такихъ ужасахъ человѣческаго заблудшаго ума, что сердце, знающее Бога, содрогается и едва вѣритъ своимъ читающимъ глазамъ.

Вы писали мнѣ насчетъ моихъ сочиненій. Развѣ вы забыли поговорку, что сапожникъ всегда безъ сапогъ? По нѣкотораго рода аналогіи, и мнѣ доводится быть безъ моихъ сочиненій. Во время моихъ разъѣздовъ, у меня столько растащили книгъ, и въ томъ числѣ пропалъ мой единственный авторскій экземпляръ, а у Скалона 200 экземпляровъ пропало! Въ уплату его долговъ, книги были проданы на пуды, на площади и пр.

(1883. Февраля 11). Я не знаю, читали ли вы моего «Прусса» * въ *Складчинѣ*, въ пользу голодающихъ Самарцевъ. Онъ тамъ напечатанъ не весь; князь Мещерскій спѣшилъ, или, вѣрнѣе, находилъ, что книга и безъ того толста. И вотъ этотъ конецъ я нашла у себя забытымъ совершенно и, признаюсь вамъ на ушко: восхитилась сама собою, просто прелесть! А нача̀ла у меня нѣтъ: «*Складчина*» продавалась по 3 рубля, а я жила тогда въ долгъ въ Москвѣ, и купить мнѣ ее было не по средствамъ. Такъ я и не вѣдала своего Глѣба

*) Такъ сокращенно называетъ Кохановская свою повѣсть „*Словесная кроха хлѣба*“ (по имени главнаго ея героя), напечатанную въ 1874 году, въ сборникѣ „Складчина“, изданіемъ котораго завѣдывалъ преимущественно князь Мещерскій. С. П.

Ивановича Прусса въ печати, и не помню совершенно, какъ тамъ развиты обстоятельства дѣла... Ахъ, Боже мой, и этого я вамъ, кажется, никогда не говорила! Скажите, говорила ли я вамъ, что въ Москвѣ, въ Обществѣ любителей Русской словесности, которое имѣетъ свои публичныя чтенія въ университетѣ, чтенія торжественныя, по билетамъ *безплатно,* и на которыя стремится вся Москва, вся знать и ученость, я читала публично этого самаго своего «Прусса». Въ залѣ, гдѣ не было мѣста шляпу положить, стояли, на окнахъ сидѣли; за недѣлю нельзя было билета имѣть, всѣ были розданы; и я своими глазами, конечно, несмѣлыми и устремленными въ рукопись, какъ-то мелькомъ увидѣла: у ближняго окна стоялъ молодой священникъ, и у него слезы катились изъ глазъ. Это едва ли не первый примѣръ былъ, что я, Кохановская, т. е. женщина, читала съ той самой публичной каѳедры, съ которой читали всѣ наши литературныя знаменитости, отъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и до Тургенева включительно [1]. И еще въ какой знаменательный для меня день: день моего рожденія, 17 Февраля. Это было Воскресенье; я была у обѣдни ранней, въ церкви св. Параскевы, въ Охотномъ ряду, отслужила молебенъ великомученику Ѳеодору Тирону, панихиду по родителямъ, и въ 12 часовъ была на чтеніи. Вотъ я вамъ сколько неожиданныхъ откровеній передала! Будьте же здоровы и прощайте, моя дорогая и глубоко сердечная! [2]

(1883. Марта 5). Графу Толстому я послала свою рукопись 1-го Марта, такъ что теперь онъ уже долженъ получить ее и читать. Какъ она повліяетъ и повліяетъ ли на его душу? Это Господу вѣдомо. Я молюсь за всѣхъ заблудшихъ молитвою отца Серафима Саровскаго: «Буди пастыремъ заблуждшихъ, вождемъ и свѣтомъ невѣрующихъ, наставникомъ немудрыхъ» и проч. Помолитесь и вы о немъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что человѣкъ можетъ садить, поливать, а возращаетъ одинъ Онъ, Господь всяческихъ [3]. Мои три дорогія! Не нахожу словъ, чтобы высказать вамъ то трогательное, умиленное чувство души, съ какими я приняла всѣ ваши извѣстія, описанія, любовь и поздравленія, по случаю моего 60 лѣтняго дня 17 Февраля. Благодарю васъ съ улыбкою и со слезою. Это первый разъ онъ такъ празднуется: и свято, и литературно, съ просфорой о здравіи и съ сударемъ Пруссомъ за упокой моей литературной дѣятельности. О, моя несравнен-

---

[1]) Жуковскій, Пушкинъ и Гоголь никогда не читали въ обществѣ люб. Росс. Словесности. П. Б.

[2]) Говоря о томъ же въ письмѣ къ племянницѣ (22 Февраля 1874 г.) она прибавила: „громъ рукоплесканій встрѣтилъ и проводилъ меня“. С. П.

[3]) День своего рожденія 17 Февраля 1883 Кохановская провела въ Каменкѣ, имѣніи Вальховской, какъ мы это знаемъ изъ письма ея къ племянницѣ отъ 27 Февр.; теперь она благодаритъ Вальховскую ея сестру и дочь, за вниманіе ихъ. С. П.

пая Марія Васильевна! Какъ это все вы умѣли слить въ одно маленькое торжество для юныхъ душъ! И вы торжествовали въ вашемъ сердечномъ чувствѣ ко мнѣ, и я сама была гостьею на подобномъ же торжествѣ. Слава Господу за дорогое ваше чувство ко мнѣ!

(1883. Іюля 11). У меня состоялось сердечное, неотложное желаніе ѣхать поклониться Козельщанской иконѣ Божіей Матери. По человѣчески, я предполагаю выѣхать 18-го числа, а можетъ быть, и ближе, и вѣроятно, проѣзжу дней 10, такъ что у меня мелькнула мысль дорогой день 22 Іюля быть въ Козельщинѣ... Вѣрую съ упованіемъ, что Матерь Божія, принимая всѣхъ и исцѣляя, и мнѣ поможетъ въ моемъ необычайномъ нездоровьѣ. Покой скорбной души на землѣ одна молитва съ вѣрою и упованіемъ будущей жизни. Тамъ всѣ увидимся, и какъ уже недолго остается всѣмъ намъ ждать этого дня свиданія! Не проживемъ же мы Маѳусаловы вѣки, а обыкновенный вѣкъ человѣческій, и еще женскій, почти уже прожитъ нами. Я еще ѣду въ Харьковъ съ тѣмъ, чтобы заказать себѣ вылить чугунный крестъ къ мѣсту своей могилы: съ маленькою Почаевскою иконою въ серединѣ крестъ и съ избранными мною надписями. Пора готовиться.

(1883. Октября 12). Десять дней какъ я въ Москвѣ. Я была прежде всего во всенощной подъ празднованіе Московскихъ чудотворцевъ и обѣдни въ Успенскомъ соборѣ и въ память освобожденія Москвы отъ Французовъ на крестномъ ходѣ изъ храма Спасителя въ Кремль... Чудный храмъ, хотя не совсѣмъ православный. Но сіяющая высота, вся въ чудно переплетающихся аркахъ, уноситъ душу въ пресвѣтлый рай, и душа сама участвуетъ въ торжественномъ хоровомъ ходѣ, совершаемомъ пророками и апостолами по куполу храма, грядущими къ Царю царствующихъ Христу Богу, возсѣдящему на престолѣ славы.

Смотрѣла памятникъ Пушкина и была на вечернѣ въ Страстномъ монастырѣ, и лучшее что̀ сдѣлала: поставила свѣчу за упокой его души и помолилась о немъ. Не нравится памятникъ. Ничего поэтическаго. Понурая голова и неоживленные глаза, и еще какая-то безсмысленная рѣшетка на лицевой сторонѣ памятника.

(1883. Октября 26). Десять дней я была между жизнью и смертію; но теперь, кажется, Господь даетъ (надежду) къ выздоровленію. Лукія оплакивала меня, какъ самое близкое родное дитя. Помолитесь за меня, моя дорогая!

(1883. Ноября 6). У меня были очень тяжкіе дни и ночи, особливо подъ день вторичнаго пріобщенія Св. Таинъ; я думала, не переживу эту страшную всенощную. Послѣ благодати Св. Даровъ, къ вечеру

мнѣ стало полегче. Господь да помилуетъ всѣхъ насъ, больныхъ и здоровыхъ [1]).

(1883. Декабря 6). Никакъ не выбьюсь изъ болѣзни, и что ни больше праздникъ, то приступъ болѣзни тяжелѣе и неожиданнѣе. На Входъ во храмъ Пресвятой Богородицы, на мой торжественный день, который я такъ праздновала въ прошломъ году, я хотѣла писать вамъ и не могла, а подъ Екатерининъ день у меня была смертельная ночь. Къ 10 числу жажду съѣздить къ Святой Троицѣ и затѣмъ собираться домой на праздникъ. Истомилась въ запертой своей болѣзненной тюрьмѣ. Пробыть въ Москвѣ два мѣсяца и ничего не видать, нигдѣ не быть, ни даже въ Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ и въ Чудовомъ монастырѣ. Прощайте, прощайте, прощайте!

(1884. Января 2. Макаровка). Моя сердечная, моя дорогая! Вчера вечеромъ я получила ваше письмо [2]), и первое, неудержимое, несознательное слово было: слава Богу! И истинно, не должно ли воздать славу въ вышнихъ Богу, что Онъ благоизволилъ принять ее отъ терзаній, заботъ, болѣзней, всѣхъ этихъ мелочныхъ жизненныхъ попеченій, удручавшихъ ее, въ свѣтъ Своей славы? Мы тому вѣруемъ упованіемъ непостыдной любви. Она ли не любила, не терпѣла, не благоговѣла предъ судьбами Промысла, руководившаго ее въ такой долгой и почти исключительной жизни? Слава Богу, жизнь кончилась тихо и въ тишинѣ ночи, полной ангельскихъ воспѣваній: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!» И будемъ ли мы сомнѣваться, что миръ и благоволеніе Божіе не сошли на удрученную душу почившей, отошедшей отъ насъ въ тотъ свѣтлый день, когда Самъ Богъ-Слово сошелъ къ намъ на землю въ плоти и крови нашей, чтобы даровать нашимъ душамъ именно эти небесныя блага мира и Отеческаго благоволенія Бога, сущаго въ небесахъ и призирающаго на землю съ Его неисповѣдимой любовію. Вы осиротѣли, вотъ ваша печаль! Что дѣлать! Но сиротство наше не можетъ быть продолжительно. Мы всѣ устремлены къ одному, намъ неизбѣжному рубежу. И чѣмъ больше *тамъ* намъ милыхъ и близкихъ, переступать рубежъ, кажется, и легче, и желаннѣе.

Послѣ своей болѣзненной двухмѣсячной лежанки взаперти, я не могла надышаться и нарадоваться воздухомъ и движеніемъ. Я попра-

[1]) 24 Ноября Софія Ивановна Погодина (у которой жила въ Москвѣ Кохановская) писала Вальховской о состояніи здоровья Надежды Степановны: „Она, кажется, и не подозрѣваетъ горькой истины, которую скрывать передъ вами, ея ближайшимъ другомъ, я не считаю себя въ правѣ„. Доктора Московскіе признали у нея ракъ; кромѣ того она заболѣла тамъ еще тифомъ. С. П.

[2]) О смерти баронессы А. В. Розенъ, сестры Вальховской и жены барона А. Е Розена, Декабриста; о нихъ говорилось въ письмѣ 1881 года Сентября 22. С. П.

вилась отъ болѣзни, пріобрѣтенной въ Москвѣ, а моя прежняя болѣзнь вся при мнѣ. Какъ принялъ и принимаетъ свою великую, невосполнимую потерю б. Розенъ? Девятый день Анны Васильевны я не забыла и помянула молитвенной любовью ея блаженную душу.

(13 Января). И такъ, вся жизнь ея, прошедшая въ странствованіяхъ, въ глухихъ, неизвѣданныхъ мѣстахъ, вдали отъ родной, любимой семьи, завершилась и погребеніемъ на пустырѣ! Не съ близкимъ ея, не на прекрасномъ мѣстѣ родового кладбища, при церкви, въ оградѣ, нѣтъ! а тамъ она легла, гдѣ одна степь да трава и ни тѣнистаго деревца! Но за то, какъ эта послѣдняя мѣта человѣческаго существованія отвѣчаетъ значенію и смыслу всей ея жизни! *Тамъ* она получитъ все свое. *Самъ мя спрослави, Спасе, во царствіи Твоемъ;* вѣроятно, она знала и молилась этимъ глубокимъ воздыханіемъ нищенствующей на землѣ души. Какъ *она-то* (если это дано душамъ) любуется внучатами съ высоты небесъ? Но для этого божественнаго общенія въ вѣрѣ, нужно почаще пріобщать дѣтей Святыхъ Таинъ. Простой народъ вѣруетъ, что это частое пріобщеніе раститъ дѣтей и дѣлаетъ ихъ здоровыми, умными и счастливыми въ жизни.

Мнѣ теперь трудно пускаться въ дорогу, особливо зимой. Слава Богу, что могу сидѣть въ своемъ уютномъ, благодатномъ уголкѣ и поминать всѣхъ своихъ милыхъ и дорогихъ памятью любви и молитвы.

Скажу вамъ, что эти дни я переписала свой Отвѣтъ графу Толстому, почистила его немножко и послала въ «Гражданинъ». Это единственное изданіе, въ дверь котораго можно постучаться; но что̀ выйдетъ изъ этого стука? отвѣтятъ ли? примутъ ли? Я должна была сдѣлать эту попытку во имя вѣры и любви Христовой; а что̀ будетъ— въ томъ будетъ воля Божія.

(1884. Марта 26). Изъ редакціи «Гражданина» меня увѣдомили, что печатаніе моего Отвѣта графу Толстому произвело сильнѣйшее впечатлѣніе въ Петербургѣ, что спросъ на него такъ великъ, что редакція спрашиваетъ моего позволенія отпечатать его особою брошюрой. Вы понимаете мою радость, узнать, что слѣдовательно не такъ глухи уши и не такъ закрыты сердца, чтобы слово по Богу, раздавшееся изъ души, не могло отозваться во многихъ и многихъ. Слава Господу! Это такая радость, которою радоваться подобаетъ. Видно, такъ Богу угодно, чтобы я рѣшилась, при своей болѣзненности, переписать сама Отвѣтъ, кое-что немногое исправить и послать въ «Гражданинъ», встрѣчая въ журналѣ и въ газетахъ статьи, говорящія о случаяхъ изъ духовной жизни. Я должна была попробовать это первое и послѣднее средство, чтобы сдѣлать съ своей стороны все, что̀ я могла, и таково-то бываетъ всегда Божіе рѣшеніе, а не наше опредѣленіе. Успѣхъ превзошелъ всякое мое ожиданіе, да я и не ожидала

ничего. Статья начала печататься съ перваго заговѣннаго Воскресенья на Великій Постъ, въ самое подходящее время, заняла четыре №№, и уже на другой день послѣ выхода втораго № ко мнѣ было написано то письмо изъ редакціи. На статью уже есть возраженіе, и опроверженіе, и защита. Но защищать то, что написано мною по душѣ и изъ души въ честь имени Божія, я сама могу, съ помощію Божіею.

*(1884. Марта 30 *).* Живу, пока живется. День лучше, другой хуже; все это въ порядкѣ жизни, идущей ко гробу. Боже васъ сохрани подниматься ко мнѣ по такому бездорожью. Я васъ жду и зову, когда погода установится, дорога просохнетъ, по весеннему взглянетъ на насъ солнце, и я буду въ состояніи пободрѣе и повеселѣе видѣть васъ и наговориться съ вами... Жду отъ васъ «Новаго Времени», чтобы увидѣть, какъ и что можно и должно отвѣтить; потому что, съ помощію Божіей, я молчать не буду и, начавши говорить, выскажу все, что должно сказать по чувству души и по святой истинѣ. Племянница все перезываетъ меня въ Кіевъ; нѣтъ! Если Богу угодно, Онъ пошлетъ исцѣленіе на каждомъ мѣстѣ, а безъ воли Божіей люди не помогутъ. Гдѣ мнѣ назначено было Господомъ жить, тамъ да пошлетъ мнѣ милость Господня и умереть, какъ воину на своемъ посту. Я уже испытала эту чуждую, закупоренную въ четырехъ стѣнахъ истому болѣзненнаго одра въ городѣ, да еще въ Москвѣ, гдѣ у меня оказались горячіе внимательные друзья; а въ Кіевѣ? Никого, кромѣ Маріи Онуфріевны!...

Поздравляю васъ съ величайшимъ даромъ Божественнаго пріобщенія; а я сподобилась на первой недѣлѣ. Поѣхала во Вторникъ на вечерню, а въ Среду, на преждеосвященной обѣднѣ, какъ больная и немощная, приняла Св. Дары. И по здоровью своему и по погодѣ едва ли я могу быть въ церкви во всю Страстную седмицу и даже на Свѣтлый Праздникъ. Въ Великую Субботу батюшку мой сосѣдъ привозитъ къ себѣ освящать пасхи, такъ я попрошу священника привезти тогда Св. Дары и еще пріобщить меня. Благодарю очень вашу дорогую за ея двойной крестъ, которымъ она благословляетъ меня. Прощайте, мои дорогіе друзья! Я вспомяну васъ въ свѣтлые часы торжества Великаго Праздника, когда я буду, вѣроятно, одна съ Богомъ и съ своей Великой Заступницей, Собесѣдницей и Сожительницей. Будьте здоровы и не тревожьтесь обо мнѣ. И *нѣсмь едина, яко Отецъ со мною есть!* Мнѣ лучше дома, нежели гдѣ-либо.

За сообщеніе этихъ писемъ въ „Русскій Архивъ“ обязаны мы К. П. Побѣдоносцеву. Примѣчанія къ нимъ принадлежатъ нашему достопочтенному библіографу С. И. Пономареву. П. Б.

*) Послѣднее уцѣлѣвшее письмо. С. П.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Еще о поборникахъ отжившихъ теорій.

Мы уже имѣли случай указать читателямъ *Русскаго Архива* на нѣкоторыя изслѣдованія достоуважаемаго профессора-филолога Ю. А. Кулаковскаго (см. 1898 г. въ кн. 4 нашу замѣтку „Новый поборникъ отжившихъ теорій"). Теперь укажемъ на новыя его работы, несомнѣнно относящіяся къ области начальной Славянской и Русской исторіи; хотя этого отношенія онъ собственно не признаетъ и продолжаетъ поддерживать все тѣже отжившія теоріи. Имѣемъ передъ собою двѣ его послѣднія работы, изданныя въ Кіевѣ въ 1899 г. и тѣсно между собою связанныя, а именно: „Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и Византійскихъ писателей" и, посвященная XI Археологическому съѣзду, „Карта Европейской Сарматіи по Птоломею".

Оба эти сочиненія заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и цѣннаго матеріала, извлеченнаго изъ писателей древнихъ и комментированнаго при помощи новыхъ. Но тамъ, гдѣ дѣло касается народности Сарматовъ, Роксоланъ, Болгаръ и Гунновъ, авторъ въ комментаріяхъ своихъ остается при прежней односторонности, то-есть держится исключительно теорій антиславянскихъ.

Хотя предметомъ одного сочиненія служатъ Алане, которые источниками причисляются къ Сарматскимъ народамъ, а другое сочиненіе посвящено спеціально Сарматіи, авторъ однако менѣе всего занимается разъясненіемъ вопроса: кто такое были Сарматы вообще и два ихъ главные народа: Язиги и Роксолане въ частности? Онъ просто довольствуется положеніемъ, что „принадлежность (ихъ) къ Иранской вѣтви Арійской расы возведена въ современной наукѣ на степень прочно установленнаго факта" *(Алане.* 2), при чемъ имѣются въ виду по преимуществу Мюлленгофа Deutsche Alterthumskunde и изслѣдованія профес. В. Ѳ. Миллера объ Осетинахъ. Но г. Кулаковскій очевидно и не подозрѣваетъ, что такое положеніе есть только, такъ сказать, предварительное, а не окончательное рѣшеніе вопроса. Иранская вѣтвь въ свою очередь не представляла однаго сплошного народа, а распадалась на разные народы и языки. Напримѣръ, къ ней, кромѣ Мидо-Персовъ, несомнѣнно принадлежали Алане; къ ней же могутъ быть относимы и Славяне, какъ Восточно-европейскіе, такъ и Дунайскіе; наконецъ, къ ней можно съ вѣроятностью причислить Литву.

Въ своихъ „Розысканіяхъ“ (Дополнит. полемика) и „Очеркахъ изъ всеобщей исторіи“ я имѣлъ случаи изложить результаты работъ и наблюденій надъ Сармато-Славянскимъ вопросомъ. Тамъ я достаточно разъяснялъ, что недоразумѣнія и путаница въ начальной Славянской исторіи произошли „изъ простого и, можно сказать, наивнаго смѣшенія исторіи Славянскихъ народовъ съ исторіей самого ихъ названія *Славянами*“. (Доп. пол. 100). Названіе это является въ VI вѣкѣ или не ранѣе конца V вѣка; является оно въ формѣ *Склавины* и первоначально обозначало только часть Придунайскихъ Славянъ, именно вѣтвь Сербо-Хорвато-Славонскую; а уже въ послѣдствіи мало-по-малу, книжнымъ путемъ, распространилось на другіе Славянскіе народы, и позднѣе другихъ на Русскій. Такимъ образомъ изъ видового это названіе постепенно обратилось въ родовое.

Въ концѣ концовъ, увы, мы должны признать, что наше родовое названіе произошло не отъ „славы“ или „слова“, а отъ Латинскаго Sclavus, т.-е. рабъ. Точно также и племенное имя Сербовъ произошло отъ однозначащаго Латинскаго Servus. Ключъ къ этому объясненію даютъ намъ преимущественно извѣстія Амміана Марцеллина, писателя IV вѣка, о Дунайскихъ Сарматахъ, одна часть которыхъ называлась Sarmatae Liberi, а другая Sarmatae Servi. Для послѣдняго названія варіантомъ очевидно служило Sarmatae Sclavi, перешедшее потомъ въ Sclavini, а послѣднее въ *Славяне*, т. е. получившее уже иное осмысленіе. Впрочемъ не должно толковать и это названіе въ буквальномъ смыслѣ рабовъ. Servi и Sclavi тутъ означали собственно народы, побѣжденные сосѣдями и обложенные данью, т.-е. зависимые или вассальные. По яснымъ и непререкаемымъ свидѣтельствамъ Греко-Римскихъ писателей, часть Сарматскихъ народовъ передвинулась изъ Черноморскихъ степей въ Паннонскія равнины въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Параллельно съ этимъ движеніемъ отъ нижняго Дуная совершалось другое движеніе Сармато-Славянъ изъ Восточной Европы на Западъ, по бассейну Вислы, Одера и Эльбы. Самое Балтійское море у того же Птоломея именуется „Сарматскимъ океаномъ“. Оба эти движенія сходились на Средне-дунайской полосѣ. Слѣдовательно вотъ съ какого времени Западные Славяне водворились въ Подунайскихъ странахъ, а никакъ не въ VI вѣкѣ, когда появилось названіе *Склавины*, пока еще чуждое массѣ Сарматъ оставшихся въ Восточной Европѣ.

Такова суть моего взгляда на первоначальную Славянскую исторію и на происхожденіе ихъ родового имени. Г. Кулаковскій, при своемъ безусловномъ поклоненіи отжившимъ теоріямъ, остается въ невѣдѣніи этой новой постановки вопроса; по крайней мѣрѣ не упоминаетъ о ней ни единымъ словомъ. Само собой разумѣется, что поэтому онъ никакого удовлетворительнаго отвѣта не дастъ вамъ, если вздумаете спросить его: куда же дѣвался весь этотъ огромный міръ Восточныхъ и Западныхъ Сарматовъ? А между тѣмъ онъ же приводитъ цитаты, явно указывающія на то, что передъ глазами Греко-Римлянъ уже со временъ около Р. Х. Скиѳо-варварскій міръ распадался на двѣ главныя половины: Сарматовъ и Германцевъ, т.-е. Славянъ и

Нѣмцевъ. Напримѣръ, вотъ какъ выражаются писатели I вѣка. Плиній: Scytharum nomen usquequaque transit in Sarmatos atque Germanos. Тацитъ: Peucinorum..... nationes Germanis seu Sarmatis adsribam, dubito. (*Алане.* 8). Но подавленный массой видовыхъ названій и всякаго рода мелочей въ своихъ источникахъ, г. Кулаковскій очевидно, какъ спеціалистъ филологъ, не можетъ подняться до историческихъ обобщеній и потому рабски слѣдуетъ своимъ Нѣмецкимъ авторитетамъ въ вопросахъ Славянской исторіи. Положимъ существуютъ у насъ и спеціалисты-историки, ему единомышленные; но тѣ совсѣмъ не углубляются въ данные вопросы и относятся къ нимъ крайне поверхностно.

Между прочимъ любопытны его выводы о Гуннахъ: опять повтореніе разныхъ домысловъ, ни на чемъ серьезномъ не основанныхъ. Извѣстно, что Птоломей, писатель II вѣка, упоминаетъ ихъ въ числѣ народовъ Восточной Европы, помѣщая въ сосѣдствѣ Роксоланъ и Бастарновъ. Г. Кулаковскій видитъ въ нихъ Тюркское племя, будто бы отдѣлившееся отъ Китайскихъ *Хіунну* въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. и передвинувшихся на далекій Западъ. Авторъ однако сознается, что о такомъ передвиженіи ничего неизвѣстно; но оно якобы доказывается Тюркскимъ именемъ рѣки Урала *Даиксъ*, т.-е. Яикъ, встрѣчающимся у того же Птоломея (Карта Евр. Сарм. 24. со ссылкою на сочиненіе Томашека). Но, во-первыхъ, происхожденіе и значеніе имени Даиксъ остается все-таки темнымъ; а, во-вторыхъ, неизвѣстно, какому народу оно принадлежитъ. Въ примѣчаніи авторъ указываетъ на нѣкоторыя фразы источниковъ, какъ бы различающія Гунновъ Европейскихъ и Азіатскихъ; но извѣстно, что для писателей того времени Азія начиналась за Дономъ, а не въ Китаѣ, какъ это и обозначено на картѣ Птоломея. И вотъ на такихъ-то болѣе чѣмъ шаткихъ основаніяхъ дѣлаются столь важные выводы! Гдѣ же тутъ сколько-нибудь научные пріемы и методы? Гдѣ же научно-критическое отношеніе къ досужимъ домысламъ Дегиня и его послѣдователей, смѣло передвигающихъ народы, куда имъ вздумается, въ своемъ воображеніи? Довольно подробный пересмотръ Гуннскаго вопроса въ моихъ *Разысканіяхъ.* Достоуважаемый г. Кулаковскій находитъ, что гораздо легче ихъ игнорировать, чѣмъ представить какое-либо дѣльное возраженіе.

Вотъ еще образчикъ его слѣпого поклоненія Нѣмецкимъ домысламъ въ тѣхъ же вопросахъ.

По поводу извѣстной росписи Болгарскихъ князей, найденной покойнымъ Андр. Н. Поповымъ, г. Кулаковскій замѣчаетъ: „Маркваръ объяснилъ самымъ простымъ и вѣроятнымъ образомъ цыфры правленія двухъ первыхъ князей, Авитохола 300 лѣтъ и Ирника 150, а именно временемъ правленія двухъ династій". (*Алане.* 42). Въ дѣйствительности это объясненіе самое искусственное и самое невѣроятное. Не говоря уже о натяжкѣ Маркварда при удлиненіи жизни (или правленія) Ирника съ 108 на 150 лѣтъ, о династіяхъ подъ этими цыфрами не можетъ быть рѣчи потому, что на нихъ указано въ самой росписи: и Авитохолъ, и Ирникъ были изъ рода *Дуло,* слѣдовательно при-

надлежали къ одной и той же династіи. Далѣе въ росписи прямо говорится, что впослѣдствіи Кормисошъ перемѣнилъ царствующій родъ Дуловъ на другой. Поэтому, и послѣ сего объясненія, я могу, впредъ до болѣе вѣроятнаго, спокойно остаться при своемъ предположеніи, что „загадочный Авитохолъ это никто иной какъ самъ Аттила, которому, какъ человѣку необыкновенному, народныя преданія Болгаръ успѣли придать полумиѳическій характеръ, снабдивъ его трехсотлѣтнимъ возрастомъ". (*Разысканія*, 510).

На послѣдней страницѣ своей брошюры о Сарматіи авторъ мимоходомъ касается „того обстоятельства, что Римскія монеты, находимыя на территоріи нынѣшнихъ Волынской, Кіевской и Полтавской губерній, относятся преимущественно ко временамъ Антониновъ и не идутъ дальше Септимія Севера". Когда въ 1890 г. на VIII Археологическомъ съѣздѣ (въ Москвѣ) это именно обстоятельство было поставлено на видъ Д. Я. Самоквасовымъ, мною было предложено посильное объясненіе. Я привелъ его въ непосредственную связь съ войнами втораго столѣтія, Дакійскою и Великою Маркоманскою, въ которыхъ, кромѣ Даковъ и Германцевъ, подверглись Римскому погрому Сарматскіе, т.-е. Славянскіе, народы. Эти народы тогда были потѣснены Римлянами изъ Придунайскихъ мѣстъ и частію удалились обратно въ свои прежнія болѣе Сѣверныя и Сѣверо-Восточныя жилища, унося съ собою легкое имущество, въ томъ числѣ конечно и Римскія монеты. Симъ Римскимъ погромомъ и обратнымъ движеніемъ Славянъ отъ Дуная я позволилъ себѣ также объяснять то извѣстное мѣсто Русской начальной лѣтописи, гдѣ она приводитъ какое-то темное преданіе о нашествіи Волоховъ (Римлянъ) на Дунайскихъ Славянъ и происшедшемъ отсюда разселеніи ихъ по Вислѣ, Днѣпру, Припети, Деснѣ, Сулѣ и т. д. Само собой разумѣется, что мои объясненія остались неизвѣстны автору изслѣдованія „Европейской Сарматіи по Птолемею" изслѣдованію, повторяю, по многимъ подробностямъ цѣнному и любопытному.

Хотя это изслѣдованіе и было посвящено XI Археологическому съѣзду (второму Кіевскому), однако на съѣздѣ, кажется, не было о немъ доклада. Но вопросъ о Сарматахъ былъ все-таки слегка затронутъ, и вотъ по какому поводу.

Однимъ изъ Славянскихъ гостей, многоуважаемымъ Чешскимъ профессоромъ Нидерле, было сдѣлано любопытное сообщеніе о находкахъ въ Венгріи такихъ предметовъ, которые носили очевидные слѣды Славянскаго происхожденія. Но его, сколько я могъ понять, затрудняло то обстоятельство, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ или по монетамъ, предметы эти должны быть отнесены къ первымъ вѣкамъ Христіанской эры, слѣдовательно къ тому времени, когда Славяне будто бы еще не жили въ тѣхъ мѣстахъ. Подобное же затрудненіе наканунѣ было высказано другимъ Чешскимъ ученымъ, г. Пичемъ, по поводу находокъ въ Австріи. Нужно замѣтить, что Западнославянскіе ученые все еще держатся старыхъ положеній Шафарика въ семъ вопросѣ. Какъ ни почтенна эта дань уваженія къ великому Слависту, однако

и наука Славянскихъ древностей тоже предъявляетъ свои права на дальнѣйшее движеніе. Однимъ словомъ, вашъ покорнѣйшій слуга пожелалъ вкратцѣ познакомить Славянскихъ гостей съ сутью своихъ наблюденій по части Сармато-Славянъ и съ выводами о времени ихъ водворенія въ средней Европѣ—выводами, которые наглядно подтверждаются означенными археологическими находками.

Вслѣдъ за моимъ дополненіемъ къ сообщенію профессора Нидерле (а отнюдь не возраженіемъ, какъ-то писали нѣкоторые газетные корреспонденты, переиначившіе весь этотъ эпизодъ), появился на каѳедрѣ г. Милюковъ и подвергъ глумленію самый вопросъ о Сармато-Славянахъ. По его словамъ, если на первыхъ и послѣдующихъ съѣздахъ терпѣли этотъ вопросъ, то ужъ никакъ онъ не можетъ имѣть мѣсто на XI-мъ съѣздѣ, такъ какъ славянство Сарматовъ теперь уже опровергнуто и сдано въ архивъ. Тутъ все оказалось неправдой. Между прочимъ, вопросъ этотъ на предыдущихъ съѣздахъ совсѣмъ не обсуждался, а былъ только слегка затронутъ мною на VIII (второмъ Московскомъ), какъ это сказано выше. Меня, признаюсь, удивило такое отношеніе къ научному вопросу со стороны бывшаго приватъ-доцента по Русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Но его апломбъ, въ соединеніи съ дешевымъ остроуміемъ, былъ награжденъ громкими рукоплесканіями публики, что̀ и слѣдовало доказать. Я было попытался спросить, кто, гдѣ и когда доказалъ нетождество Сарматовъ со Славянами; но г. Милюкова въ ту минуту не оказалось налицо. Впрочемъ, послѣ засѣданія онъ удовлетворилъ моему любопытству, сославшись на вышеуказанныя сочиненія Мюлленгофа и Миллера, которыя доказывали иранство Сарматовъ. Такая ссылка не была новостью для меня, ни отвѣтомъ на заданный вопросъ. Принадлежность Сарматовъ къ Иранской вѣтви, какъ сказано, не исключаетъ болѣе точнаго опредѣленія той группы народовъ, которая является подъ этимъ именемъ. А доказательства этой принадлежности главнымъ образомъ относятся къ Аланамъ-Осетинамъ, которыхъ никто за Славянъ не выдаетъ; тогда какъ славянства Язывовъ и Роксоланъ никто пока не опровергъ научнымъ образомъ, вопреки голословному заявленію г. Милюкова. Онъ и г. Кулаковскій въ подобныхъ вопросахъ явно отрицаютъ самостоятельность Русской исторической науки и, какъ будто соревнуя помянутой вѣтви Sclavinorum, рабски признаютъ авторитетъ только Нѣмцевъ и ихъ послѣдователей, въ чемъ желаю имъ дальнѣйшаго преуспѣянія*).

*) Сейчасъ приведенный эпизодъ невольно напоминаетъ мнѣ другой, впрочемъ гораздо болѣе крупный: именно мое столкновеніе съ извѣстнымъ канонистомъ, покойнымъ профессоромъ А. С. Павловымъ, на VI Археологическомъ съѣздѣ (въ Одессѣ), по поводу ереси Жидовствующихъ. Признаюсь, я не думалъ, что̀ это столкновеніе будетъ его біографами поставлено ему чуть ли не въ особую и притомъ научную заслугу, и даже найдетъ себѣ видное мѣсто въ его некрологѣ. По крайней мѣрѣ съ такимъ характеромъ явился послѣд-

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ, для людей, интересующихся вопросомъ о происхожденіяхъ Русскаго государства и Русской націи, укажу на одинъ новый источникъ, имѣющій отношеніе къ сему воросу. Говорю о VII томѣ Средневѣковой Библіотеки, издаваемой Саѳою (Парижъ, 1894. Съ этимъ томомъ я ознакомился, благодаря любезности проф. А. И. Кирпичникова). Онъ заключаетъ въ себѣ Византійскій хронографъ какого-то анонимнаго автора (Συνοψις χρονικη) и, повидимому, составленъ въ эпоху послѣдней династіи, т.-е. Палеологовъ. Здѣсь (стр. 108—109) находимъ извѣстный расказъ Византійскихъ хроникъ объ осадѣ Константинополя Аварскимъ каганомъ при императорѣ Ираклін въ 626 году, съ нѣкоторыми варіантами. Тутъ этотъ расказъ отчасти близокъ къ хроникѣ Манассіи; но ладьи-однодеревки Тавроскиѳовъ (подручныхъ кагану), о которыхъ упоминаетъ Манассія, у даннаго анонима являются подъ именемъ „Русскихъ однодеревокъ (Ρωσικὰ μόνοξυλα). Затѣмъ, согласно съ Пасхальной хроникой, Кедриномъ и нѣкоторыми другими, данный анонимъ повѣствуетъ о томъ, какъ патріархъ Сергій и власти съ народомъ въ торжественномъ моленіи обнесли икону Богоматери вокругъ Константинопольскихъ стѣнъ и какъ внезапно поднявшаяся буря потопила непріятельскіе корабли. Онъ прибавляетъ, что въ память сего чуда сочиненъ былъ гимнъ Побѣдоносной Защитницѣ: разумѣется извѣстная церковная пѣснь „Взбранной воеводѣ побѣдительная". Тоже чудо повторяется потомъ въ повѣствованіяхъ о нѣкоторыхъ послѣдующихъ нападеніяхъ на Константинополь; между прочимъ по хроникѣ Амартола оно отнесено къ нашествію Руси при императорѣ Михаилѣ III; а изъ этой хроники расказъ перенесенъ въ Русскую начальную лѣтопись. (См. мои *Розы-*

ній въ Октябрьской книгѣ Журнала М. Нар. Пр. за 1898 г. некрологъ, составленный проф. Сокольскимъ; но данный эпизодъ принадлежитъ не ему, а отличному нашему византинисту, теперь тоже покойному, В. Г. Васильевскому, который этотъ некрологъ снабдилъ своими вставками. На обращенныя тогда ко мнѣ рѣзкія и голословныя обвиненія ограничился я въ засѣданіи съѣзда нѣсколькими словами, опасаясь увлечься острымъ пререканіемъ, и предпочелъ перенести вопросъ въ печать. Тутъ, когда пришлось вести полемику не голословно, а съ документами въ рукахъ, противника моего хватило только на первую реплику, а второй не послѣдовало. (См. мои *Мелкія Соч.* вып., 2). Поэтому не совсѣмъ понятно, о какомъ „рядѣ тяжеловѣсныхъ доказательствъ", будто бы представленныхъ Павловымъ на означенномъ засѣданіи, говорится въ некрологѣ: если бы они существовали, то почему же ихъ не оказалось въ печатной репликѣ? Но для меня собственно любопытно добросовѣстное признаніе автора вставки, что хотя онъ былъ предсѣдателемъ въ этомъ засѣданіи и, видя недоразумѣніе со стороны моего противника, не слыхавшаго начала моего сообщенія, сознавалъ свою „обязанность" вмѣшаться, однако побоялся „остановить оратора" и разъяснить ему это недоразумѣніе. Вообще же подобные эпизоды относятся не столько къ сферѣ нашихъ научныхъ интересовъ, сколько къ характеристикѣ нашихъ общественныхъ нравовъ. Нѣкоторые ученые не стѣсняются публично и рѣзко высказывать свое jalousie de métier; а quasi-интеллигентная публика поощряетъ ихъ восторженными рукоплесканіями.

сканія, 183 и *Исторія Россіи*, вып. I. прим. 1). Къ тому же нашествію Руси нѣкоторые несправедливо пріурочивали вмѣстѣ съ чудесною бурею и сочиненіе названной церковной пѣсни. Изъ хронографа, изданнаго Саѳой, становится понятно, почему произошло такое смѣшеніе: если вѣрить сему хронографу, то не только въ 860 году, но уже въ 626 подъ стѣнами Византіи являются Руссы на своихъ однодеревкахъ, и притомъ съ своимъ народнымъ именемъ Русь или *Рось*, а не съ книжнымъ названіемъ того времени, т.-е. *Роксолане*.

Любопытно, что тожество этихъ двухъ народовъ (Роси и Роксоланъ) считалось несомнѣннымъ у Польскихъ и Западнорусскихъ ученыхъ до XVII вѣка включительно. Но въ XVIII вѣкѣ Байеро-Шлецеровская школа Петербургскихъ академиковъ-Нѣмцевъ принялась облекать въ научную форму легенду о призваніи Варяжскихъ князей и смѣшеніе Руси съ Варягами. Въ концѣ-концовъ несостоятельность ея конечно обнаружилась; но ей все-таки удалось на цѣлыя полтора столѣтія задержать правильную постановку начальной Русской исторіи.

Пользуюсь случаемъ вновь и вновь напомнить своимъ соотечественникамъ, что въ 1906 году истекаетъ нашему народу двѣ тысячи лѣтъ историческаго существованія, т. е. съ перваго упоминанія исторіи о Роксоланахъ или Руси. Неужели настоящее поколѣніе ничѣмъ не отмѣтитъ этого двухтысячелѣтія и оставитъ свое потомство при одномъ Новогородскомъ памятникѣ недостовѣрному событію? Сей памятникъ главнымъ образомъ будетъ свидѣтельствовать о недостаткахъ Русской историко-критической науки въ срединѣ истекающаго столѣтія. Если въ Новочеркасскѣ въ наши дни воздвигается монументъ Ермаку, который былъ уроженцемъ Сѣверной Россіи и принадлежалъ Волжскому, а не Донскому казачеству, то историческая критика тутъ не при чемъ, ибо своевременно указывала на этотъ фактъ. Съ своей стороны могу сослаться на 69-е примѣчаніе къ III тому *Исторіи Россіи*.

Д. Иловайскій.

Посланіе князя П. А. Вяземскаго къ канцлеру князю А. М. Горчакову

из Эмса въ Баденъ-Баденъ.

Великій канцлеръ дѣлъ сердечныхъ
(О дипломаціи ужъ я не говорю!)
Извѣстно, множествомъ дѣяній безупречныхъ
Приносите Вы дань отчизнѣ и Царю.

*

Но и красавицамъ не чуждо Вамъ служенье:
И тутъ Вы опытный и зоркій дипломатъ,
И прелесть женскую, и все ея значенье
Угадывать привыкъ Вашъ прозорливый взглядъ.

*

Вашъ Баденъ съ давнихъ поръ красавицами славенъ,
Но въ ихъ созвѣздіи есть свѣтлая звѣзда,
Которой чудный блескъ игривъ и своенравенъ
И, сердцу разъ мелькнувъ, въ немъ свѣтитъ навсегда.

*

Любуюсь на нее я, и заочно глядя!
Не нужно мнѣ назвать ту милую звѣзду;
Вы сами скажете: ей Миклашевскій*) дядя,
И въ Васъ счастливаго соперника найду.

Эмсъ, 14 (26) Мая 1875.

---

*) Пріятель канцлера, князя Горчакова, Миклашевскій—родной дядя графини Александры Андреевны Олсуфьевой. Красотѣ ея бабки, Марьи Павловны Олсуфьевой (урожденной Кавериной) нѣкогда въ Москвѣ, въ началѣ столѣтія, князь П. А. Вяземскій приносилъ также дань восхваленія. П. Б.

А. С. ПУШКИНЪ НА БЕРДАХЪ [1]).

....„Мнѣ Царь Пугачева писать поручилъ".
Н. А. Некрасовъ.

Императоръ Николай I-й, узнавъ, что Пушкинъ собираетъ матеріалы о Пугачевскомъ бунтѣ, однажды сказалъ ему: «Я не зналъ, что ты собираешься писать исторію Пугачева; а то бы показалъ тебѣ его сестрицу, что двѣ недели какъ умерла въ крѣпости», и затѣмъ милостиво разрѣшилъ ему доступъ въ государственные архивы. По окончаніи исторіи Пугачевскаго бунта, Пушкинъ получилъ для изданія своего труда изъ государственнаго казначейства 20 т. рублей [2]).

Имѣя свободный доступъ въ государственные архивы, А. С. Пушкинъ, на сколько представлялось возможнымъ, исчерпалъ архивные матеріалы и пожелалъ лично ознакомиться съ мѣстами дѣйствія составляемой имъ *исторіи*, для чего отправился въ мѣстности, нѣкогда охваченныя пожаромъ мятежа, посѣтилъ Казань, Симбирскъ, имѣніе поэта Н. М. Языкова; 14 Сент. 1833 выѣхалъ изъ Симбирска къ Оренбургу, но возвратился съ 3-й станціи: заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и Пушкинъ, вѣрный предразсудку, не рѣшился продолжать своего пути. Только 18-го Сентября онъ прибылъ, наконецъ, въ Оренбургъ.

Представившись военному губернатору, генералъ-адъютанту В. А. Перовскому, незадолго до того назначенному на эту должность, и передавъ ему о цѣли своей поѣздки, Пушкинъ былъ обласканъ началь-

---

[1]) Настоящая статья была прочитана авторомъ, въ нѣкоторомъ сокращеніи, на торжественномъ публичномъ засѣданіи Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи, посвященномъ чествованію памяти Пушкина, 26 Мая 1899 г., въ залѣ Оренбургскаго Общественнаго Собранія.

[2]) Матеріалами для этой статьи служили „Исторія Пугачевскаго бунта" А. С. Пушкина, „Капитанская дочка"—его же, „Топографія Оренбурга"—Рычкова, „Исторія Оренбургская"—его же, Воспоминанія В. И. Даля и Кайданова, „Энциклопедическій словарь" Эфрона и Брокгауза, „Русская Старина" за 1880 и 1886 г.г., дѣла Оренбург. Ученой Архивной Комиссіи и архива Оренбург. Духовной Консисторіи, газета „Свѣтъ" № 144/99 г. и разсказы старожиловъ, помнящихъ поѣздку А. С. Пушкина въ 1833 году по Оренбургскому краю.

никомъ края, который любезно предложилъ ему остановиться у него на квартирѣ *).

Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Перовскомъ былъ тогда извѣстный Русскій писатель, докторъ медицины и хирургіи, Влад. Иван. Даль (казакъ Луганскій) получившій извѣстность, какъ литераторъ, изданіемъ своихъ «Сказокъ», какъ врачъ—статьей въ защиту гомеопатіи и, какъ натуралистъ — переводомъ «Естественной исторіи Оренбургскаго края», Эверсмана. Съ Далемъ Пушкинъ и совершилъ объѣздъ Оренбургской линіи крѣпостей, при чемъ знавшій мѣстный край спутникъ его служилъ для него живымъ лексикономъ.

Разыскивая здѣсь и тамъ преданія и живыхъ свидѣтелей кровавой эпохи, которую народъ такъ выразительно прозвалъ *Пугачевщиною*, Пушкинъ слушалъ казачьи пѣсни, сложенныя про Емельку Пугача, бесѣдовалъ съ сыномъ казака Дмитрія Пьянова, упомянутаго поэтомъ въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», слушалъ полные драматизма разсказы очевидцевъ про кровавыя дѣла Пугачевскихъ шаекъ, и въ головѣ его, кромѣ *исторіи*, создавался *романъ*. «Капитанская дочка», написанная, какъ извѣстно, одновременно съ «Исторіей Пугачевскаго бунта», является живой страницей, выхваченной изъ жизни бывшихъ Оренбургскихъ линейныхъ крѣпостей, теперешнихъ казачьихъ станицъ.

Бердскій поселокъ, называвшійся раньше *Бердской слободой*, основанъ и укрѣпленъ въ 1743 году, сначала на р. Яикѣ (Уралѣ), на мѣстѣ теперешняго Оренбурга, а затѣмъ перенесенъ на р. Сакмару, въ разстояніи 7 верстъ отъ города. Слобода эта, какъ и большинство тогдашнихъ крѣпостей, была обнесена небольшимъ деревяннымъ оплотомъ, со рвомъ и рогатками, и по угламъ имѣла батареи; дворовъ въ слободѣ было 200; жалованныхъ казаковъ 100, остальное населеніе составляли гарнизонъ и «нижняго и пришлаго званія люди». По окрестнымъ высотамъ стояли пикеты и маяки, изъ конной стражи. Въ слободѣ были свой атаманъ и особый старшина. Вблизи этой-то слободы, на лѣтней Сакмарской дорогѣ, Пугачевъ и имѣлъ военный лагерь, во время осады имъ Оренбурга. Отсюда разъѣзды разбойничьихъ шаекъ не переставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и

---

*) В. А. Перовскій жилъ въ домѣ, принадлежавшемъ мурзѣ, полковнику Тимашеву на бывшей Губернской, нынѣ Николаевской (Главной) улицѣ, какъ разъ противъ Благовѣщенской, нынѣ Вознесенской церкви. Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ Оренбургскому купцу И. В. Ладыгину. На стѣнѣ этого дома, по инициативѣ пишущаго эти строки и по постановленію Оренб. Ученой Архивной Комиссіи, въ скоромъ времени будетъ вывѣшена мраморная доска съ надписью о пребываніи въ немъ А. С. Пушкина. Доска эта заказана уже на одномъ изъ мраморныхъ заводовъ въ г. Перми.

держать гарнизонъ въ постоянномъ опасеніи. Изъ-подъ Бердъ Пугачевъ съ войскомъ и орудіями неоднократно отлучался для взятія и разоренія линейныхъ крѣпостей. Во время такихъ отлучекъ, его поочередно замѣняли Чика, Хлопуша и Бѣлобородовъ. Возвращался Пугачевъ въ лагерь, обыкновенно везя массу награбленнаго добра и ведя полоненныхъ казачьихъ красавицъ....

Въ выжженной, по приказанію Оренбургскаго губернатора, генералъ-поручика Рейнсдорпа, казачьей слободѣ (нынѣ Оренбугская станица или форштадтъ—предмѣстье города), въ уцѣлѣвшей отъ огня церкви Св. Георгія, разбойники ободрали и осквернили св. иконы, разломали престолъ, раскладывали на полу костеръ и грѣлись около него, изрыгая полныя кощунства ругательства.... На паперти была поставлена пушка, на колокольнѣ—другая. Страшная пальба, какъ отсюда, такъ и съ крѣпостныхъ городскихъ стѣнъ, не умолкала. Вмѣсто пуль и картечи Пугачевцы, въ концѣ-концовъ, употребляли мѣдныя гривны Всѣ усилія злодѣевъ однако были напрасны: городъ стойко выдерживалъ осаду. Между тѣмъ, наступали заморозки, и Пугачевъ съ своею буйной ватагой перекочевалъ изъ лагеря въ самыя Берды, ставшія вертепомъ убійствъ, разгула и самаго необузданнаго распутства. Въ Бердскую слободу было приведено множество молодыхъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ Пугачевымъ на поруганіе разбойникамъ, которые, натѣшившись, предавали своихъ несчастныхъ жертвъ смерти, со страшными надъ ними надругательствами.... Казни происходили каждый день. Овраги около Бердъ были навалены трупами растрѣлянныхъ, удавленныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Трупы, разлагаясь, издавали зловоніе, а надъ ними съ крикомъ носились вороны и другія хищныя птицы.... Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и безчестя женщинъ. Кругомъ слышались выстрѣлы, дикое гиканье и крики, что пора-де покориться и идти служить царю-батюшкѣ Петру Θеодоровичу.

Пугачевъ съ сообщниками, пародируя, называлъ Татарскую деревню Каргале (Сеитовскій посадъ) Петербургомъ, Сакмарскій городокъ-Кіевомъ, а излюбленную имъ резиденцію Берды—Москвой.

Г. Оренбургъ, какъ извѣстно, стойко выдержалъ шестимѣсячную осаду Пугачевскихъ полчищъ (съ 5 Октября 1773 года по 23 Марта 1774 г.) и остался вѣренъ Императрицѣ, за что получилъ отъ Великой Екатерины высочайшую грамоту.

Послѣ Пугачевскаго нашествія, на Бердахъ остались тогда 18 пушекъ, 17 бочекъ мѣдныхъ денегъ на 1700 рублей и множество хлѣба. Печальная память о Пугачевѣ сохранилась и въ видѣ многихъ кургановъ, называемыхъ здѣсь «Пугачевскими сопками». Въ нѣкоторыхъ изъ та-

кихъ кургановъ, а также въ Губерлинскихъ горахъ, до настоящаго времени обрѣтаются клады, состоящіе изъ разныхъ вещей и монетъ. Много пушекъ, отлитыхъ сподвижниками Пугачева на Уральскихъ заводахъ, находится то здѣсь, то тамъ. Въ Поуральѣ живы еще преданія, свидѣтельствующія о страшномъ мятежѣ, какъ полымемъ пожара, охватившемъ все Поволожье и Пріуральскій край.

Естественно, что такое богатое событіями прошлое здѣшняго края не могло не привлечь Пушкина ознакомиться съ нимъ на мѣстѣ.

Природа Бердскихъ окрестностей въ 30-хъ годахъ была живописная: рѣка Сакмара была многоводна и несла свои быстрыя волны въ берегахъ, густо покрытыхъ почти дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ водились еще хищные звѣри. Рѣка подходила къ самому поселку. На противоположной лѣсу сторонѣ открывалась другая картина: поемные луга и долины покрывались высокой и сочной травой, зеленѣли огороды, на которыхъ качались отъ вѣтра и тихо скрипѣли «журавли» казачьихъ колодцевъ. На Бердахъ, какъ и въ другихъ замкнутыхъ крѣпостяхъ-селеніяхъ и ихъ окрестностяхъ, виднѣлся еще и въ 30-хъ годахъ вооруженный людъ: солдаты, казаки, караулы, цѣпи, и слышался повелительный голосъ коменданта, команды, трубы, барабаны; даже бабы за водой ходили не иначе, какъ подъ вооруженной охраной.

Сидя на крылечкѣ казачьей избы, Пушкинъ собиралъ здѣсь вокругъ себя казаковъ и казачекъ, слушалъ ихъ пѣсни, смотрѣлъ хороводы. Чудная панорамма природы, лихія казачьи пѣсни, относительная свобода, все это вызывало въ Пушкинѣ веселость: онъ говорилъ экспромты, сыпалъ остроты....

Предъ будущимъ творцомъ «Капитанской дочки» вели свои разсказы престарѣлые казаки и казачки.

Приходилось Пушкину вступать въ такой разговоръ:

— А, ну-ка, дѣдушка, разскажи намъ, сдѣлай одолженіе, про Пугача.

— Для кого Пугачъ, ваша милость, а для меня царь-батюшка, Петръ Ѳедорычъ.

Нѣкоторые казаки, въ особенности Уральцы, и до сихъ поръ неохотно дѣлятся воспоминаніями прошлаго: они простодушно и наивно вѣрятъ еще, что наглый самозванецъ былъ дѣйствительно Русскій царь.

Но обаятельность поэта, ласковое обращеніе и щедрость подкупали даже и стариковъ; они всё смѣлѣе и смѣлѣе возстановляли въ памяти эпизодъ за эпизодомъ мрачнаго прошлаго.

Но съ особенною силой воспоминанія охватили поэта, когда предъ нимъ предстала престарѣлая, но еще бодрая, свидѣтельница дикаго бунта, старуха-казачка, о которой поэтъ писалъ тогда же женѣ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ шесть мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune, нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виноватъ, и про тебя не подумалъ». Это была дѣйствительно замѣчательная женщина, и не одинъ Пушкинъ обращалъ на нее вниманіе.

Тѣмъ пріятнѣе могло быть Пушкину внимать безхитростному и правдивому повѣствованію добродушной старушки, что въ памяти его возставалъ дорогой образъ другой старушки, его «дряхлой голубки», покойной няни Арины Родіоновны, чудныхъ сказокъ которой онъ такъ, бывало, заслушивался въ селѣ Михайловскомъ.

— «И разнесся въ слободѣ нашей слухъ, что изволилъ прибыть царь-батюшка Петра Өедорычъ, дребезжащимъ отъ волненія голосомъ и, шамкая, вела свою рѣчь эта старушка. Прискакали кульеры, пособрали народъ: такъ, молъ, и такъ, приготовьтесь встрѣчать законнаго царя своего, потому какъ онъ жалуетъ всѣхъ васъ крестомъ и бородой, землями и угодьями разными.... Скоро и другой слухъ прошелъ, что несмѣтная рать движется, крѣпость за крѣпостью беретъ, комендантовъ тамошнихъ вѣшаетъ, казну грабитъ, непокорныхъ наказуетъ.... Долго-ль, коротко-ль, услыхали мы топотъ конскій, загремѣли пушки; прискакали гонцы, все Башкиры больше, да «севрюжники» [1]).

«Покоритеся!» И покорились: народъ разодѣлся, какъ на свѣтлый праздникъ, высыпалъ на улицу; дѣвки да бабы въ два ряда, какъ солдаты, стоятъ.... Попъ съ крестомъ вылѣзъ на паперть, атаманъ казацкій хлѣбъ-соль пріуготовилъ.... Не заставилъ ждать себя и невѣдомый гость: тьма тьмущая войска остановилась на Сакмарской дорогѣ, лагерь разбили.... пѣсня пошла, да шумъ; благополучное вступленіе, значитъ, справляли.... Прибыли скоро и къ намъ; на церкви звонъ колокольный раздался, попъ съ крестомъ встрѣлъ *самого то*, но тотъ въ храмъ не вошелъ, потому какъ изъ *кержаковъ* [2]) происхожденіе имѣлъ и осѣнялся большимъ крестомъ. Манифесту тогда прочитали, народъ на колѣни упалъ и билъ земные поклоны. Самъ-отъ принялъ «хлѣбъ-соль», обѣщаніе давалъ на вольности разныя, нашу слободу матушкой-Москвой величалъ, ряды дѣвокъ обошелъ, борки, ленты да монисты жаловалъ, иныхъ, что попригляднѣй, ласкать всячески изволилъ и деньгами дарилъ.

---

[1]) „Севрюжниками" въ Оренбургѣ называютъ Уральскихъ казаковъ.
[2]) „Киржаками" Оренбургскіе казаки называютъ раскольниковъ-сектантовъ.

«А колокола всё гудятъ, да гудятъ.... въ храмѣ Божіемъ служба идетъ, государя Петра Ѳедорыча съ государыней Катериной Лексѣвной поминаютъ.... честь честью! Опосля пригнали еще двухъ поповъ; тѣ же службу, почитай кажный день, справляли, обѣдню да вечерни. Недолго Пугачъ, али царь-батюшка, какъ его тогда величали, оставался у насъ; выкатилъ онъ для народа бочку съ виномъ, своего енерала приставилъ да ораву приспѣшниковъ, а самъ въ лагерь отбылъ чинить судъ да расправу, да на городъ приступой идтить собираясь. Ни выѣзду, ни выходу по дорогамъ да по оврагамъ; засѣли люди военные.... пальба да разбои.... сколько дѣвокъ, башкирьё поганое, ненасытное, у насъ перепортили, да добра разнаго растащили.... Слобода была сущій вертепъ. Изъ крѣпости Оренбургской тогда распоряженіе вышло: слободу казацкую, что форштадтомъ теперь прозывается, сжечь. И сожгли, акромя церкви Божьей, да избы одной.... Вороги окаянные ворвались и въ форштадтъ, церковь святую осквернили, въ иконы стрѣляли и изъ пушекъ съ колокольни въ городъ палили; съ крѣпости тоже тогда не плошали ядрами, да картечами злодѣя пугали.... Въ городѣ голодъ начался, болѣсти разныя, но не сдался онъ богопротивному человѣку и вѣренъ царицѣ-матушкѣ и присягѣ остался.... Объ осени ватага вся буйная съизнова припожаловала къ намъ въ слободу, для ложнаго царя золотыя [1]) палаты привезли, тронъ смастерили, и возсѣлъ на него чинить судъ да расправу бѣглой казакъ Донской, царемъ прозываясь, въ красную одежу разрядившись и голубой лентой перевязь сдѣлавши.... По бокамъ у него возсѣли два казака, одинъ съ булавой, другой съ серебрянымъ топоромъ. У одного еще ноздри были рваны, да на лбу клеймо.... Кто подходилъ, кланялся въ землю и, крестясь, цѣловалъ руки Емелькѣ»....

Пушкинъ слушалъ этотъ разсказъ не прерывая и, затѣмъ, много и отъ души хохоталъ при разсказѣ другихъ казаковъ о курьезныхъ эпизодахъ изъ пребыванія на Бердахъ неграмотнаго, но болѣзненно-честолюбиваго раскольника - самозванца. Передадимъ нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ.

Войдя однажды въ Бердскую церковь [2]) въ зимнемъ Польскомъ

[1]) Извѣстно, что Пугачевъ возилъ съ собой складную латунную избу, которую народъ и принималъ за золотую.

[2]) Церковь на Бердахъ (деревянная), построена въ 1744 г. и освящена въ 1745 г. во имя Рождества Богородицы съ придѣломъ Михаила Архангела. Эта церковь вскорѣ сгорѣла и въ 1753 г. заложена новая, освящена только въ 1756 г.; и эта церковь сгорѣла 10 Ноября 1789 г. отъ поджога. Въ 1793 г. церковь на Бердахъ совсѣмъ упразднена, причтъ приписанъ къ Вознесенской въ городѣ церкви. Снова церковь заложена при епископѣ Ѳеофилѣ и въ 1824 г. освящена. Послѣ того еще нѣсколько разъ горѣла и возобновлялась. Нынѣ церковь на прежнемъ мѣстѣ, каменная, въ честь Казанской Божіей Матери. (Дѣло Оренбургской консисторіи № 83).

кунтушѣ и въ Киргизской шапкѣ, Пугачевъ, не снимая шапки, прошелъ въ алтарь и, садясь на церковный престолъ, воскликнулъ: «А давно я не сживалъ на прародительскомъ престолѣ!» Сообщеніе объ этомъ вызвало смѣхъ окружающихъ, и Пушкинъ, полунегодуя, полуудивляясь, сказалъ: «Ахъ, свинья, свинья!» И тутъ же, со словъ разсказчика, онъ записалъ какъ этотъ разсказъ, такъ и примѣты самозванца: лѣтъ 40 отъ роду, роста средняго, смуглъ и худощавъ, волосы темнорусые, борода черная, клиномъ, верхній зубъ вышибленъ, на лѣвомъ вискѣ бѣлое пятно, на обѣихъ сторонахъ груди черныя пятна отъ болѣзни, именуемой въ народѣ «черной немочью». Глаза у Пугачева острые, проницательные, взоръ страховитый—черты, за которыя народъ и прозвалъ Пугачева «Пугачемъ». Въ другихъ мѣстахъ показанныя очевидцами примѣты Пугачева оказались тождественными съ записанными и въ такомъ видѣ появились въ трудахъ Пушкина.

Вотъ еще одинъ эпизодъ. Пугачевъ былъ женатъ; жена его, Софья Дмитріева, съ дѣтьми содержалась въ острогѣ въ г. Казани. Пугачевъ же, бывши въ Яицкомъ городкѣ, вторично женился на дѣвкѣ Устиньи Кузнецовой, которую и привезъ съ собой въ слободу. Попу было приказано поминать на эктиніяхъ, послѣ государя Петра Өеодоровича, государыню Устинью; но попъ воспротивился, говоря, что на это онъ не имѣетъ синодскаго указа, и продолжалъ поминать государыню Екатерину Алексѣевну.

Говорили Пушкину о незадолго умершемъ здѣсь священникѣ, котораго отецъ высѣкъ за то, что мальчикъ бѣгалъ на улицу собирать пятаки и гривны, которыми *Пугачъ* обстрѣливалъ городъ вмѣсто картечи, и о такъ называемомъ секретарѣ Пугачева Сычуговѣ, въ то время еще живомъ.

За пѣсни молодые казаки и за разсказы старики и старухи были награждаемы Пушкинымъ «по царски»: за каждую пѣсню или отдѣльный эпизодъ онъ платилъ червонецъ, иныхъ угощалъ виномъ, садя съ собою за столъ. Это обстоятельство, по отъѣздѣ Пушкина изъ Бердскаго поселка, вызвало въ обывателяхъ его глубокое сомнѣніе въ личности страннаго гостя, и они, собравши сходъ, смастерили такое донесеніе на имя начальника края Перовскаго:

«.... былъ у насъ неизвѣстнаго званія человѣкъ, со товарищи, середняго роста, лицомъ смуглъ, волосомъ черенъ и курчавъ, на пальцахъ за мѣсто ногтей когти, *подбивалъ подъ Пугачевщину и дарилъ золотомъ; должёнъ быть Антихристъ, потому вмѣсто ногтей на пальцахъ когти*».

Во дворцѣ В. А. Перовскаго (тогда еще не графа) отъѣзжающему поэту данъ былъ прощальный обѣдъ, на который былъ приглашенъ

цвѣтъ Оренбургскаго общества. Гвоздемъ застольной бесѣды были, разумѣется, труды Пушкина, эпизоды изъ Пугачевской эпопеи и пожеланія видѣть скорѣе въ печати исторію самозванца. Тутъ-то и показалъ Перовскій Пушкину забавное донесеніе о немъ Бердскихъ мудрецовъ, вызвавшее неудержимый смѣхъ присутствующихъ и взрывы остротъ. Выходило, что историкъ Пугачева, на взглядъ народа, былъ никто иной, какъ другой Пугачевъ.

Спустя почти мѣсяцъ послѣ отъѣзда Пушкина изъ Оренбурга, В. А. Перовскій, получилъ секретное письмо отъ Нижегородскаго военнаго губернатора Бутурлина, рисующее положеніе, въ какомъ находился тогда нашъ пѣвецъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ» *). Вотъ это письмо:

«Санкпетербургскій оберъ-полицiймейстеръ, отъ 20-го минувшаго Сентября, за № 264, увѣдомилъ меня, что по *высочайше* утвержденному положенію Государственнаго Совѣта, объявленному предмѣстнику его предписаніемъ г-на С.-Петербургскаго военнаго губернатора, отъ 19 Августа 1828 г., за № 211, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ за образомъ жизни и поведеніемъ *извѣстнаго поэта, титулярнаго совѣтника Пушкина*, который 14 Сентября выбылъ въ имѣніе его, состоящее въ Нижегородской губерніи. Извѣстясь, что онъ, Пушкинъ, намѣренъ былъ отправиться изъ здѣшней въ Казанскую и Оренбургскую губерніи, долгомъ считаю о вышеизложенномъ извѣстить ваше превосходительство, покорнѣйше прося, въ случаѣ прибытія его въ Оренбургскую губернію, учинить надлежащее распоряженіе о учрежденіи надъ нимъ, во время пребыванія его въ оной, секретнаго полицейскаго надзора за образомъ жизни и поведеніемъ его».

Письмо это въ Оренбургъ прибыло только 23-го Октября, и въ тотъ же день В. А. Перовскій положилъ на немъ такую резолюцію: «Отвѣчать, что сіе отношеніе получено чрезъ мѣсяцъ по отбытіи г-на Пушкина отсюда (sic!), а потому, хотя во время кратковременнаго его въ Оренбургѣ пребыванія и не было за нимъ полицейскаго надзора, но какъ онъ останавливался въ моемъ домѣ, то я тѣмъ лучше могу удостовѣрить, что поѣздка его въ Оренбургскій край не имѣла другого предмета, кромѣ нужныхъ ему историческихъ изысканій».

Оказывается, что Пушкину недоброжелатели его не давали покоя и въ то время, когда онъ состоялъ исторіографомъ Россійскимъ и пользовался милостями у самого императора Николая Павловича.

---

*) „Дѣло объ учрежденіи тайнаго полицейскаго надзора за прибывшимъ временно въ Оренбургъ поэтѣ (sic!), тит. совѣт. Александрѣ Пушкинѣ", въ канцеляріи бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернатора, находится нынѣ въ архивѣ Высочайше учрежденной Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи (по описи № 78, 1838 г.). Поставленныя здѣсь курсивомъ строчки въ письмѣ подчеркнуты. (Дѣло это нигдѣ не опубликовано).

Въ то время, какъ было получено приведенное выше письмо, Пушкинъ былъ уже на Волгѣ; изъ Оренбурга напутствуемый пожеланіями любезнаго и просвѣщеннаго хозяина, онъ выѣхалъ 20 Сентября на Уральскъ, осматривать становища Пугачева и слушать разсказы о немъ.

О пребываніи Пушкина въ Оренбургѣ и въ казачьихъ станицахъ помнятъ еще нѣкоторые изъ Оренбургскихъ старожиловъ, какъ, напр. отставной генералъ-маіоръ И. В. Черновъ, сообщившій, что Пушкинъ, будучи въ Оренбургѣ, посѣтилъ уѣздное и другія училища и задавалъ ученикамъ вопросы, и старушка-казачка Блинова, переселившаяся недавно изъ Бердскаго поселка на постоянное житье въ Оренбургскую станицу (форштадтъ). Разсказъ Блиновой весьма правдоподобенъ. Постараемся передать его возможно дословно. «Тогда мнѣ было лѣтъ пятнадцать, или что-то около этого; жила я съ родительницей на Бердахъ. Теперь Берды отъ Оренбурга рукой подать, поди трехъ верстъ нѣтъ, а тогда идешь, идешь—взапрѣешь... Ну, хорошо! Вышла я этто изъ избы, а по дорогѣ четверо господъ идутъ; въ серединкѣ одинъ чудно́й такой, курчавый, все руками размахиваетъ, а на пальцахъ у него длинныя такія ногти, на манеръ когтей. Господинъ этотъ что-то разсказываетъ, а остальные смѣются. Подошли къ Сакмарѣ; черный господинъ шляпу снялъ и что-то мальчишкамъ началъ бросать. Только я и видѣла, да впрямь и интереса не было: думала, такъ себѣ, погулять господа пріѣхали... Апасля́ слыхала, что это Пушкинъ какой-то. Еще у казака онъ Бердскаго рубаху изъ желѣзной проволоки [1]), что̀ тотъ при бороновкѣ изъ земли весной выкопалъ, купилъ, два золотыхъ, сказывали, далъ... чудно́й человѣкъ какой-то былъ, Богъ съ нимъ!»

Любопытно письмо одной молодой Москвички, проживавшей въ Оренбургѣ въ 1833 году, о той старухѣ-казачкѣ [2]), которую разспрашивалъ Пушкинъ и которую такъ напугалъ червонецъ:

«Мы вчера ѣздили въ Берды къ старушкѣ, которая разсказывала Пушкину о Пугачевѣ. Мы посѣтили ее съ тою же цѣлью. Взяли съ собой бумаги и карандашъ, чтобы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее спящею на печи, окруженною молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобъ это была она: старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говоритъ, что при Пугачевѣ была лѣтъ двадцати. П. И. сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали, такъ какъ слы-

---

[1]) И до настоящаго времени казаки находятъ въ землѣ кольчуги съ инициалами „П. III". Одна изъ нихъ хранится въ музеѣ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи.

[2]) По нѣкоторымъ даннымъ, возможно предполагать, что старушка эта состояла съ Пугачевымъ въ любовной связи.

шали, что она помнитъ Пугачева. «Да, батюшка», отвѣчала она, проворно слѣзая съ печки и низко кланяясь, «нечего грѣха таить, моя вина».—«Какая же это вина, старушка, что ты знала Пугачева?»—«Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростомъ не больно высокъ и не малъ, немного пониже вашего благородія. Какъ же! Хорошо знала его и присягала ему, вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положитъ платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его енералы, одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди, что срубитъ, другой—серебряный мечъ; супротивъ висѣлица, а около мы на колѣняхъ присягаемъ; присягаемъ, да поочередно, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а между тѣмъ на висѣлицу-то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это, скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта: предобрый былъ баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единаго,—куда и страхъ дѣвался. Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее, да ея брата, барина молодого, Пугачевъ, взявъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачева, а которыхъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подъ начальствомъ; такъ ужъ онъ ихъ упросилъ застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь; что жъ бы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно ихъ не до смерти убили; такъ они сползлись, обнялись, да такъ и померли».

«Много еще она намъ разсказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачева, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали... Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда разсказчица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачева: онъ жилъ тамъ въ мирное время; отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ, къ своей «барынѣ», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала она намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала, со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ. Кто знаетъ, зачѣмъ вы разспрашиваете меня о Пугачевѣ? Онамедни тоже пріѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ разсказывать; а другія бабы пришли, да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову! вѣдь это Антихристъ». Мы старались ее разувѣрить. «Да и я

думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю; такъ, кажись, что тутъ за бѣда? Онъ же, дай Богъ ему здоровья, наградилъ меня за разсказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и пріятель нашъ, полковникъ Артюковъ: ужъ онъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы-то какъ было меня напугали! Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня разспрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ мнѣ патретъ: красавица такая написана. «Вотъ,—говоритъ,—она станетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и накинулись. Кто говоритъ, что его подослали, что меня въ тюрьму засадятъ за мою болтовню; кто говоритъ: «Антихристъ! Видѣла, когти-то у него какія? Да и въ Писаніи сказано, что Антихристъ будетъ любить старухъ, заставлять ихъ пѣсни пѣть и деньгами станетъ дарить». Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить, везти меня въ Оренбургъ, къ начальству. «Такъ и такъ, говорю: смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются. «Не бойся»,—говорятъ,—«это ему самъ Государь позволилъ о Пугачѣ вездѣ разспрашивать». Ну ужъ я и успокоилась, никого не стала слушать».

Н. Г. Ивановъ.

В. П. ГОРЛЕНКО. Украинскія были. Описанія и замѣтки. Кіевъ, 1899. Мал. 8-ка. 168 стр. Цѣна 1 р. Продается въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина и Суворина.

Попробуйте опросить вашихъ знакомыхъ о томъ, кто была урожденная ихъ бабушка, и вы натолкнетесь на любопытное явленіе: большинство не сумѣетъ отвѣчать на вашъ вопросъ. Но тогда какъ знакомые попроще признаются въ своемъ незнаніи какъ бы съ нѣкимъ смущеніемъ, люди, повидимому, весьма образованные и какъ говорятъ, *интеллигентные*, пожалуй, даже подымутъ васъ на смѣхъ. А между тѣмъ истинное просвѣщеніе несомнѣнно состоитъ въ сознательномъ и разумномъ отношеніи къ окружающему, въ пониманіи прошлаго; ибо для того, чтобы знать намъ куда идти, надо твердо знать, откуда и какъ мы пришли. Такое пониманіе у насъ весьма рѣдко встрѣчается, и знаніемъ минувшей жизни мы не можемъ похвастать.

Пройдитесь по нашимъ выставкамъ исторической живописи, и вы будете удивлены: изъ всего разнообразія событій, которыя порой такъ странно сплетаются, что дѣлаютъ Русскую исторію похожею на какую-то сказку, изъ яркихъ, ожесточенно-живыхъ элементовъ стоязычной толпы, своеобразно образовавшей народъ Русскій, что берутъ для изображенія наши художники? Или сценки, для поясненія коихъ надо писать пространныя объясненія, или условныя, скучныя изображенія, явно свидѣтельствующія о совершенномъ непроникновеніи художника въ смыслъ событія.

Все это ярко свидѣтельствуетъ о непониманіи прошлаго, о равнодушіи къ нему. Но любовь „къ отеческимъ гробамъ“ слишкомъ сильное чувство, и та жадность, съ какою читаютъ историческіе романы, по большей части грубо написанные, и смотрятъ на театрѣ хоть бы напр. такія представленія, какъ „Измаилъ“, показываетъ, что чувство это не утрачено совсѣмъ, а лишь замерло, такъ какъ не получало должнаго питанія; дайте ему пищу, и оно широко разовьется. Нельзя требовать, чтобы всѣ образованные люди читали изслѣдованія по исторіи и первоисточники, тѣмъ болѣе, что многіе наши ученые сумѣли сдѣлать даже Русскую исторію скучною. Только тогда знаніе прошлаго можетъ стать достояніемъ читающаго большинства, когда это прошлое будетъ пропущено черезъ призму художественнаго изображенія. Такое-то изображеніе мы находимъ въ книжкѣ В. П. Горленка. Въ каждомъ его разсказѣ виденъ вдумчивый писатель, умѣющій зорко наблюдать и отыскивать въ мимоидущей повседневности черты прошлаго. Каждый его разсказъ художественъ, такъ какъ полонъ содержанія, не исчерпывающагося при однократномъ чтеніи, полонъ той особенности (несомнѣнный признакъ талантливости), которая заставляетъ думать о прочтенномъ и вызываетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ чувствъ. Посѣщаетъ ли онъ Петропавловскій монастырь подъ Глуховымъ, онъ вспоминаетъ о его настоятеляхъ, Св. Димитріи Ростовскомъ, и Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ. Ихъ характеристика прочтется съ наслажденіемъ, и ученымъ, и простымъ любителемъ чтенія и, конечно, глубоко врѣжется въ память послѣдняго, а можетъ быть заставитъ позадуматься и перваго.

Малозначущаго документа г-ну Горленку достаточно, чтобы нарисовать картину прежней забытой жизни. Къ лучшимъ статьямъ сборника принадлежитъ разсказъ „Бабушка Полуботкова“, написанный на основаніи бумагъ малоизвѣстнаго сборника „Любецкій архивъ графа Милорадовича“; въ него введена тонкость психологическаго анализа, а въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ вложены взгляды самого автора. Все подернуто легкой дымкой грусти, придающей разсказу особенную прелесть.

10-я и 11-я статьи представляютъ изслѣдованія о живописцахъ Левицкомъ и Боровиковскомъ. Эти статьи были нѣкогда напечатаны у насъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Пожелаемъ автору продолжать свою дѣятельность на избранномъ имъ поприщѣ. Оно ему, повидимому, сродно. Ю. Б.

махъ К. Н. Бестужева-Рюмина, изслѣдованіи Александра Гиршберга о Дмитріи Самозванцѣ (по-польски) и статей Е. Н. Щепкина „Кто былъ первый Лжедимитрій" (у Ягича въ его Архивѣ, по-нѣмецки). Письма К. Н. Бестужева-Рюмина представлены въ отрывочномъ видѣ, письма его корреспондента не оглашены; книга имѣетъ „сократическій" характеръ: подымая цѣлый рядъ недоумѣній, она даетъ лишь намеки и бѣглыя указанія. Драгоцѣнная для человѣка уже знакомаго съ исторіей вопроса и для изслѣдователя, такъ какъ возбуждаетъ пытливость его и заставляетъ взглянуть на многое съ новой точки зрѣнія, она для обыкновеннаго читателя недоступна. Гиршбергъ, напротивъ, желаетъ дать общедоступно изложенную исторію загадочной личности, 11 мѣсяцевъ сидѣвшей на Московскомъ престолѣ. Старательно обработанный матеріалъ и чисто-научные пріемы дѣлаютъ монографію эту весьма полезной и для историка, но она предназначена собственно для большой публики. Тщательно и обильно собранныя новыя архивныя показанія составляютъ лучшую сторону изслѣдованія Е. Н. Щепкина. Эти три работы ставятъ своимъ центромъ личность т. н. Лжедимитрія; и у профессора Щепкина прекрасно показано, что рѣшеніе вопроса этого вовсе не есть археологическая роскошь, а существенно необходимо для пониманія всей Русской исторіи той эпохи.

С. Ѳ. Платоновъ лишь мимоходомъ признаетъ, что Лжедимитрій I былъ *Московскаго* происхожденія и настоящій самозванецъ; онъ даетъ широкую историческую картину, на фонѣ которой выступилъ этотъ таинственный человѣкъ. Книга его цѣнна и для изслѣдователя, и для простого читателя. Пожелаемъ ей всякаго успѣха. Ю. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1900 года.
(Годъ 38-й).

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Подробный Указатель за первыя 30 лѣтъ изданія—**1** р., съ перес. **1** р. **25** к.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.